

УРАЛЬСКИЙ

ISSN 0134—241X

Следопыт

1 '87

Главные рубрики журнала:

Люди подвига

Следопытский телеграф

Страницы прозы и поэзии

Адреса романтики

Человек и природа

Путешествия и экспедиции

Музеи, коллекции

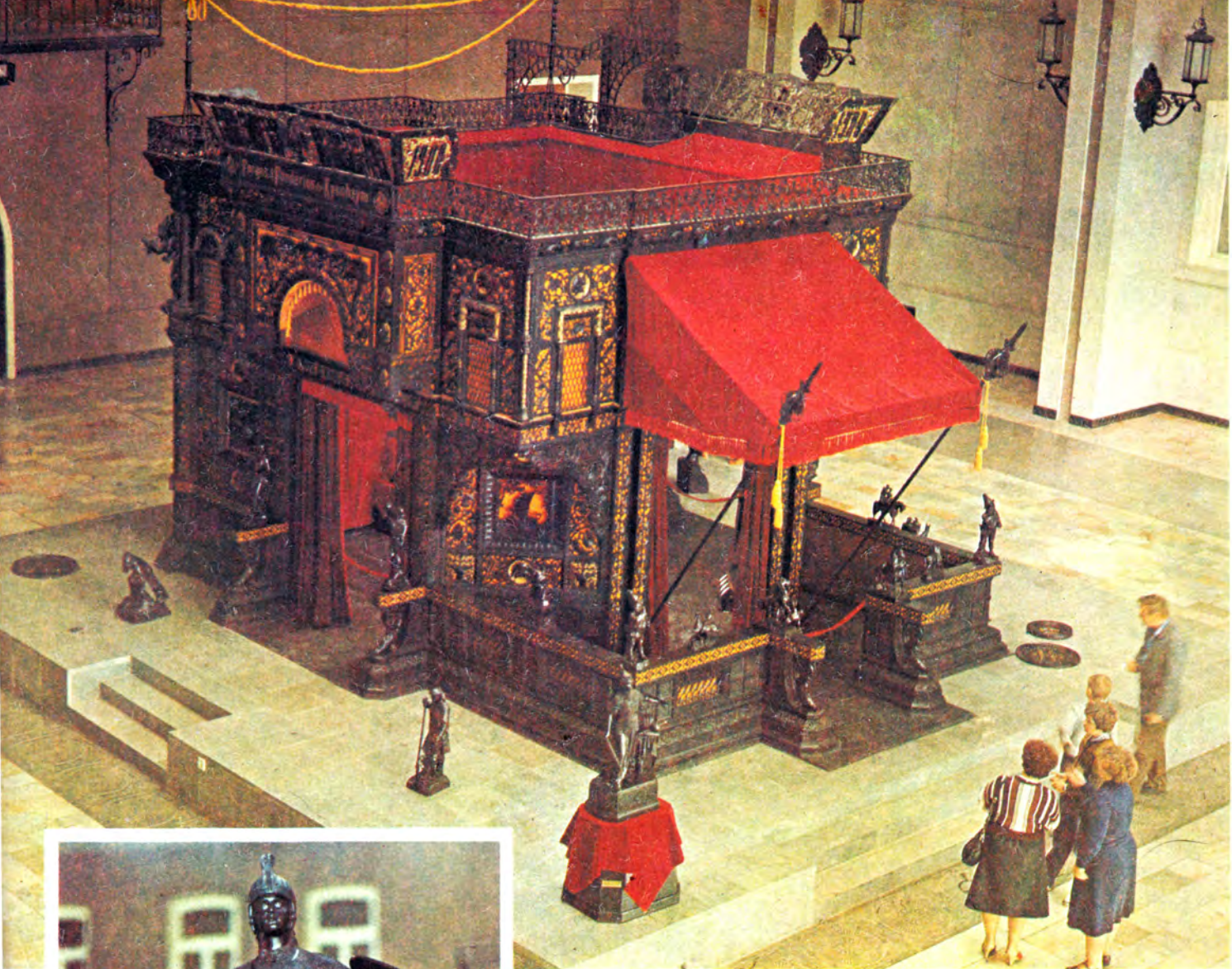
Краеведческая копилка

Приключения и фантастика

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ГОД НА ЗЕМЛЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ГОДОМ МИРА

01 - 2/4

КАСЛИНСКИЙ ПАВИЛЬОН: третье рождение

«Всемирно известный», «знаменитый», «шедевр декоративно-прикладного искусства», «символ непревзойденного мастерства уральских умельцев», «уральское чудо» — эти и многие другие восторженные эпитеты непременно присутствуют в описаниях Каслинского чугунного павильона. В мировой практике музейного дела такой памятник специалисты определяют одним словом — раритет, что означает исключительно редкая, уникальная, ценная вещь.

Читайте страницы 29—32.

Снимки Игоря Горячева

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

1 '87

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

- 2/ М. Никулина
О ДРУГЕ, О ДРУГЕ... Стихи
- 4/ В. Мироненко
РУКОПОЖАТИЕ
- 6/ А. Округин, Н. Голден
ВОЛЕЮ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН
- 15/ А. Валентинов
МАЯТНИК ВСЕЛЕННОЙ!
- 19/ И. Черников
ОГОНЬ НА СЕБЯ
- 20/ В. Яковлев
СОЛДАТ ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА
- 24/ Г. Зархин
ПРИДУМАЙ И... СДЕЛАЙ СКАЗКУ!
- 27/ Е. Чаренц
«О, АЛЕКСАНДР, ПЛАМЕННЫЙ ПОЭТ»...
- 28/ В. Шумов
ПРОИСХОДЯТ ОТ «МУЖА ЧЕСТНА» ИНДРИСА...
- 28/ Б. Зеличенко
«И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА...»
- 29/ О. Губкин
КАСЛИНСКИЙ ПАВИЛЬОН: ТРЕТЬЕ РОЖДЕНИЕ
- 33/ В. Карпов
ТЕПЛОЕ ОЗЕРО. Рассказ
- 48/ И. Королюк
ТАБУ
- 50/ МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА. Калейдоскоп
- 56/ А. Матвеев
РУССКИЙ СЕВЕР
- 60/ А. Леонидов
ТРАЕКТОРИЯ. Повесть. Продолжение
- 77/ В. Миронов
ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА. ЯНВАРЬ
- 80/ И. Карлов
ВЗРЫВЫ НА БЕЛЫХ СКАЛАХ
- 80/ ШКОЛА ДЛЯ ТЕАТРА

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

На 1-й стр. обложки рисунок Зои Баженовой

О друге,

Маяя НИКУЛИНА

А где-то на утреннем юге,
где время просторней и слаще...—
О чем я? — о друге, о друге,
о времени непроходящем.

О друге, о доме вчерашнем,
но столь удаленном и старом,
что медное небо Пиндара
сияет над морем домашним.

О доме за белой оградой...
Кудрявый, тяжелый, обильный,
какой виноград обобрали
и тискают в черной давяльне

в святое с тоски и натуги
вино сквозь протяжные сита...
О чем я? — о море, о юге,
о доме, уже забытом,
о доме, не знающем срока,
цветущем светло и богато,
любившем легко и жестоко
живущих и живших когда-то...

Утренний, яблонный сад,
голый, безлистный, цветочный,
разом омыт и объят
свежестью правды проточной.

Кто это помнит? — никто.
Было ли это? — едва ли.
Жизни не хватит на то,
чтобы вторично созпали

долгий томительный зной,
жажда колодца и крова
с теплой землей, с тишиной,
с рейсом до Верхне-Садовой.

Целую душу скопить,
в маленькой давке оглохнуть,
легкий билетик пробить,
красные двери захлопнуть —

и воскресенье, весна.
...если припомнить небрежно,
как быстротечна она —
счастье почти неизбежно.

Словно из-за дальнего предела
все еще надеются и ждут...
Между нами время отвердело —
вести дольше времени идут.

Оглянись! —
от нашего порога
через всю великую страну
эта —
невозвратная —
дорога
навсегда уходит на войну

и болит, травой не зарастая...
Где-то заблудилась позади
почта полевая-полевая,
прямо с васильками на груди.

Скрипнула дверь. Ничего не пойму —
кто это шарит в родном пепелище,
кто это душу вчерашнюю ищет
в темном, забытом, далеком дому.

То ли мой юный мифический дед —
легкая поступь, литые погоны —
встал на мои поминальные стоны
из глубины заколоченных лет.

То ли железная бабка моя —
бархатный взгляд, соболиные брови —
вышла на запах пожара и крови
биться за правду семьи и жилья.

Или, восстав из недавнего дня
в долгой заботе о хлебе воскресном,
розовой манной, земной и небесной
мама вернулась усилить меня.

Все для того, чтоб светла и кругла
дочка и внучка и правнучка наша,
с детства любившая манную кашу,
в ситцевой люльке счастливо спала.

..Или из ближнего небытия,
из-под воды, из-под света и камня
ищет меня и меня окликает
мертвая, павшая ровня моя...

Да что мне до зимы. Ты сам природа:
откроешь дверь — и холодом пахнет.
И круглыми плодами обрстет
не названное словом время года.

Часы разбили. И ничей песок
скрипит под неумными шагами,
и облако летит наискосок,
и заморозки пахнут парусами.

...скажешь — непрожитый путь,
или крошечная страсть,
или какая-нибудь
злая, пустая напасть?

О друге...

Этого нету. А есть
маленький город, зима,
если и впрямь — от ума
горе,
то это не здесь.

Здесь — тишина, синева,
стаи тяжелых ворон,
камень, сухая трава,
свет обнаженных колонн,

снег на далеких горах,
холод от близкой воды,
в мелких, случайных словах
содовый привкус беды.

Положу платок на камень,
наберу сухой земли,
растянув глаза руками,
погляжу на корабли,

на парадный серый строй,
многопалубные своды,
как идут они домой
в севастопольские воды.

А один ушел вперед
выше берега и храма,
где моя родная мама
нежным облаком плывет.

И не страшно ей кружить
над высоким белым градом,
где она жила когда-то
и всегда хотела жить.

Замыкая долгий круг
переменчивой природы,
перелетные погоды
возвращаются на юг.

Я пишу ниоткуда, потому что живу нигде,
я забыла твой адрес, но письма еще доходят,
ни жива, ни мертва, не сгорела в лихой беде,
потерялась, как серый солдатик, в ночном походе.

Моя долгая верность выцвела, как платок,
мое юное горе прошло — и уже не жалко,
я прошла за тобой столько ближних и дальних дорог
зимней птицей, жилицей, ночлежницей и постоялкой.

Рядовую, уже никакую мою беду
непростительно было б вписать в наградные списки —
только в общую землю, под небо, ветлу, звезду,
и уже никогда под строгиеobeliski.

Прожила — ты скажешь. Не знаю. Прошли года,
проводжала, встречала, жалела, была, сказала,
и останусь нигде, ниоткуда, сейчас, всегда
незаметной подробностью станции и вокзала.

Мы-то с тобой, слава богу, не спорим,
словно до встречи во всем согласились,
и, согласившись, на свет появились,
не просчитавшись ни веком, ни морем.

Словно отмечены в тайной тетради
датой явленья и датой —

не знаю —
страшно промолвить, но эта — вторая —
так незначительна в общем раскладе.

Рисунки Ольги Горячевой

РЕШЕНИЯ

XXVII СЪЕЗДА —

В ЖИЗНЬ

РУКОПОЖАТИЕ

Беседа с первым секретарем ЦК ЛКСМ Украины
Виктором МИРОНЕНКО *

Корр.: В Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXVII съездом, отмечено: «Для национальных отношений в нашей стране характерны как дальнейший расцвет наций и народностей, так и их неуклонное сближение». О чем размышляли вы, читая эти строки партийного документа?

В. МIRONENKO: Я украинец. Коммунист. Родина моя — Чернигов. После работы XXVII съезда, признаюсь, почувствовал: многое, что там говорилось, касается меня лично как человека. Съезд как бы прикоснулся к сокровенным моим исканиям, сомнениям, и вот — помогает теперь духовным обретениям. Я тоже приведу слова из Программы Коммунистической партии Советского Союза: «Рост и сближение национальных культур, упрочение их взаимосвязей делают все более плодотворным взаимное обогащение, открывают советским людям широчайшие возможности для приобщения ко всему, что рождено талантом каждого из народов нашей страны». Вот я назвал древнейший из городов страны — Чернигов, — и он не может не отозваться и в сердцах уральцев...

Корр.: Сразу вспоминаются былины об Илье Муромце: «Он подбегал-то под славный под Чернигов-град, выходили мужички да тут черниговски и отворяли ворота в Чернигов-град...»

В. МIRONENKO: Всем нам близок былинный богатырь святорусский — Илья Муромец. Позже Украина и Урал пели былины о Ермаке. В 1654 году Переяславская рада приняла решение о воссоединении Украины с Россией. Там записано: «Чтобы навеки все едино было...» Вот из каких глубин зрело родство! Это для нас не просто даты истории — это близость душ наших народов. И у каждого есть право — и обязанность! — на личный вклад в общее нравственное богатство страны. Как-то задумался: что же дал стране невеликий уголок ее — черниговский? Что отпечатали в истории, чем жили, как здравствовали обозначенные рядом с Черниговом Остер, Нежин, Козелец, Прилуки, Качановка, Щорс...

Конечно, историю их я знал и раньше, но факты, выстроенные в ряд, выросли для меня лично в мощный аргумент. В этой истории — истоки патриотизма, общности нашей судьбы. Судите сами. Остер основан в 1098 году Владимиром Мономахом. Грозная когда-то была крепость! Нежин возник в XI веке. Вел торговлю. Здесь учился Николай Васильевич Гоголь, сказавший миру о России, родине, о человеке слова непревзойденной мощи и проникновенности... Здесь же комсомолец Герой Советского Союза Яков Батюк руководил подпольной организацией в годы Великой Отечественной

войны. Недалеко от Нежина, на реке Удай, расположились Прилуки. Древнейший город Руси отбивал напор орд Батия. На запад от Прилук — село Вороньки. После ссылки здесь жил и похоронен декабрист Сергей Григорьевич Волконский. Поодаль — сады Качановки. Глинка писал тут оперу «Руслан и Людмила». Ренин рисовал картину «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Не столь далеко от Чернигова город Щорс. Особая расшифровка, наверное, не нужна. Ну, а как обойти вниманием Новгород-Северский? Отсюда 800 лет назад выступили навстречу половцам полки князя Игоря Святославовича... Вот откуда вьется ниточка к русскому эпосу «Слово о полку Игореве».

Поразительной мощью и своеобразием дышит этот уголок Украины. Разве же не общие с Россией здесь корни? И если присмотреться к Родине этим требующим обновления чувством, какое сплетение судеб наших народов увидим мы! Этот труд сердца вначале незаметен. Его не учтешь отчетами о проделанной работе. Но труд необходимейший, если хочешь быть личностью. Особая ценность XXVII съезда КПСС в том, что он обращается непосредственно к совести, чувству советского человека... Чтобы выполнить впечатляющие задачи по ускорению социально-экономического развития, надо иметь большой запас прежде всего нравственных сил, знать в нашей действительности истоки их...

Корр.: До поездки на Украину я был в Чебаркуле, небольшом городе Челябинской области, куда эвакуировался в годы войны один из украинских заводов. Запомнилось мне выступление ветерана труда, наставника учащихся СПТУ. Профессиональное обучение, говорил он, налажено в целом хорошо. Есть опытные кадры, есть база — тренажеры, учебные классы, насыщенная практика... А вот нравственное воспитание отстает, оно где-то на втором плане. Нам, кадровым рабочим, надо вместе с профессиональным опытом щедро, интенсивно передавать зажигательный импульс энтузиазма, вдохновения, без которых никакое ускорение невозможно.

В. МIRONENKO: Мне видится, самое главное и великое здесь в том, что мы не перестаем думать о проблеме передачи духовного опыта поколений. Могу понять заботу ветерана. Ведь то, к чему сегодня призывает партия — резкому увеличению производительности труда, самоотдаче, — уже достигалось, причем во времена трудные, лихолетные. В годы Великой Отечественной войны в Чебаркуль эвакуировали завод «Электросталь». От ввода его в строй зависел выпуск боевых самолетов для фронта в труднейшем 1942 году. Пуск предприятия зависел, в свою очередь, от котельной. Строительство ее поручили строительно-монтажной части Запорожстроя. Прорабу Подлепе дали жесткий срок — пять дней. Для Подлепы приказ стал руководством к поиску. Каждый, самый малый резерв был им учтен и

* На XIII пленуме ЦК ВЛКСМ В. И. МIRONENKO избран первым секретарем Центрального комитета ВЛКСМ

приведен в действие. График был рассчитан не по часам, а по минутам. Котельную возвели вместо пяти дней за 22 часа! Еще раньше, в августе 1941 года, в Кизел прибыл Киевский станкостроительный завод. Его необходимо было пустить за 60 суток. Десять тысяч уральцев из ближайших сел, деревень пришли на помощь украинцам. На восемнадцатый день завод выпустил первую продукцию.

Корр.: После Победы Урал пришел на помощь земле Украины. Мастерские Уралмаша помогали восстанавливать заводы Киева, Донецка, Жданова. И сегодня в Жданове неплохо, а точнее сказать, надежно работают уралмашевские установки непрерывной разливки стали и прокатные станы.

В. Мироненко: Сейчас у нас у всех задача чрезвычайной важности — вывод качества продукции на мировой уровень. На встрече с трудящимися города Тольятти М. С. Горбачев остро поставил вопрос: советская продукция должна не просто достигать мирового уровня, но превышать его! По опыту тех же установок разливки стали могу судить, как решается эта проблема. Понимаю, как непросто перестраиваться заводу заводов страны...

Заговорили мы об Уралмаше, и мне вдруг вспомнился Всемирный фестиваль молодежи в Москве, участником которого мне довелось быть. Самая волнующая минута — зажжение фестивального огня. Дочь первого в мире космонавта — Лена Гагарина и сын рабочего класса уралмашевец Павел Ратников зажгли факел мира.

Корр.: Разговор перешел к самой жгучей проблеме современности...

В. Мироненко: Да, мир пока расколот. Именно это призывает нас к бдительности, высшее выражение которой — единство, солидарность. Из множества славных имен героев назову три: Николай Островский, Олег Кошевой, Николай Кузнецов. Имена, ставшие символами. Они выразили глубокие, порой исключительные нравственные возможности, выкованные социализмом. Эти лучшие черты советского молодого человека в наши дни ярко проявляют и рабочие, и крестьяне, и солдаты, выполняющие свой интернациональный долг в составе ограниченного контингента войск в Афганистане.

Одной из центральных задач ЛКСМ Украины, как и комсомола всей страны, является именно эта — воспитание патриота своей страны. Патриот тот, кто готов защитить социализм трудом и в бою, в идейной битве. Но патриот должен понимать и всю сложность, остроту состояния современного мира. Не могу не привести слова А. И. Еременко, под командованием которого воины Западного, Брянского фронтов и 4-й Ударной армии вели начальные, горькие, героические месяцы войны... Он писал: «Проблема войны и мира — самая ответственная область деятельности высших правительственных инстанций, связанная с коренными интересами всего народа, сохранением или потерей национальной независимости и социальных завоеваний. Пока существуют в мире условия для возникновения войн, к ним нужно быть готовыми всегда...»

Корр.: После XXVII съезда уже прошло некоторое время. Какими вам видятся задачи комсомола республики?

В. Мироненко: В адрес республиканской комсомольской организации на съезде коммунистов Украины прозвучали и добрые слова, и требовательно-товарище-

ская, партийная критика. Было подчеркнуто, что не везде и не всегда предъявляется высокая требовательность к членам ВЛКСМ за выполнение уставных обязанностей, живуч формализм. Значит, перестройку начинать надо с себя, улучшить стиль работы: суметь преодолеть текучку, жить заботами молодежи.

Перед нами громадный пласт работы. Это прежде всего наращивание экономического потенциала республики. В сжатом и четком виде эти задачи сформулированы в Основных направлениях экономического и социального развития СССР. В двенадцатой пятилетке промышленности Украины предстоит увеличить выпуск продукции на 18—21 процент. Реконструируются и технически перевооружаются шахты и металлургические предприятия Донбасса, вводятся новые мощности на горно-обогатительных комбинатах. Одна из богатейших житниц страны Украина должна еще более, в значительных масштабах, повысить эффективность сельского хозяйства.

Выполнить эти напряженные планы будет непросто. К тому же ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС требует значительных финансовых и материальных затрат. Но мы уверены, что благодаря помощи всей страны, в том числе и трудящихся Урала, эти трудности будут успешно преодолены. Трудовые коллективы нашей республики приложат все силы, чтобы планы были, безусловно, выполнены и перевыполнены.

Естественно, что в центре внимания комсомола и молодежи будут ключевые позиции народного хозяйства республики. Но за масштабностью деяний нельзя ни в коем случае упускать и другие моменты, из которых складывается наша жизнь. Нам важно, что недавно совершил перелет на Чукотку спроектированный и исполненный украинскими рабочими и специалистами на уровне лучших мировых образцов транспортный самолет «Руслан», но нам важно и то, как молодые продавцы Бердянска торгуют обувью местного производства. Нам жизненно важно, чтобы не пустовали Дворцы культуры и стадионы и что подадут в жаркий день жатвы на обед молодому механизатору.

Думаю, подобные вопросы волнуют и комсомол Урала. Хочется подчеркнуть — как все-таки близки мы, несмотря на расстояние, друг другу. Вот на днях отправился за опытом в Свердловск секретарь комитета комсомола Киевского производственного объединения «Арсенал» Виктор Безверхий. Прекрасный опыт строительства молодежных жилищных комплексов накоплен на Урале. Сейчас и для Киева этот вопрос встал весьма остро. Думаю, и от его командировки зависит, как скоро и насколько умно мы развернемся со строительством. Неизмеримо вырастает личная ответственность комсомольца за каждый шаг, данное слово. Разве же можно идти вперед уверенно и быстро без союза, рукопожатия наших народов? Рукопожатия в слове и деле.

Беседу вел Ю. БОРИСИХИН

К 70-ЛЕТИЮ

ВЧК — КГБ

ВОЛЕЮ рабочих и крестьян

Андрей ОКРУГИН,
Николай ГОЛДЕН

Рисунки Сергея Малышева

Документальное повествование

В конце февраля 1918 года родилась первая на Урале Екатеринбургская ЧК. Председателем ее стал член РСДРП(б) с 1905 года Михаил Иванович Ефремов, носивший в дореволюционные времена подпольную кличку Финн.

В городе его хорошо знали. Еще в ноябре 1906 года товарищи избрали Михаила Ивановича членом Екатеринбургского комитета РСДРП и назначили ответственным организатором за пропагандистскую работу в Привокзальном районе. А через два года охранка арестовала его в Уфе.

Сохранился документ уфимской полиции, где указывается, что «Ефремов в 1908 году входил в состав Уфимской организации РСДРП, осуществлял руководство БОНВ¹, в этих целях содержал конспиративную квартиру». Военный суд приговорил Ефремова к смертной казни «за злодеяния против основ существующего государственного строя и за принадлежность к боевым дружинам».

В ожидании исполнения приговора Михаил Иванович провел в камере смертников три месяца. В конце концов неожиданно для него смертная казнь была заменена бессрочной каторгой...

...На свободу Ефремова выпустила Февральская революция. Он приехал в Екатеринбург и здесь стал разъездным организатором-агитатором местного губкома партии. Октябрьская революция еще была впереди, а в селе Черноусово Ефремов уже осуществляет национализацию ткацкой фабрики Жирякова, первую, как считают историки, национализацию капиталистического предприятия... Не только на Урале, но и в России.

И вот уральский большевик становится председателем Чрезвычайной комиссии. Он — в самой гуще беспощадной борьбы с врагами молодой Советской власти.

Позднее, вспоминая свою работу в ЧК, Ефремов писал в автобиографии: «Я имел специальное задание по подготовке перевозки Николая Романова из Тобольска в Екатеринбург. Это была непростая задача. По нашим сведениям, Романову готовился побег...»

Еще в августе 1917 года бывший российский император Николай II вместе со своей семьей был отправлен Временным правительством в Тобольск, подальше от гнева пролетариата Петрограда и других центральных городов страны. С экс-императором, получившим в 1905 году прозвище Кровавый, был прислан для охраны отряд, состоявший сплошь из георгиевских кавалеров. Командовал отрядом полковник Е. Кобылинский.

Романовых поселили в доме бывшего тобольского губернатора. Восемнадцать комнат особняка заставили

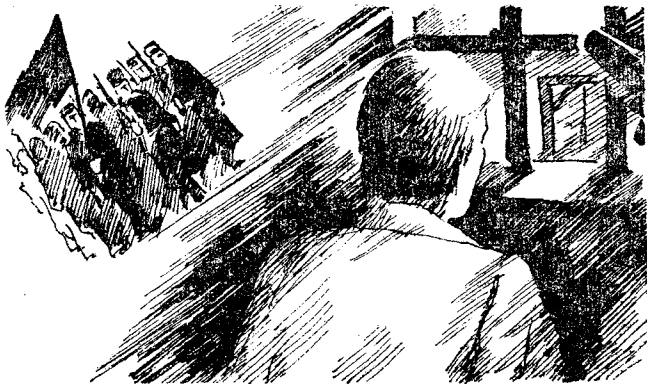
дорогой мебелью, которую Николай прихватил из царских дворцов, полы застлали дорогими коврами. По тобольским гостиницам разместились придворные, их Николаю разрешили взять с собой.

Тобольская губерния притягивала в то время различного рода авантюристов. Переодетые офицеры, бывшие знатные царедворцы, эмиссары мятежных казачьих атаманов, черносотенцы, реакционное духовенство, представители дипломатических миссий и военных разведок противоборствующих империалистических лагерей — Антанты и Германии — беспрерывно сновали по всей Западной Сибири и Уралу...

Первое, чем пришлось заняться Ефремову, как только он приступил к обязанностям председателя Екатеринбургской ЧК, — это сбор необходимых сведений, связанных с пребыванием Романовых, проверка достоверности имеющейся информации. И нелепые слухи, и действительные настораживающие факты, соединенные с точными и сухими справками из официальных советских учреждений, образовывали причудливую смесь, в которой надо было экстренно разобраться, отделить истинное от ложного, главное от второстепенного. Всю эту пеструю картину осмысливали вместе с председателем ЧК ближайшие его соратники — двадцатичетырехлетний заместитель председателя балтийский матрос с линейного корабля «Заря свободы» Павел Хохряков и сорокадвухлетний член коллегии чрезвычайкома Сергей Егорович Чуцкаев, большевик с 1903 года.

Ночи напролет светились окна второго этажа бывшей «Американской гостиницы» на Покровском проспекте (ныне улица Малышева). Здесь разместилась Екатеринбургская Чрезвычайная комиссия. Лишь под самое утро работа прерывалась — днем оба помощника Ефремова занимались другими обязанностями. Павел Хохряков руководил Центральным штабом Красной гвардии, а С. Е. Чуцкаев был и председателем горисполкома, и членом Уралобкома партии большевиков, и комиссаром народного просвещения Урала. Да и сам председатель в это время суток тоже, как правило, занимался текучкой: инструктировал красноармейцев, отправлявшихся на подавление очередного мятежа в отдаленном уезде, выявлял организаторов саботажа на предприятиях, выступал на собрании рабочих с разъяснением задач чекистских органов, допрашивал арестованных контрреволюционеров и спекулянтов. Штатных сотрудников у него было, как говорится, раз, два — и обчелся, даже охрану арестованных несли паряды красногвардейцев, приходившие на дежурство после заводских смен. Обстановка на востоке от Екатеринбурга все больше походила на предгрозовую. Сведения из Тобольской губернии, в сочетании с тревожной информацией из центра

¹ Боевые организации народного вооружения

и других районов страны, складывались в зловещую картину: в Западной Сибири созрел крупный монархический заговор, механизм которого уже почти отлажен и вот-вот будет приведен в действие...

Чтобы представить себе степень ответственности, которая легла на плечи уральских большевиков, раскрывших деятельность заговорщиков в соседней губернии и всю опасность его возможных последствий, надо хотя бы вкратце вспомнить внутреннее и внешнеполитическое положение молодой Советской республики в конце зимы и начале весны 1918 года.

С запада над Советской Россией висела прямая угроза германского нашествия. Украину топтали сапоги кайзеровских солдат. В Закавказье рвались турецкие войска. В ответ на вынужденно заключенный Советским правительством 3 марта 1918 года Брестский мирный договор английский десант через три дня оккупировал Мурманск. Вслед за тем страны Антанты заявили о непризнании ими Брестского мира и уже 5 апреля начали интервенцию высадкой своих войск на Дальнем Востоке. Чуть позже, в середине апреля, германские войска, нарушив договорные соглашения, оккупировали Крым.

В то же самое время российская контрреволюция продолжала развязанную ею гражданскую войну. На Дону, Северном Кавказе, Южном Урале и в Казахстане шли бои, в Сибири орудовали атаманы-палачи Семенов и Калмыков. Китайско-Восточная железная дорога находилась в руках царского генерала Хорвата.

По всем крупным городам страны активизировались подпольные группы. В центре России уже объединились на антисоветской платформе и образовали «Правый центр» ранее разобщенные контрреволюционеры всех мастей: кадеты, монархисты, «Совет общественных деятелей», «Союз земельных собственников». Продолжали свою подрывную деятельность представители других непролетарских партий.

И все-таки этой разномастной своре, терзающей измученную страну, для настоящего и долговременного объединения всех контрреволюционных сил в тот период не хватало главного — царской короны. Поэтому многие из «спасителей России» засылали своих агентов и эмиссаров в район Тобольска, мечтая заполучить к себе в стан если не самого Николая II, то хотя бы кого-то из его семьи.

Одновременно и империалистические государства (каждое по-своему) проявляли заинтересованность в «спасении» Романовых, чтобы получить возможность более результативно влиять на ход событий в России и, в конечном итоге, на мировой арене: они охотно поощряли деньгами разного рода авантюристов, берущихся

избавить поверженного монарха от «совдеповского плена». Кажется, более прочих здесь преуспел южно-уральский атаман Дутов, который ухитрился выторговать на спасение царской семьи миллионные субсидии сразу у двух противоборствующих держав — Франции и Германии.

Экс-император ожидал своего освобождения со дня на день. Обстановка в самом городе и вокруг него давала реальную надежду на такого рода благополучный исход...

Исполком Уралсовета и члены коллегии Екатеринбургской ЧК, имея достаточно ясное представление о положении дел, сознавали, что Тобольская губерния совсем не подходящее место для пребывания семьи Романовых. В самом губернском центре на 22 тысячи жителей приходится менее тысячи кадровых рабочих консервной фабрики и лесопильного завода. Остальное население — это, главным образом, купцы, чиновники, мелкие торговцы, ремесленники, монахи. В редких деревнях вокруг Тобольска верховодят кулаки и зажиточные крестьяне. Сельская беднота, оставаясь разобщенной, беспросветно батрачит на хозяев. Кулачье же, в большинстве своем вооруженное, поддерживает белогвардейские офицерские отряды, наводнившие в последнее время Западную Сибирь.

Советская власть на всей территории губернии еще не окрепла, она делает первые шаги. Зато во всем этом кулацко-белогвардейском гадюшнике ощутимо влияние архиепископа Гермогена. В его распоряжении монастыри с обширными пахотными и лесными угодьями, добротным инвентарем, сотнями работников-монахов и немалыми денежными средствами. Это крупные экономические хозяйства, которые влияют на все стороны жизни края.

Сам архиепископ — ярый монархист, когда-то приятель покойного Григория Распутина. В прошлом году он лично посетил Петроград и убеждал Временное правительство в необходимости перевозки семьи Романовых под его опеку, так как в Тобольске «владыка Гермоген» действительно похож на владыку. Местный Совет, в основе своей меньшевистско-эсеровский, для Гермогена слишком хлипкий противник. Единственные затруднения доставляет «владыке» небольшая по численности, но очень сплоченная большевистская фракция депутатов Совета, руководимая И. Коганицким; по настоянию большевиков тобольский совдеп несколько раз пытался поприжать архиепископа. Однако хитрый Гермоген, будучи настороже, почти всегда выкручивался.

В конце прошлого года дьякон Евдокимов по наущению священника Благовещенской церкви Алексея Васильева во время службы провозгласил «многие лета царствующему дому» Романовых. Местный Совет после короткого допроса наложил на попа и дьячка домашний арест. Но Гермоген тотчас укрыл обоих в монастыре.

Пользуясь покровительством архиепископа, в 25 церквях, на улицах города и даже в казармах монахи открыто распространяют листовки с призывами «помочь царю-батюшке» и «постоять за веру русскую, православную». Они ведут себя не по-монашески нахально и безбоязненно, как хозяева положения.

По сообщению местных большевиков, за последние полгода в Знаменском монастыре Тобольска и расположенном неподалеку от города Абалакском монастыре численный состав увеличился почти вдвое за счет «новообращенных братьев», которых слишком твердо ставят ногу, когда идут в церковь к обеду.

Среди населения самого Тобольска наиболее надежной опорой для Гермогена служит «Союз фронтовиков»,

образованный из офицеров и унтеров царской армии. Его руководитель бывший штабс-капитан Василий Лепилин (по другим данным Летемир) ежемесячно получает от архиепископа на текущие расходы по 12 тысяч рублей. Лепилин открыто угрожал местному Совету арестом всех членов исполкома и пугал «кровавой баней» вроде той, какую устроил в Оренбурге атаман Дутов. Однако что-то удерживает их от расправы. Может быть, и сам Гермоген прибегает «Союз» до поры, до времени.

Хорошо налажена и прямая связь Гермогена с семьей свергнутого царя через духовника последней отца Алексея Беляева и начальника охраны полковника Евгения Кобылинского.

О Кобылинском екатеринбургским чекистам пока известно немного. Это офицер-фронтовик. По убеждениям — монархист. После Февральской революции назначен комендантом Царского Села с приказом обеспечить безопасность Романовых. При отправке в Тобольск оставлен при экс-императоре в качестве начальника конвоя. По всей видимости, полковник охотно вывезет своих пленников в любое время и в любое указанное ему место, если бы это зависело только от него лично. Но в отряде охраны свыше 300 солдат-фронтовиков 1-го, 2-го и 4-го гвардейских полков. И на них большое влияние оказывает выборный солдатский комитет. Его председатель — подпрапорщик А. Матвеев — поддерживает контакт с большевистской фракцией Тобольского Совета. Комитет этот добился некоторого ужесточения режима для семьи Романовых: солдаты не разрешили Николаю и его сыну носить погоны, отобрали личное холодное оружие, запретили выход в город. Полковник Кобылинский в ответ на притеснения комитетом экс-монарха обещал «крупные неприятности», которые последуют со стороны двояродного брата Николая II — английского короля Георга V. Один из командированных екатеринбургской ЧК в Тобольск товарищей сообщает, что среди солдат охраны ходят упорные разговоры, будто весной они все разъедутся по домам, так как после вскрытия рек Тобола, Иртыша и Оби «охранять будет некого», мол, «охраняемые уплывут...»

В прямой связи с этим часто упоминается паровая шхуна «Святая Мария», которая с осени прошлого года встала на зимовку в Тобольском речном порту. Откуда она взялась — неизвестно, чье это судно не ясно, команда ни с кем не общается и на берег почти не сходит. Вахту несут вооруженные люди и близко никого не допускают. Однако изредка к борту шхуны подъезжают монастырские обозы с продуктами, обнаруживая и тут вездесущую руку Гермогена...

Особое положение Тобольского архиепископа и его возможности притягивают к себе внимание монархических организаций из пентров страны; их посланцы стремятся прежде всего войти в контакт с Гермогеном. Неоднократно появлялись некие «братья» Раевские, они навещали владыку порознь и, несмотря на «родство», меж собой ни разу не встречались. У одного из них, задержанного Советом, обнаружено удостоверение «Все-российского братства православных приходов», и на допросе этот «Раевский» заявил, будто привез Гермогену письмо от епископа Нестора Камчатского. Депутаты-большевики местного Совета провели обыск в покоях архиепископа и нашли письмо из Крыма от бывшей царицы, матери Николая II Марии Федоровны, где она призвала Гермогена взять на себя миссию по спасению трона Романовых и восстановлению монархии в России. Кроме того, из тайников изъяты письма и документы, подтверждающие регулярные связи с московскими и петроградскими монархическими центрами, их представителями в Тобольской губернии. В городе скрывается

где-то, скорее всего в монастыре, резидент московского «Монархического центра».

Упомянутый священник Васильев часто появляется в Тюмени возле некоего поручика Бориса Соловьева. По сведениям, полученным из надежного источника, Б. Н. Соловьев является зятем покойного «старца» Гришки Распутина и прибыл в Тобольскую губернию полномочным представителем петроградских монархических организаций. В пьяном виде поручик хвастался, будто пользуется особым доверием бывшей императрицы Александры Федоровны, состоит с ней в переписке, и при этом показывал письмо, на котором вместо адреса обозначен необычной формы паучий крест¹. Известно также, что Соловьев располагает большими суммами денег, предназначенных на вербовку людей в местные белогвардейские отряды и для подкупа нужных лиц. Весь поток бегущих офицеров, жандармов, царедворцев и прочих, следующих через Тюмень в Тобольск, напелен на него и в дальнейшем распределяется по его усмотрению.

Несмотря на военное положение, введенное на всей территории Западной Сибири с 15 февраля текущего года, Б. Н. Соловьев свободно разгуливает по самой Тюмени и окрестным селам в сопровождении личной охраны. Его, конечно, следовало бы арестовать. Однако меньшевики и эсеры, преобладающие в Тюменском Совете, не дают возможности установить в городе революционный порядок. Попустительство их привело к тому, что сегодня в Тюмени на одной и той же улице идет запись в Красную гвардию и рядом открыто действует соловьевский вербовочный пункт «Народной армии».

Немногочисленные красногвардейцы Тюмени несут охрану вокзала, почты, телеграфа и самого Совета, на большее не хватает сил. Вся остальная территория от Тюмени до Тобольска полностью контролируется кулацко-белогвардейскими группами бывшего штабс-капитана Сергея Маркова.

Таким образом, Николай Романов с семьей, проживая в Тобольске, отгорожен с запада и юга от революционной народной власти сотнями верст таежного пространства, насыщенного приверженцами монархии.

В то же самое время он имеет перед собой совершенно свободные пути на север и восток. В восточном направлении, по зимнему тракту через Ишим при наличии перекадных лошадей или оленей, беглецов можно быстро доставить в любую точку Сибири и Дальнего Востока. На север можно сбегать с еще большей легкостью, даже с некоторым комфортом. Надо лишь дожидаться ледохода. И как только «Святая Мария» сможет сдвинуться с места, на ней легко добраться до Обдорска², откуда остается пересечь на борт крейсера, который обещали прислать англичане еще Временному правительству. Сейчас, когда королевская эскадра уже находится в Мурманске, последний вариант оказывается наиболее вероятным...

Меры предупредительного характера, предпринимаемые со стороны Советского Урала в конце февраля — начале марта 1918 года, не дали ожидаемого результата. Из трех красногвардейских отрядов, посланных на перекрытие вероятных путей бегства Романовых, только один достиг конечной цели и оседлал восточный тракт Тобольск — Ишим. Другой отряд вышел из Надеждинска³ по направлению через Никито-Ивдель и Укла-

¹ Руководитель петроградской черносотенно-монархической организации Н. Е. Марков (Марков 2-й) в эмиграции писал: «Нашим условным знаком была свастика... Императрица хорошо знала этот знак и предпочитала его другим...»

² Ныне г. Салехард.

³ Ныне г. Серов.

довы Юрты на Березов с задачей контроля водного пути в северном направлении и пропал без вести.

Следовательно, водный путь по Оби пока остается непокрытым. Третий отряд екатеринбургских рабочих, продвигаясь по тракту Тюмень — Тобольск, дошел до села Голопутово, где и был полностью уничтожен бандой Маркова. На место преступления экстренно отправлен специально проинструктированный чекистами летучий отряд под командой Н. И. Зверева с двойной задачей: разгромить Маркова и на обратном пути через Тюмень навести в самом городе революционный порядок, прежде всего арестовав и доставив в Екатеринбургскую ЧК всех подозрительных лиц.

Исходя из такой напряженной ситуации, президиум исполкома Уральского областного Совета рассмотрел вопрос о необходимости срочного изъятия из Тобольска Николая Романова с семьей и перемещении его на новое место жительства в Екатеринбург под надежную охрану уральского пролетариата.

В один из ранних весенних дней секретарь Уралобкома партии, военный комиссар Урала и член президиума исполкома Совета Филипп Исаевич Голощекин выехал в Москву, чтобы заручиться согласием ВЦИКа на перевозку Романовых. Одновременно Екатеринбургская Чека, получив «добро» исполкома, приступила к выполнению своего заранее разработанного плана. П. Д. Хохрякову предстояла поездка в Тобольск.

— Начинаем, Павел, — сказал Ефремов своему заместителю. — Предложения наши одобрены. Откладывать операцию до возвращения Голощекина нельзя.

— Давно готов, — ответил Хохряков, — и Татьяна моя согласна. К тому же и по родителям соскучилась...

— Вот-вот! Конспирация полная, — строго сказал Ефремов. — Ты уж извини за напоминания лишний раз, но иначе вам не одолеть и полпути до Тобольска. Перестреляют еще по дороге, как куропаток. А большой отряд, сам понимаешь, может вспугнуть Романовых: снимутся с места, и нищи тогда ветра в поле!

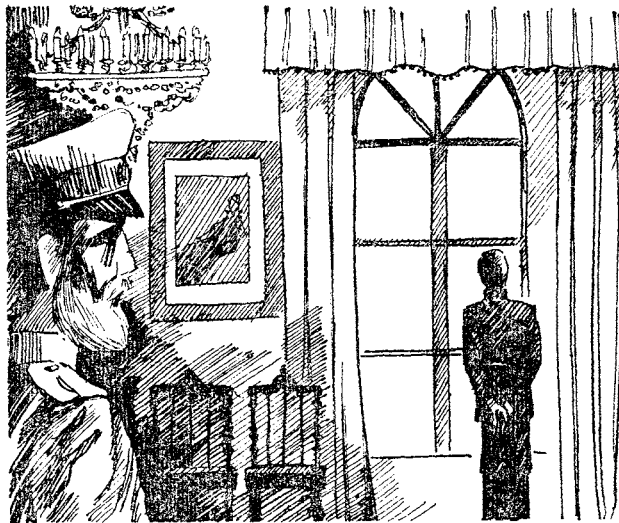
— Где наша не пропадала! — весело хохотнул матрос.

Однако Ефремов нахмурился, озабоченный веселостью и даже, как ему показалось, беззаботностью Павла. У Хохрякова в отличие от него не было достаточного опыта конспиративной работы: Павел привык действовать в открытом бою, а тут враг мог ударить откуда угодно, с любой стороны.

— Ваша легенда не должна вызывать никаких сомнений. Вы с Татьяной Наумовой жених и невеста. Она едет к своим родителям первой. Ты едешь вслед за ней, на смотрины. Кстати, костюм приличный себе купил?

— С Татьяной вместе выбирали, — похвастался Павел. — Очень даже жениховский костюм. В клеточку. Ей нравится.

— Я не о ее вкусе беспокоюсь, а о вашей безопасности, — усмехнулся Михаил Иванович. — В помощь тебе поодиночке в Тобольск проберутся Семен Заславский и Александр Авдеев. Оба с подложными «торговыми» паспортами. Документы на всех вас готовил наш работник Медведев, надежнейшие бумаги: не придерешься. Чуть позже по двое-трое начнут просачиваться остальные наши товарищи. Сбор в Тобольске у Коганицкого. Все прибывшие входят в полное твое распоряжение. Учти: лучшие кадры посылаем, все отборные бойки. Областной Совет дает тебе чрезвычайные полномочия по принятию всех мер, чтобы не допустить освобождения Романовых. В случае твоей гибели руко-

водство группами переходит к Заславскому, не станет Заславского — руководитель Авдеев и так далее. Ну, они в курсе дела. Последовательность твоих задач: убедиться, что Романовы на прежнем месте, и прощупать, насколько надежна охрана. Наблюдение за губернаторским домом ведешь с первого дня. Дальше с помощью Коганицкого войди в контакт с местной властью, разберись, какие слои ее поддерживают, а главное — выясни построение рабочих, портовиков, охотников и рыбаков (у них сейчас не сезон и они все в городе). Всех рабочих охватить влиянием большевистской фракции Совета. С их помощью создать надежные условия, чтобы исключить даже попытки Романовых к бегству. Омичи обещали прислать в Тобольск свой отряд красногвардейцев. Соединись с ними. Во что бы то ни стало надо продержаться там до прихода наших основных отрядов с транспортом для перевозки Николая. С ними же прибывает комиссар со специальным мандатом на изъятие Романовых. Связь со мной нарочными. В экстренных случаях — телеграммами по Дидковского. Они одновременно будут известны мне и Голощекину. Все запомнил?

— Ты уже четвертый раз одно и то же говоришь. Зазубрил наизусть.

— Это не помешает, — задумчиво сказал Ефремов и вдруг потребовал: — А ну-ка быстро скажи мне внешние приметы приближенных Николая!

Хохряков без запинки обрисовал всех подряд, включая и горничных.

— Теперь перечисли членов семьи.

— Можешь не сомневаться, Михаил Иванович, — успокоил матрос. — Мне эту компанию еще в новобрачных через «не хочу» вдолбили в голову. С полными титулами. Как перекутаешь кого-нибудь, да еще не так обзовешь, тут же унтер кулаком напомним. Даже великих князей положено было знать.

— А в лицо всех помнишь? — Михаил Иванович вынул из ящика письменного стола большую фотографию семьи Романовых. — Ну-ка поименно...

Павел, водя по фото пальцем, легко назвал каждого.

— Ладно, — одобрил Ефремов. — Значит, приступаем. Сегодня же сдай дела по штабу Красной гвардии Украинцеву. В военном отделе твое хозяйство примет Агучин. Так решил президиум исполкома. Действуй, Паша. Как это у вас, флотских, говорят: попутного ветра тебе...

— Лучше сказать: семь футов воды под килем,— поправил Хохряков.— Чтобы на подводный риф не наскочить... Кстати, какие сведения от нашего летучего отряда? Настигли они Маркова?

Ефремов вздохнул и поморщился.

— Настигнуть-то настигли. И банду потрепали как следует. Так что путь для вас временно облегчен. Однако самого Маркова упустили. Отряд сейчас уже в Тюмени действует. Боюсь, что и вторую часть задания не полностью выполнит. Мы и сами-то еще не умеем как следовало бы работать: на ходу приходится учиться. На собственных ошибках. А эти ошибки нам кровью обходятся, Павел.

— Значит, быстрее научимся,— философски заметил Хохряков, на прощание пожимая руку своего товарища...

Вскоре в Тюмени были задержаны и переправлены в Екатеринбург под конвоем князь Львов, князь Голицин и бывший директор департамента полиции Лопухин. Об этом Уральский областной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов известил телеграммой Я. М. Свердлова.

Из Москвы срочно телеграфировали:

«...Сообщите немедленно судьбу арестованных Львова и Голицина Лопухина и Голицина точка

Председатель ВЦИК Свердлов»

В ответ на запрос Я. М. Свердлова Екатеринбург тотчас ответил, что «задержанные Львов и другие числятся за следственной комиссией областного Совдепа» и в срочном порядке идет расследование.

В состав специальной следственной комиссии вошли: только что возвратившийся из Москвы Ф. И. Голощекин, член коллегии Екатеринбургского ЧК С. Е. Чупцаев и заместитель областного комиссара юстиции Я. М. Юровский.

Самый молодой из подследственных Николай Заболоцкий, 22 лет, бывший подпоручик, охотно отвечал на вопросы членов комиссии. Родом из мещан. После окончания московской гимназии попал в Тверское кавалерийское училище, затем на фронте с февраля 1915 по ноябрь 1917 года. На службу к князю Львову его нанял Лопухин, будучи в Москве по делам. Арестован в Тюмени красногвардейцами летучего отряда, заподозрившими

его в чем-то. Но он от них не скрывал ничего: по указанным им адресам были арестованы все остальные...

— Скажите, гражданин Заболоцкий,— спросил Голощекин,— а что вы делали на вокзале?

— Выполнял поручение господина Лопухина, отослал несколько телеграмм в Москву.

— Красногвардейцы, задержавшие вас, показывают, что вы в течение двух суток следили за эшелонами, проходящими через Тюмень. Это правда?

— Да. Но я всего лишь исполнял поручение господина Лопухина. Я должен был в ближайшее время и сам отправиться в дорогу, и, видимо, в связи с этим господин Лопухин производил некоторые расчеты.

— А куда вы собирались ехать?

— В Омск, в Томск и до Иркутска. А может быть, и до Владивостока. Так мне предварительно было сказано. Я должен был найти покупателей на пушнину.

— У вашей фирмы много пушнины? — вдруг бросил вопрос внимательно слушавший и молчавший до того Чупцаев.

Молодой человек растерянно посмотрел на интеллигентного, аккуратно одетого человека и пожал плечами.

— Не знаю. Видимо, запасы большие, коли меня посылали в несколько городов.

— Какую именно пушнину вы предлагаете? Какого сорта? По какой цене? Чохом или в розницу? — не отставал Чупцаев.— Допустим, в моем лице вы нашли покупателя. Ну?

Заболоцкий покраснел и смутился, потупившись. Члены комиссии переглянулись.

— Мне кажется очень подозрительным, что коммивояжер не может ответить на первостепенные в торговом деле вопросы! — резко заключил Чупцаев.

— Я новый человек в фирме,— забормотал торопливо юноша.— Я только в феврале приехал сюда. Я хотел после службы поступить в университет и до того решил немного заработать для учебы. Но, наверное, эти вопросы и должен был осветить господин Лопухин в тех письмах к покупателям, которые он обещал выдать мне перед самой поездкой...

— Значит, вам предстояло искать не покупателей вообще, а совершенно определенных лиц? — уточнил Голощекин.

Заболоцкий кивнул.

— Адреса у вас записаны?

— Нет. Адреса были написаны прямо на конвертах. Я видел их и запомнил только иркутский: книжный магазин Пустонина.

Юровский заметил:

— Пушнину-то? В книжный магазин?

— Да. Потому и запомнил, что бросилось в глаза это несоответствие. Впрочем, моя задача была простая: найти адресата, сказать, что я от Георгия Евгеньевича, ицу покупателей на пушнину. И подать конверт.

Чупцаев внимательно посмотрел на юношу.

— А вы не находите, что это похоже на пароль?

— Похоже, конечно,— Заболоцкий вздохнул.— Но мне господин Лопухин объяснял, что торговое дело требует конспирации.

Юровский сердито пристукнул ладонью по столу.

— Слушай, парень! — с досадой сказал он.— Ты ведь успел хлебнуть окопной жизни, а такой простофиля! Западная Сибирь на военном положении. Небось, знаешь, чем кончается на фронте жизнь лазутчика? Эти князья втащили тебя в скверную историю.

Заболоцкий побледнел, руки его задрожали.

— Вспомните, пожалуйста, Заболоцкий, какие-нибудь серьезные разговоры о делах фирмы. Пусть даже и не совсем понятные для вас.

— В основном при мне говорили о предстоящих командировках. Часто еще беспокоились о каком-то больном пациенте, который хворает...

— И о смене климата для его выздоровления. Так, что ли? — добавил Чудкаев, ухмыльнувшись. Он наклонил голову, и стеклышки очков его весело заблестели. Заболоцкий удивился.

— А вы откуда знаете?

— Ну, вот что, Николай, — внезапно погасил улыбку Чудкаев. — Берите-ка перо, бумагу и выкладывайте подробно, ничего не пропуская: что видели, что слышали с момента прибытия в Тюмень, куда ездили, с кем и где встречались...

Заболоцкий, переводя взгляд с одного на другого члена следственной комиссии, торопливо сказал:

— Только не отпускайте меня отсюда подольше. А то, чего доброго, опять в какую-нибудь историю вляпаюсь...

В противоположность бесхитростному Заболоцкому остальные подследственные не собирались давать правдивые показания. Признавались они лишь в том, что было и так очевидно или же подтверждалось неоспоримыми уликами. Наличие широко разветвленной организации с центром в Москве не отрицали, но при этом утверждали, что их общество преследует чисто экономические цели: эксплуатацию природных богатств Сибири. Конкретный же адрес руководившего обществом центра они не называли по той простой причине, что, дескать, общество создано не формальным образом и в качестве официального учреждения нигде не зарегистрировано, а существует лишь эфемерной поддержкой группы частных лиц, называть которых поименно они опять же не могут, поскольку не уполномочены. Подследственные давали умышленно путанные и неопределенные разъяснения таких мест. Особенно усердствовал князь Львов, по-видимому, полагавший, что ему, человеку с юридическим университетским образованием, ничего не стоит сбить с толку совдеповских следователей.

Львов старался главным образом обезопасить себя и свою группу на предстоящем суде с формально-юридической стороны дела (здесь он считал себя специалистом). Следственная же комиссия, в прямых вопросах делая вид, что ее действительно очень интересует сам Львов и его группа, фактически вытягивала из него косвенными вопросами сведения, нужные чекистам для выяснения связей.

Предварительные допросы в Екатеринбургской ЧК выявили круг людей, с которыми князь Львов контактировал за последние три-четыре месяца чаще всего. По уверениям Львова, их общие интересы лежали в сфере сугубо экономической, чекистам же эти «деятели», как раз наоборот, известны были исключительно как функционеры-руководители буржуазных партий и антисоветских организаций. И, пожалуй, единственная их экономическая деятельность состояла в том, что они устраивали сборы средств среди крупной русской буржуазии, а затем делили эти деньги между контрреволюционными группировками, мимоходом продавая себя и Россию иностранным державам.

Краткие, естественно далеко неполные характеристики таких «друзей» князя Львова, подготовленные Чудкаевым, сами по себе были достаточно красноречивы. Михаил Иванович Ефремов, просматривая представленный ему обзор, покачал головой: «Прямо по пословице выходит — скажи мне, кто твой друг...»

...До сих пор екатеринбургские чекисты вплотную сталкивались с лицами, чья контрреволюционная дея-

тельность, несмотря на нити, восходящие куда-то вверх к центрам, имела все-таки местный характер и не выходила далеко за пределы Тобольской губернии. Вся их энергия сосредоточивалась вокруг губернаторского дома в Тобольске и шла на установление связей между собою и с семьей Романовых. Пожалуй, если бы им и удалось организовать побег, то следующим на очередь сам собою вставал вопрос: а что дальше? Романовых следовало тотчас переправить в безопасное место: или в Англию, или на Дальний Восток, где они могли бы укрыться в стане белогвардейских соединений и, в крайнем случае, добраться до своих союзников по Антанте. А для этого потребовалось бы увязать действия всех местных монархических отрядов с одновременными встречными крупными операциями извне.

Вот как раз на это-то у мелких контрреволюционных тобольских сошек, вроде поручика Соловьева, штабс-капитана Маркова, пронырливого попа Гермогена, и не хватало ни организаторского опыта, ни ума, ни должного авторитета в глазах тех, с кем предстояло войти в связь и «говорить на равных»...

Тут нужна была крупная политическая фигура, которая своей солидностью государственного деятеля устраивала бы одновременно как внутреннюю контрреволюцию всех мастей, так и правительственные круги империалистических стран...

Эта фигура и появилась в поле зрения Тюменского Совета, а затем стала предметом особого внимания Екатеринбургской ЧК — князь Георгий Евгеньевич Львов, бывший премьер-министр Временного правительства.

Монархистов он устраивал хотя бы потому, что главой Временного правительства его назначил при отречении от престола сам Николай II.

Князь Львов — представитель высшего сословия и крупный землевладелец, значит, для дворян, помещиков он тоже свой человек.

Вместе с тем Львов — председатель Земского союза и, следовательно, для всех чиновников земств, городских дум, для купцов и предпринимателей он лицо, стоящее на страже общественных интересов всех слоев городской и сельской буржуазии.

И уже как бывший премьер Временного правительства Г. Е. Львов — государственный деятель, известный за рубежом и внутри страны умением ладить с полити-

ческими лидерами буржуазных, мелкобуржуазных и соглашательских партий...

Все говорило о том, что контрреволюционный заговор монархистов достиг своей завершающей фазы: техническая сторона вопроса, по-видимому, уже решена, механизм отлажен, все шестеренки его приведены в соприкосновение. Осталось только взять в умелые руки управление и согласовать время...

В этот решающий момент чекисты арестовали Львова и его помощников. Как сказал бы матрос Хохряков: контрреволюционный корабль лишился сразу и капитана, и главного механика...

Говорят, лучший способ защиты — нападение; может быть, поэтому князь Львов потребовал встречи тет-а-тет с одним из членов следственной комиссии...

— Видите ли, уважаемый, — напористо приступил к делу Георгий Евгеньевич. — Мне кажется, надо бы внести юридическую определенность в сложившуюся ситуацию, как это принято в цивилизованных обществах.

— Слушаю вас, — ответил Чупкаев и облокотился на дощатый стол, разделяющий их.

— Дело в том, что мне предъявлено слишком абстрактное и объемное обвинение, в котором я не могу понять сути. Члены следственной комиссии, по-видимому, не очень сведущие в юриспруденции люди?

— Да, это так. Один бывший врач. Другой — недоучившийся инженер. Третий — часовой мастер.

— Простите, а у вас лично какое образование?

— Нет, я не юрист, — простодушно улыбнулся Сергей Егорович. — У нас действительно неквалифицированные кадры. Однако, как говорится, взялся за гуж — не говори, что не дюж.

— А я, к вашему сведению, в свое время окончил юридический факультет университета, — назидательным тоном произнес Львов и многозначительно распрямился на табурете. — И как специалист берусь помочь вам в скорейшем выяснении существа дела.

— Ну, что ж. От помощи мы не откажемся, — одобрил Чупкаев.

— Дня за два до нашего ареста, — напористо продолжал князь, — в газетах была помещена телеграмма из Владивостока о том, что в Пекине образовалось новое русское правительство, возглавляемое мною. Ваши бап... Ваши солдаты, арестовавшие меня, упоминали об этих газетных сообщениях, естественно, этим простым людям одновременное пребывание мое в Тюмени и в Пекине показалось подозрительным. Я их вовсе не осуждаю. Тем более в такой первичской обстановке им некогда над этим и задуматься. Но сейчас-то вы и сами согласились со мной, что это явный абсурд!

— И отсюда следует, что мы должны освободить вас? — полуутвердительно спросил Сергей Егорович.

— Разумеется.

— А я думаю, отсюда следует, что вы умышленно сбиваете наше неквалифицированное внимание в сторону очевидной чуждости, — жестко бросил Чупкаев, глядя прямо в лицо князя. — Насколько я понимаю, в газетах речь идет не о вас, а о вашем однофамильце — бывшем обер-прокуроре Святейшего синода Львове. Да об этом вы не хуже меня знаете. И арестованы вы не как руководитель самозванного правительства России, а как участник контрреволюционного заговора, готовящегося здесь, в Западной Сибири.

— Я вас плохо понимаю...

— Это ничего. Главное, чтобы я вас хорошо понимал, — усмехнулся Чупкаев, раскрывая толстую папку. — Впрочем, я не возражаю от продолжения разговора об

однофамильце. Это нас тоже интересует. Скажите, Георгий Евгеньевич, вы с обер-прокурором больше друзья? Князь заерзал под взглядом Чупкаева.

— Нет, что вы! Мы, конечно, хорошо знакомы и часто общались. Но только по служебным делам. Не более.

— Значит, он навещал вас в Тюмени тоже по служебным делам? — уточнил Чупкаев.

— Я вас не понимаю...

— Как я заметил, вы перестаете понимать собеседника, когда вам нужно оттянуть время для обдумывания ответа. И все-таки: посещал ли вас в Тюмени ваш однофамилец?

— Затрудняюсь ответить, — проговорил Львов, пытаясь сообразить, что чекистам об этом уже может быть известно, а что — нет.

— А вы не затрудняйтесь. Отвечайте правдиво: да или нет?

— Пожалуй, нет.

— Опять неопределенность в ответе, гражданин Львов. Ну, хорошо, я попытаюсь помочь. К протоколам ваших показаний приобщены и показания военного комиссара Западной Сибири Зайпкуса о том, что в ночь на 12 марта на одной из снимаемых вами квартир вы встретились с бывшим обер-прокурором Святейшего синода Львовым. После этого вы, несмотря на поздний час, спешно покинули квартиру и назад уже не возвратились. Вслед за тем арестованы на улице возле дома Лопухина. Ответьте, пожалуйста, какое именно «служебное дело» заставило вашего однофамильца появиться в таком захолустье и ради одночасовой беседы с вами преодолеть длинный, утомительный и опасный путь? Молчите, Георгий Евгеньевич? Опять затрудняетесь с ответом? Здравый смысл, к которому вы меня призывали, заставляет предположить, что бывший обер-прокурор привез очень важные сведения, коли об этом пришлось ставить в известность господина Лопухина даже во втором часу ночи. Отвечайте, гражданин Львов, какие именно сведения вы получили от своего однофамильца в ночь на 12 марта?

Князь Львов, ошеломленный неожиданным поворотом беседы, не нашел ничего лучшего, как прибегнуть к уже проверенным уверткам:

— Беседа наша касалась сугубо денежной стороны, — выдавил он, несколько запинаясь на словах. — И поскольку она была конфиденциальна, я, как порядочный человек, не считаю себя вправе разглашать материальные затруднения господина Львова и степень его личной заинтересованности в делах нашей фирмы...

Чупкаев пренебрежительно махнул рукой:

— Бросьте! Ваша фирма существует около четырех месяцев. Представители ее курсируют по всей Западной Сибири и другим городам страны. При такой кипучей энергии удивительно, что за все это время не произведено ни одной сделки по купле-продаже. И тем не менее, вопреки законам экономики, фирма не обанкротилась. Где тут здравый смысл? Ваш странный коммивояжер полный профан в торговле, тем не менее вы посылаете его в разные города якобы на поиски покупателей пупины. Вы человек, руководивший когда-то большой экспедицией в Сибирь, следовательно, хорошо знаете, что пушнину, закупленную в Тюмени, разумнее сбывать в Москве или Тамбове, но никак не в Иркутске и Томске. В лес дрова не возят, гражданин Львов!

Впрочем, вы вступаете в противоречие не только со здравым смыслом, но и с самим собой. То вы утверждаете, что лечились после ухода с поста премьер-министра Временного правительства в Ялте, в Москве, а теперь, оказывается, заканчиваете свое лечение здесь, в Западной Сибири. Кстати, у тюменских бабок лечитесь, Георгий

гий Евгеньевич, или у северных шаманов? В одних показаниях — вы большой человек, которому не помогли даже столичные профессора и у которого одна надежда на спокойный образ жизни, в других заявляете, что записались организацией торгово-экономической фирмы, взявшей на себя ни много ни мало, как эксплуатацию природных богатств Западной Сибири! Да еще, сами того не заметив, проговариваетесь о своих планах «при посещении Америки побывать у Вильсона»... Не сходятся концы с концами, Георгий Евгеньевич...

Львов сидел насупившись; он оказался не готов к таким обличениям. Однако падо же как-то и выкручиваться...

— Пусть так, — откашлявшись, проговорил он. — Противоречия в моих показаниях, допустим, есть. Но что вы мне все-таки инкриминируете? Нерептательность фирмы? Вот эти самые оговорки?

— Позвольте! По вашему собственному желанию я всего лишь рассмотрел ситуацию с точки зрения здравого смысла. Он, я вижу, вас больше не устраивает, поскольку оказывается не на вашей стороне. И вы предлагаете перейти на язык юридический?

— Да, пожалуйста. Обоснуйте, с какой стати меня здесь держат под арестом и каким-то велевым следствием. Это противозаконно!

Сергей Егорович поднялся из-за стола, опираясь на него ладонями.

— Успокойтесь, гражданин Львов. Во-первых, одно только ваше нелегальное проживание без прописки на территории, объявленной на военном положении, влечет за собою ограничение свободы до 10 месяцев, как следует из приказа военного комиссариата. А во-вторых, в соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров Республики, есть Чрезвычайная комиссия — орган розыска, пресечения и предупреждения контрреволюционных преступлений. Вас разыскали, своевременно взяли под стражу, а тем самым обезвредили. Это — главное. А степень вашего личного участия в подготовке контрреволюционного заговора выясняет следственная комиссия. Меру же наказания вам определит суд. Как видите, законность у нас вполне соблюдается. Только иная и на ваш взгляд, может быть, неподходящая — пролетарская законность.

...Ефремов захлопнул папку с показаниями и внимательно, как бы заново, прочитал надпись на ее картонной обложке: «Следственное дело по обвинению бывшего князя Львова Г. Е. и др. в совершении контрреволюционных преступлений, направленных против основ советского строя, установленного в России волею рабочих и крестьян».

Характерно, что впоследствии, уже проживая в эмиграции, князь Львов старался не вспоминать о крахе своей миссии в Западной Сибири и прикрывавшей ее «торгово-экономической» фирмы. Ни разу не упомянул он также и о своем «знакомстве» с Екатеринбургской ЧК, членами следственной комиссии Уральского Совета и о нескольких десятках страниц показаний, оставшихся в толстой папке, на обложке которой была длинная и так не понравившаяся ему когда-то формулировка «дела».

Лишь однажды в письме к президенту США В. Вильсону от 19 ноября 1918 года Львов обмолвился, что был арестован и обаялся на свободе лишь летом, после захвата белыми Екатеринбурга.

Очевидно, самое воспоминание о вынужденном пребывании в Екатеринбурге не вызывало у него положительных эмоций. Кому приятно вспоминать о своем проигрыше?! Тем более проигрыше людям, которых сам не считал за достойных противников и которых рассчитывал «обвести вокруг пальца».

Стыдно признаться... Впрочем, правильнее сказать, княжеское самолюбие не позволяло. Трудно применимо понятие «стыд» к человеку, который в том же письме к Вильсону сообщал, что прибыл в США с целью «устранить естественные сомнения для интервенции союзников» против собственной страны, который активно добивался признания Колчака верховным правителем России со стороны всех внутренних и внешних контрреволюционных сил.

Из Тобольска от Павла Хохрякова, начиная с двадцатых чисел марта, регулярно приходили обнадеживающие известия. Его боевая группа продолжала расти за счет постоянно прибывающих из Екатеринбурга товарищей. Связь с тобольскими большевиками налажена прочная. С первого дня прибытия за губернаторским домом установлено круглосуточное наблюдение. Семья Романовых и все приближенные на месте. Охрана бывшего царя за последнее время убавилась почти наполовину, так как часть солдат самовольно разъехалась по домам. Зато оставшиеся гвардейцы под влиянием солдатского комитета и местных большевиков девают с каждым днем, их патрули несут охрану не только вокруг забора, но и в прилегающих жилых кварталах города.

На консервной фабрике и лесопильном заводе с помощью вновь прибывших оживилась деятельность профсоюзов. Настроение рабочих Тобольска по-настоящему боевое. При инициативной поддержке большевистской фракции Совета депутатов уже началась запись добровольцев в Красную гвардию. С прибытием в конце марта Омского красногвардейского отряда под командой Демьянова в Тобольске окончательно определился перевес революционных сил...

Однако Хохряков не был бы Хохряковым, если бы он ограничился данными ему инструкциями и программой-минимум.

По его указанию, прибывшие из Омска и Екатеринбурга красногвардейцы заняли здание духовного училища, явочным порядком потеснив владыку Гермогена. В соответствии с военным положением в Западной Сибири па улицы города вышли вооруженные патрули с красными повязками на рукавах.

Выступая на многолюдных митингах, Павел Хохряков призывал к поведению в городе настоящего революционного порядка и предупредил, что большевики и рабочие Тобольска будут «драться до победного конца с теми, кто поднимет руку на революцию».

Исчезли из города подозрительные монахи с офицерской выправкой. Главарь тобольских защитников Гермоген благообразно отбыл в неизвестном направлении. Так называемый «союз фронтовиков» притих, как будто его и не было.

Оформившись со 2 апреля как самостоятельная партийная организация, большевики провели успешную кампанию по переизбранию Совета и изгнанию из него меньшевиков и эсеров. Отныне состав президиума исполкома Тобольского Совета стал полностью большевистским. Первое постановление его, вышедшее за подписью вновь избранного председателя Хохрякова и секретаря Демьянова, окончательно выбило почву из-под ног местной контрреволюции. Вся хозяйственная, административно-политическая и военная власть как в городе, так и в уезде отныне переходила в ведение Совета. Весь служебный и технический персонал, занятый в общественных, государственных, городских и уездных учреждениях, обязан был оставаться на занимаемых местах. Всякая попытка срыва или прекращения текущей работы без ведома Совета считалась преступлением, а виновные передавались революционному суду.

Особыми декретами исполком распустил городскую думу и земство, запретил представителям духовенства вмешиваться в общественную жизнь, заниматься политической и оказывать какое-либо давление на органы власти.

И наконец, что не менее важно, Совет взял в свои руки охрану и обеспечил полный контроль над домом заключения Романовых...

Тщательно разработанная екатеринбургскими чекистами операция подошла к заключительному этапу.

Арест тюменской группы князя Львова и установление в самом Тобольске по-настоящему революционной Советской власти внесли сумятицу в ряды монархистов, спутали их планы. Однако непосредственный механизм заговора через некоторое время мог быть приведен в действие. Роль князя Львова с успехом бы выполнил и кто-то другой из крупных контрреволюционных деятелей, имеющий достаточно широкие связи за границей и среди внутренней контрреволюции. Хотя бы тот же бывший обер-прокурор В. Н. Львов, поскольку он оказался в Западной Сибири и избежал ареста. Да и рядовые исполнители, увидев свои планы под угрозой срыва, вот-вот собирались пуститься в кровавую авантюру: из Тюмени приходили сведения о слиянии разрозненных кулацко-офицерских банд в единый крупный отряд, по слухам насчитывающий до тысячи человек.

И пока еще монархисты не оправились от удара, нанесенного им Екатеринбургской ЧК, нужно было успеть завершить начатое.

Военный комиссар Урала секретарь обкома партии Ф. И. Голощекин распорядился о срочной переброске в район Тобольска дополнительных воинских сил.

На помощь красногвардейцам Хохрякова, Авдеева, Заславского, Демьянова из Екатеринбурга двинулась рота красноармейцев под командой Бусяцкого, который получил приказ обеспечить доставку Николая Романова «живым или мертвым». Начальник штаба боевых организаций народного вооружения Уфы, будущий руководитель местной ЧК Петр Иванович Зенцов сформировал и отправил по железной дороге на Тюмень сводную группу из конных красногвардейцев Миньярского завода под командой своего брата Григория и отряд уфимских боевиков-пулеметчиков во главе с Дмитрием Михайловичем Чудиновым, тоже будущим чекистом. Вслед за ними из Уфы отбыл в сторону Тюмени еще и конный отряд боевиков Петра Гузакова. Дополнительно к участию в за-

вершении операции привлекались красногвардейские отряды близлежащих уездных центров — Каменска и Камышлова. В их задачу входило: безопасность населенных пунктов, расположенных по тобольскому тракту, содержание в полной готовности перекладных лошадей на пути следования основных отрядов и обеспечение связи верховыми нарочными.

Несмотря на особо строгий отбор людей, из которых состояли все задействованные отряды (в основном это были опытные боевики, красногвардейцы), конечная цель поездки и конкретная задача личному составу доводилась командованием только по прибытии в Тюмень.

С предельной скрупулезностью екатеринбургские чекисты организовали жесткий контроль за ходом самой перевозки семьи Романовых и обеспечение регулярной связи по всему маршруту экспедиции. Узловые железнодорожные станции и вокзал самой Тюмени взяли под наблюдение специально присланные из Екатеринбурга комиссары. На предстоящем пути продвижения отрядов, везущих экс-императора, были подобраны надежные кадры телеграфистов из числа проверенных партийцев. Начиная с выхода специального внеочередного поезда № 42 из Тюмени и вплоть до его прибытия в Екатеринбург дежурный по Уральскому Совету должен был принимать регулярные телеграфные сообщения со станций о прохождении состава и в случае любых задержек его в пути немедленно докладывать специальной тройке...

А на углу Вознесенского проспекта, напротив Вознесенской церкви, уже реквизирован во временное пользование двухэтажный вебошый особняк с прочными стенами и высоким забором вокруг. По предложению члена президиума исполкома П. Л. Войкова покинул дом бывший уральский промышленник и коммерсант Ипатьев, протянута электрическая и телефонная проводка, опробованы освещение и сигнализация, уже оборудованы посты внутренней и наружной охраны и в официальных документах этот особняк называется не домом Ипатьева, а Дом особого назначения...

«Дальнейшие сведения из Екатеринбурга поступили следующие: у Николая был произведен обыск и отобрано около 80 тысяч денег; у некоторых приближенных отобраны переписки, в частности у Гермогена и Долгорукова, и они теперь не на воле, а заключены вместе с Николаем. Отобранная у них переписка преступного свойства, говорящая о попытке устроить, организовать побег или вывоз Николая из Тобольска, причем при обыске Николай заявил членам Уральского областного Совета, что до сих пор, в течение 6—7 месяцев, он имел дело с чрезвычайно порядочными и вежливыми людьми, а теперь позволяют себе обыск. Это заявление весьма характерно.

Нами даны указания Уральскому областному Совету о самом строгом содержании Николая и о недопущении хождений кого-либо из его приближенных в город и обратно; все свидания могут быть разрешены только областным Советом непосредственно и никем другим, сама команда делать этого не смеет. Во всяком случае Николай теперь должен находиться в более надежных руках и должен чувствовать, что он является не кем иным, как нашим арестантом, арестантом Советской власти. У нас до сих пор не поднимался вопрос о дальнейшей судьбе Николая, но, вероятно, в ближайшее время нам придется этот вопрос перед собой поставить...»

(Из сообщения Я. М. Свердлова на заседании ВЦИК 9 мая 1918 г.)

Альберт ВАЛЕНТИНОВ

Рисунок Евгения Охотникова

ФАНТАЗИЯ И НАУКА... МЕЖДУ НИМИ НЕ БЫЛО, НЕТ И НЕ БУДЕТ НЕПРЕОДОЛИМОЙ ПРОПАСТИ. ПОКЛОННИКИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ ЗНАЮТ НЕМАЛО ПРИМЕРОВ, КОГДА ВОООБРАЖЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ, КАЗАЛОСЬ БЫ, СОВЕРШЕННО БЕЗУДЕРЖНОЕ, ТОЧНО ПОПАЛО В БУДУЩЕЕ ТЕХНИКИ. ТАК БЫЛИ ПРЕДВОСХИЩЕНЫ ЛАЗЕР, ТЕЛЕФОН, ТЕЛЕВИЗОР, САМОЛЕТ...

НО НЕ ТОЛЬКО ПИСАТЕЛИ ОТКРЫВАЮТ, ТАК СКАЗАТЬ, ТЕМЫ НОВЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. И УЧЕНЫЕ, ПРЕДАННО СЛЕДУЯ ВРОДЕ БЫ СТРОГОЙ ЛОГИКЕ, ВДРУГ ОТКРЫВАЮТ ВСЕМ НАМ, В ТОМ ЧИСЛЕ И ЛИТЕРАТОРАМ, НЕВИДАННЫЕ ПРОСТРАНСТВА ФАНТАЗИИ. ТАКУЮ НАУКУ МОЖНО НАЗВАТЬ НАУКОЙ НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ.

В ЭТОМ ГОДУ МЫ РЕШИЛИ ПРЕДЛОЖИТЬ ЧИТАТЕЛЯМ РАССКАЗЫ О «ФАНТАСТИЧЕСКОЙ» НАУКЕ, НАЧАВ ИХ С ОЧЕРКА О ИДЕЯХ И ЭКСПЕРИМЕНТАХ ЛЕНИНГРАДСКОГО ПРОФЕССОРА Н. А. КОЗЫРЕВА. РЕДАКЦИЯ ДЕЛАЕТ ПРИНЦИПИАЛЬНУЮ ОГОВОРКУ: РЯД ПРОБЛЕМ, КОТОРЫЕ БУДУТ ПОДНЯТЫ В МАТЕРИАЛАХ РУБРИКИ, В ЧАСТНОСТИ И В ПУБЛИКАЦИИ «МАЯТНИК ВСЕЛЕННОЙ?», ДАЛЕКО НЕ ОДНОЗНАЧНО ОЦЕНИВАЮТСЯ НАУЧНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ. НЕ ПРЕДЛАГАЕМ МЫ ЧИТАТЕЛЯМ И ПРИНИМАТЬ ИХ БЕЗОГОВОРЧНО. ПОРАЗМЫСЛЯТЬ ЖЕ НАД НИМИ, ПОЛАГАЕМ, ИНТЕРЕСНО И ПОЛЕЗНО.

Не помню, кто и когда сказал, что от подавляющего большинства людей остается только черточка-тире между двумя датами. Это, мол, все, что они смогли оставить потомкам. Эдакий минорный философский парадокс. Человек, о котором я хочу рассказать, избежал этой обидной участи. И не только тем, что вписал в летопись науки несколько ярких страниц, хотя и этого было бы достаточно. Но главная его заслуга в том, что он оставил нам в наследство... скажем так, вероятно, оставил путь к разгадке тайны — самой великой тайны за всю историю цивилизации. Но даже и это «вероятно» служит его славе: в любом случае намеченный им путь ведет к ответам на вопросы, которые мы пока еще не можем сформулировать. Имя этого человека — Николай Александрович Козырев. А тайна, на которую он замахнулся, — Время.

На пороге тайны

«Я отлично понимаю, что такое время. Но когда меня просят рассказать об этом, я вдруг обнаруживаю, что не понимаю ничего» — это было сказано более двух тысяч лет тому назад.

А вот еще одна цитата: «Есть в природе тайны, на пороге которых останавливается в недоумении не первое поколение ученых». Здесь

тоже говорится о времени, по чувствуете, насколько это высказывание современнее? В самом деле, сказано это было лет двадцать назад. Автор этой цитаты — доктор физико-математических наук, ленинградский профессор Козырев. Две с лишним тысячи лет разделяют эти не веселые афоризмы, свидетельствующие о бессилии науки. За это время человечество прошло огромный путь, накопило миллиарды битов информации об окружающем мире, очистилося в духовном горниле Ренессанса, пережило потрясающую радость познания эпохи географических открытий, закалилось в технической революции, оторшилось от классических представлений в физике и, наконец, осознало свой дальнейший путь в революции научно-технической.

Проблемы Времени, представления о Времени. Тут человечество так и не продвинулось ни на шаг. Конечно, это утверждение можно оспорить. Мне укажут хотя бы на теорию относительности Эйнштейна, на формулы, приоткрывающие завесу над свойствами пространства-времени. И единственное, что я смогу на это ответить, — попросить поднять руку тех, кто сумел увидеть и осознать за этими формулами физическое явление в обывательском, так сказать, виде. Чтобы его можно было объяснить слушателям. Ну так, как на школьном уроке объясняют, что такое скорость, сила, работа... Сомневаюсь, чтобы хоть

одна рука поднялась. Здесь тот самый вариант, о который споткнулся древний философ, чью цитату я привел в начале этой главы. И это тем более удивительно, что с появлением времени мы сталкиваемся постоянно. Оно нам гораздо ближе, чем те же скорость, сила, работа. Время подгоняет нас всю жизнь — мы встаем, идем на работу или учебу, в кино или в театр, едим и отдыхаем по времени. Не говоря уже о том, что мы постоянно изменяемся во времени — взрослеем, стареем. Время руководит эволюцией организма, а значит, как-то воздействует на нас? Или нет?

Шеренгу вопрошительных знаков можно продолжать и продолжать. Как это и делалось две тысячи лет. А результат — практически нулевой. Время смогло загнать в формулы, но оно так и осталось непонятным, загадочным, неуловимым... И так было до тех пор, пока не нашелся человек, отыскавший единственно верный путь к познанию тайны — эксперимент. И этот человек... Догадались, конечно — Козырев.

Эксперименты со временем?.. Это же надо было догадаться — как можно загнать время в физические ловушки, заставить его проявить себя! Для этого надо обладать совершенно неординарным мышлением. Но сначала, разумеется, была концепция. О ней я скажу ниже. А пока о Козыреве. Чтобы вы хоть немного поняли, что это был за

человек. Есть такое выражение: через тернии — к звездам. Так вот, астрофизик Козырев пересчитал на этом пути все ступеньки. Ни одну не миновал.

Проблемой времени он занимался свыше четверти века. И все эти годы стойко выдерживал и прямое отрицание, и замаскированный скептицизм, и намеки на авантюризм, и... Впрочем, не стоит перечислять всего, что говорили о нем коллеги из близких и не очень близких областей науки. Коллег тоже можно понять: доводы изобретателя вечного двигателя казались, на первый взгляд, гораздо реалистичней, чем утверждения Козырева. Прямых сторонников среди специалистов, насколько я знаю, у него было негусто. Однако немало ученых, присутствовавших на его опытах, предпочитали до поры не высказывать своего отношения: а вдруг...

Так, пришлось мне разговаривать с академиком Северным, директором Крымской обсерватории. Осторожно подбирая слова, он сказал:

— Конечно, то, что делает Николай Александрович, кажется сверхъестественным и логического объяснения, на нынешнем уровне знаний, не находит. Тут остается одно: либо верить, либо нет. Я Козыреву верю...

Незыблемо считалось: Луна относится к планетам, потерявшим внутреннюю энергию. Мертвое тело, закончившее свою жизненную эволюцию, — вот что это такое. И вдруг Козырев заявляет: на Луне возможна вулканическая деятельность. Более того, она обязательна, потому что, видите ли, это вытекает из его концепции. Ох, и доставалось же ему! А он почь за ночью смотрел в телескоп. И высмотрел-таки, в 1958 году обнаружил вулканическое извержение в кратере Альфонс и получил его спектрограмму. Кажется, все, скептицизму конец? Не тут-то было. Только через одиннадцать лет Госкомитет по делам изобретений и открытий выдал ему диплом об открытии лунного вулканизма. А еще через год Международная астрономическая академия наградила его именной золотой медалью с бриллиантовым изображением созвездия Большой Медведицы.

Но главное его дело, цель всей жизни — раскрыть самое загадочное явление природы: время. То самое явление, которое волнует человечество уже многие тысячи лет. Я сознательно повторяюсь, хочу, чтобы вы поняли всю дерзость и уникальность этого замысла. Козырев пошел на то, к чему даже не

решаются приблизиться современные ученые. И еще один пример для пояснения, в каких условиях приходилось ему осуществлять свой грандиозный замысел.

Когда я приехал в Пулковскую обсерваторию во второй половине семидесятых годов, тогдашний директор обсерватории сказал мне с плохо скрытой досадой:

— Нет, нет, только не Козырев. Мы вам покажем все, познакомясь с любым сотрудником, но о Козыреве писать не надо.

— Но почему?

— Видите ли... Мой собеседник замялся. — Не совсем его эксперименты... корректны, что ли. Я в том смысле, что выводы он делает из них... несоответствующие.

— Не соответствующие чему?

— Разумеется, установленным взглядам.

Сейчас это дико слышать. Ведь цель науки в том и состоит, чтобы ломать установленные взгляды.

Волчок в реке времени

— Все равно вы мне не поверите, что бы я ни говорил, — так начал Николай Александрович нашу первую встречу. — Поэтому я лучше сразу начну с показа. А уж верить или не верить собственным глазам — дело ваше.

И Козырев продемонстрировал мне поразительный по простоте и остроумию эксперимент. Он взял обычные рычажные весы и подвесил к одному концу коромысла вращающийся по часовой стрелке гироскоп. На другом конце — чашка с гириками. Дождавшись, когда стрелка весов замерла на нуле, ученый включил электровибратор, прикрепленный к их основанию. Все было рассчитано так, чтобы вибрация полностью поглощалась массивным ротором волчка.

Как должна отреагировать на это уравновешенная система? Весы могли не шелохнуться, и физики дали бы этому вполне рациональное объяснение. Вибрация могла вывести весы из равновесия, и тогда физики нашли бы этому явлению другое объяснение, ничуть не менее рациональное. А что же произошло?

Стрелка не дрогнула, и я с разочарованием взглянул на ученого. Улыбнувшись, он снял гироскоп, раскрутил его в обратную сторону, против часовой стрелки, и снова подвесил к коромыслу. И... стрелка пошла вправо — гироскоп стал легче.

— Ни одним из известных физических явлений объяснить этот феномен невозможно, — сказал Николай Александрович.

— Но вы-то ведь ожидали нечто подобное, когда ставили этот эксперимент. Рассчитывали, что вибратор внесет «смуту» в устоявшуюся систему. Значит, какое-то объяснение у вас было предусмотрено?

— Разумеется. Любой эксперимент должен либо подтвердить, либо опровергнуть предположение. Этот — подтвердил. А объясняю я это явление так. Гироскоп на весах с электровибратором — это система с причинно-следственной связью. Во втором случае направление вращения волчка противоречит ходу времени. Время оказало на него давление, возникли дополнительные силы. Их можно измерить...

Вот на что рассчитывал ученый: создать ситуацию, когда время проявит себя еще невиданным способом — через физические воздействия, которые можно измерить. А раз можно измерить, значит, эти силы реально существуют. Но если так, то время — это не просто длительность от одного события до другого, измеряемая часами или секундами. Нет, время — это физический фактор, обладающий свойствами, которые позволяют ему активно участвовать во всех природных процессах, обеспечивая причинно-следственную связь явлений. Козырев экспериментально установил, что ход времени определяется линейной скоростью поворота причины относительно следствия, которая равна 700 км/сек со знаком плюс в левой системе координат.

Ничего себе формулировка, а? Попробуй усвоить, ежели ты, скажем, не академик. Но это только так, с первого взгляда пугает. А объяснение вот оно. Мы живем в жестко детерминированном времени — движемся от прошлого к будущему. Причины всегда порождают следствия (в микромире бывает наоборот, но там и время может течь в другую сторону). Но между причиной и следствием обязательно остается какой-то, пусть даже ничтожный, промежуток — они не могут занимать одно и то же место во времени и в пространстве. И в какой-то точке пространства происходит поворот — прошлое переходит в будущее, причина превращается в следствие. Но не мгновенно, а с конечной скоростью. Скорость эта — течение или ход времени. Ее и установил Козырев.

Это имеет огромное значение для познания мира. Со времен

древних мыслителей ученые пытаются дать объективное определение правого и левого в нашем мире. Есть глубокий смысл в том, что мир распадается с зеркальной симметрией на правую и левую стороны. Еще Гаусс говорил о необходимости материального моста для согласования понятий правого и левого. Этот мост — ход времени. И Козырев смог дать четкое определение: «Левой системой координат называется та система, в которой ход времени положительный, а правой — в которой он отрицателен». А это значит, что, логически рассуждая, мы можем представить мир с противоположным ходом времени. Иными словами, мир из антиматерии...

Все это очень сложно для восприятия. И не только потому, что здесь невозможно подобрать аналогии из обыденной действительности. Главное препятствие на пути к познанию — инерция нашего мышления. Надо напрочь отрешиться от представления о времени, как о чем-то если и существующем, то независимо от нас или во всяком случае рядом с нами. Философская концепция Козырева утверждает: время является необходимой составной частью всех процессов во Вселенной, а следовательно и на нашей планете. Причем активной составной частью.

Эксперимент для скептиков

Это был обыкновенный термос с горячей водой. Только в пробке было проделано отверстие, куда Козырев вставил хлорвиниловую трубку. А затем поставил термос около весов с гирскопом. Стрелка весов показывала, что вес, вращающийся против хода времени, при собственном весе в 90 граммов стал легче на 4 миллиграмма — крохотная, но вполне осязаемая величина.

— А теперь смотрите, — сказал Козырев и начал по трубке добавлять в термос холодную воду. Казалось бы, как может влиять термос на расстояние, тем более что какой-либо теплообмен с окружающим пространством практически исключается? А стрелка весов продвинулась еще на два деления: значит, влияет...

— Не хотите ли чайку? — отвлек меня Козырев от мыслей об этом парадоксальном явлении, происходящем так просто и буднично на моих глазах.

— С удовольствием, Николай

Александрович, от ваших чудес, извините, даже в горле пересыхает.

Ученый засмеялся и налил мне стакан крепкого чая. Себе тоже налил, бросил два куска сахара, слегка размешал ложкой... А потом убрал термос и на его место поставил свой стакан. Стрелка весов, качнувшаяся было к середине, снова устоялась почти до того же деления.

— Ну, это-то понятно, — неуверенно сказал я. — Стакан нагревает окружающий воздух...

— Так ли? — прищурился Козырев. — Ваш чай тоже горячий, только вы еще сахар не успели положить. Поставьте стакан к весам.

По-моему, оба стакана были совершенно одинаковыми. Но... мой никак не влиял на стрелку.

— В вашем стакане не происходит никаких процессов, кроме естественного тепловыделения в окружающее пространство, — пояснил Козырев. — И в термосе ничего не происходило. Но стоило подлить в термос холодную воду, а в стакан с чаем опустить сахар, как равновесие системы нарушилось. И куда система снова не придет в равновесие, скажем, пока в термосе не установится одинаковая по всему объему температура или пока полностью не растворится сахар в чае, система выделяет или, лучше сказать, уплотняет время, которое и оказывает «дополнительное» воздействие на гирскоп. Другого объяснения я просто не могу предложить. Тем более что оно подтверждается и другими фактами.

Факты эти таковы. Если время воздействует на систему с причинно-следственной связью, то должны меняться и другие физические свойства вещества, а не только вес. Так оно и оказалось. Тончайшие эксперименты подтвердили: вблизи термоса, где смешивается горячая и холодная вода, или колбы, где идет растворение, изменяется частота колебаний кварцевых пластинок, уменьшается электропроводность и объем ряда веществ.

И ученый делает вывод: выделение времени происходит только при «необратимых» процессах, то есть там, где есть причинно-следственные переходы. Иными словами, где система не пришла еще в равновесие. Но как это подтвердить?

Самые бурные и могучие процессы происходят в звездах, рассуждал астрофизик Козырев. А раз так, то звезды должны выделять колоссальные количества времени. И может быть, удастся его выявить по изменению физических свойств

вещества, на которое через телескоп направлен поток времени от звезды. Ведь время, как физический вектор, должно подчиняться и основным физическим законам — отражения и поглощения. И вот телескоп направляют на ближайшую яркую звезду. Объектив его плотно закрыт черной бумагой либо тонкой жестью, чтобы исключить влияние световых лучей. А электропроводность вещества, находящегося в его фокусе, меняется. Тонкая жесть заменяется более толстой, затем очень толстой металлической крышкой. И чем толще преграда, тем меньше отклоняется стрелка гальванометра. Это легко объяснить: если время — физический фактор, то его можно экранировать, менять его интенсивность.

Это было проверено на пяти солнечных затмениях. Телескоп с закрытым объективом наводили на Солнце, и, по мере того как Луна наползала на его диск, стрелка гальванометра постепенно возвращалась в первоначальное положение.

Но нужен был решающий эксперимент — для скептиков. Известно, что мы видим звезды не там, где они находятся в настоящее время, а там, где они были десятки, сотни или тысячи лет назад — именно столько времени требуется свету, чтобы дойти до нас от ближайших или не очень далеких звезд. А вот с самим временем происходит иначе. Козырев рассуждал так: время не может распространяться по Вселенной, как свет. Оно появляется в ней сразу и его действие на процессы и материальные тела происходит мгновенно. Проще говоря, используя свойства времени, можно получать мгновенную информацию из любой точки Вселенной или передавать ее в любую точку. Только при этом условии нет противоречия со специальным принципом относительности. И если вычислить, где в данный момент находится звезда, и навести на этот «чистый» для глаза участок неба телескоп, то с изменением веса гирскопа гипотеза будет доказана. И что же? Именно так было определено истинное местонахождение Прокциона. Впрочем, скептиков это не убедило.

Не будем упрекать маловеров. Скептицизм необходим. Познание такого глобального явления, как время, открывает перед человечеством настолько безграничные горизонты, что ошибки здесь просто недопустимы. К тому же и эксперименты Козырева... Наиболее типичное отношение к ним ученых мне высказал академик Ишлинский:

— Мы повторили все опыты Николая Александровича в своем институте, и результаты совпали, что называется, один к одному. Но если сейчас нельзя объяснить эти эксперименты известными нам законами классической механики, то это вовсе не значит, что в них действительно «работает» время. Просто наших знаний пока еще недостаточно, чтобы дать рациональное толкование наблюдаемым явлениям.

Все эксперименты Козырева на земле преследовали цель подтвердить выводы, к которым он пришел, размышляя над звездами. В земной лаборатории удастся выявить только отдельные свойства времени — свойства, которые мы можем предположить, исходя из наших знаний. Козырев был уверен, что время полностью проявляет себя только в масштабах Вселенной, где оно играет особую, а главное — необходимейшую роль.

Звезды и математика

В 1850 году немецкий физик Р. Клаузиус сформулировал постулат, получивший название второго закона термодинамики: «Теплота не может переходить сама собой от более холодного тела к более теплому». Формулировка вроде бы самоочевидна, но посмотрите, какую страшную картину получил Клаузиус, распространив свой закон на всю Вселенную: постепенно звезды должны отдать, рассеять свое тепло в пространстве и погаснуть. Вселенную ожидает тепловая смерть.

Против такого вывода возражали Тимирязев, Столетов, Вернадский и многие другие ученые. А Циолковский вообще называл теорию тепловой смерти антинаучной. Но сторонники конца Вселенной считали себя правыми: закон Клаузиуса еще не опровергнут. Быть или не быть Вселенной — это станет ясно, когда мы узнаем, за счет чего светятся звезды.

Сто с лишним лет назад Гельмгольц и Кельвин, казалось, «решили» загадку: звезды — это огромные сгустки газа. Сжимаясь под действием гравитации, они нагреваются до миллионов градусов. Но... расчеты показали, что в этом случае Солнце должно было израсходовать всю свою энергию и погаснуть задолго до того, как на Земле появились первые комочки протоплазмы. Затем наступил черед радиоактивности, за ней — атомной энергии. Каждый раз казалось: вот она, найдена наконец причина горения

звезд! И каждый раз беспощадная математика выносила вердикт — нет, не то. Сейчас серьезные сомнения вызывает последняя теория: звезды — это термоядерные реакторы. Эксперименты и расчеты показали, что температура внутри Солнца гораздо меньше той, что требуется для термоядерной реакции.

А главное, все эти теории льют воду на мельницу тепловой смерти. Ведь если запасы энергии находятся внутри звезд, то рано или поздно они должны истощиться. Но никаких других видов энергии земная наука не знала...

Почему они светятся?

Козырев стал подбирать ключи к мировым законам не на Земле, а во Вселенной. И в 1953 году пришел к выводу: в звездах вообще нет никакого источника энергии. Звезды просто живут, излучая тепло и свет не за счет своих запасов, а за счет прихода энергии извне. Но откуда же она берется?

Ясно, что она приходит из окружающего звезды пространства. Однако само пространство не может быть источником энергии: оно пассивно, как, скажем, пассивен бак, из которого автомобильный мотор черпает бензин. Но пространство неотделимо от времени, недаром в формулах Эйнштейна они значатся вместе. Так Козырев впервые задумался: а что же такое время?

Первый ответ на вопрос дали двойные звезды. Они состоят из звезд разных классов, связанных законом всемирного тяготения. Но вот что удивительно: если поодиночке звезды разных классов отличаются друг от друга, то «связанные» в пары они приобретают удивительно схожие черты (яркость, спектральный тип и т. д.). Возникает впечатление, что главная звезда воздействует на «спутник» и постепенно изменяет его облик по образу и подобию своему. Однако расстояния между «близнецами» столь велики, что воздействия обычным образом, через силовые поля, исключаются. А не таится ли разгадка во времени? — предположил Козырев.

Ответ он решил искать «поближе» — на родной планете. Вернее, на ее спутнике. Ведь система Земля — Луна, по сути, двойная планета. Сама по себе Луна едва ли могла сохранить внутреннюю энергию: математические расчеты не допускали этого. Но если Зем-

ля действует на свой спутник через время...

Так возникла гипотеза лунного вулканизма, впоследствии блестяще подтвердившаяся. А Козырев продолжал и дальше искать во Вселенной подтверждение своей догадки. Теперь его внимание привлекли «черные дыры». Так ученые называют коллапсар — сверхплотную звезду с огромным полем тяготения. Все, что приближается к коллапсару, исчезает без следа. Даже свет не может преодолеть притяжение огромной массы, «проваливающейся» сама в себя, так что увидеть, как выглядит коллапсар, невозможно. Тем не менее можно обнаружить его присутствие по мощному рентгеновскому излучению.

Что же такое коллапсар? Одни ученые считают, что это — своеобразные мусоропроводы Вселенной, куда сбрасывается отработанная материя. А раз так, то, в конце концов, все вещество будет поглощено «черными дырами» и мир перестанет существовать. Чем это лучше тепловой смерти?

Другие, оптимисты, дают обнадеживающие прогнозы: рано или поздно поглощение вещества «черными дырами» прекратится и начнется обратный процесс — вещество хлынет наружу. Иными словами, «черные дыры» превратятся в «белые»... И наконец, скептики противопоставляют свой «железный» аргумент: а есть ли вообще «черные дыры», может, их вовсе и нет?

Они существуют, утверждал Козырев, и утверждал не голословно. Его приборы показали необычную плотность времени в окрестностях рентгеновского источника Лебедь X-1, находящегося «на подозрении» у астрономов. Значит, это действительно «черная дыра». Но коллапсар совсем не бездна, где все пропадает безвозвратно, говорил Козырев. Вселенная устроена гораздо сложнее, чем мы думаем. И она заранее запрограммировала себе вечную жизнь. Вот и «черные дыры» — своеобразный регулятор, механизм, с помощью которого время передает энергию в пространство, а энергия через время возвращает материю в общий круговорот. Так и действует этот маятник, обеспечивая постоянное обновление Вселенной. И все разговоры о тепловой, коллапсарной или какой-либо иной смерти — показатель низкого уровня наших знаний о законах природы.

Но если выделение времени происходит только при «неорганизованных», неустоявшихся, «живых» состояниях материи, то не значит

ли это, что само время несет в себе организующее начало? А так как жизнь — это свойство организованной материи, то не участвует ли время в создании и поддержании жизни во Вселенной? Не является ли именно оно той субстанцией, «вдохнувшей» жизнь в неорганизованную материю, которую раньше называли творцом и для которой у современных ученых вообще нет названия?

Признаюсь: последний вопрос — не Козырева. Насчет творца — это я придумал. Мы как раз говорили о поразительных открытиях геохимиков, обнаруживших, что жизнь на нашей планете «стартовала» 4,3 миллиарда лет назад. А весь возраст Земли — чуть более 4,5 миллиарда лет. Значит, па синтез живого вещества из неживых компонентов потребовалось менее 300 миллионов лет. Практически жизнь зародилась на Земле чуть ли не одновременно с возникновением планеты. Более того, ученые сейчас утверждают, что живое вещество вообще является непременным участником происходящих на планете геологических процессов. И вот тут-то гипотеза Козырева о том, что время несет в себе организующее начало, удивительно точно укладывается в современную модель образования нашего мира. Но здесь мой собеседник оборвал разговор.

— Все! — сказал Козырев. — Больше я ничего вам не расскажу. Не имею права выходить за границы фактов.

Он был прав. За границами фактов начинаются мечты... Но все же попробуем... нет, не пометать, а просто подвести итоги.

Насколько я знаю, преемников у Козырева нет. Никто не продолжает его исследования. И вопрос о том, время ли «работает» в его экспериментах или что-то другое, остается открытым. Но если «что-то другое», значит, Козырев натолкнулся на совершенно новое явление, еще не известное человечеству. И оно ждет своих исследователей.

...Последний наш разговор с Козыревым состоялся по телефону: я звонил ему из Москвы в Ленинград.

— Приезжайте, обязательно приезжайте, — обычно сдержанный, суховатый Николай Александрович на этот раз был возбужден. — Я только что закончил новую серию экспериментов. Все то, что было раньше, — детская игра. Теперь уже никаких сомнений нет. Так что приезжайте, покажу.

Увы, я не успел!..

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Иван ЧЕРНИКОВ

В экспозиции «Герои Советского Союза — наши земляки» школы № 6 города Березники есть стенд, посвященный Л. Ф. Томилину. Командуя батареей в 791-м артиллерийском полку 254-й стрелковой дивизии при форсировании реки Днепр, Леонид Филиппович Томилин проявил мужество и отвагу и был удостоен высшей награды — звания Героя Советского Союза.

...Осень 1943 года. Немецко-фашистскому командованию казалось, что правобережье Днепра превращено в неприступный вал и русским никогда его не одолеть.

Стрелковый полк, в котором Леонид Томилин командовал батареей, форсировал Днепр и успел закрепиться на правобережье. На правый фланг полка «навалился» батальон эсэсовцев из дивизии «Викинг», при поддержке танков и самоходок. Создалось критическое положение.

Еще до начала контратаки противника старший лейтенант Томилин вынес свой наблюдательный пункт за передний край: отсюда хорошо просматривалось поле боя, подступы к позициям наших стрелковых подразделений. Однако когда правый фланг начал отходить назад, наблюдательный пункт артиллеристов оказался в полукольце: перед Томилиным возникла реальная угроза оказаться отрезанным от своей пехоты. Отступить вместе со стрелками — значит потерять обзор картины боя, этого командир допустить не мог. Он остался на своем НП. Гитлеровцы подошли уже вплотную... Автоматным огнем Томилин заставлял их залечь, и снова по рации — на свою, на соседние батареи — продолжал отдавать команды. Пока работали орудийные расчеты, наши подразделения перегруппировались для решительной атаки. Батальон эсэсовцев был отброшен.

Но фашисты не успокоились. На третий день они вновь попытались сбросить полк в Днепр. Вражеские танки и самоходки, черносеребряные автоматчики волной катились по полю, и уже не в силах был остановить их огонь томилинской батареи. Вот уже фашисты прут во весь рост, они почти рядом с НП... «Вперед!» — крикнул комбат и первым выскочил из окопа, кося фашистов автоматной очередью. Два диска с патронами вмиг опустели. Дальше отбиваться было нечем. И тогда раздалась команда: «Огонь на меня!» Орудийные расчеты на огневых позициях растерялись — кто же может сразу, не раздумывая, послать снаряд в своего командира и его боевых товарищей? Но приказ есть приказ. После повторной команды батареи открыла огонь...

Наблюдательный пункт гитлеровцам взять не удалось.

Старший лейтенант Томилин остался жив и продолжал управлять огнем батареи, которая в многочисленных боях на правом берегу Днепра уничтожила свыше двухсот гитлеровцев, вывела из строя три танка, уничтожила минометную батарею, восемь пулеметных точек и несколько зенитных пушек.

Верно говорят: «Храброго пуля боится!..»

СОЛДАТ ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

Валерий ЯКОВЛЕВ

В начале января 1915 года моего деда, уроженца Бузулукского уезда Самарской губернии Сергея Феофотиновича Яковлева, призвали в армию.

Сперва, как водится, вместе с другими повобранцами проходил муштру. Шагистика, повороты направо-налево, на первый-второй рассчитайся, кругом, бегом, ложись... Твердили на уроках словесности титулование начальственных особ всех рангов, сверху донизу, от царя Николая и до последнего зачуханного фельдфебеля — разные там ваши благородия, превосходительства, сиятельства, высочества. И — упаси бог! — ошибиться: назвать их превосходительство их благородием. У бедных мужиков, оторванных от сохи, голова распухала.

Потом самых грамотных отобрали в учебную команду. В ней готовили ефрейторов и младших унтер-офицеров. Дед мой окончил два класса церковноприходской школы, следовательно, умел читать и писать, знал наизусть «Отче наш...» и «Боже, царя храни...!». Кроме того, смутно представлял, что земля наша не на трех китах в море плавает, а где-то в небесах крутится, меж звезд и облаков. Словом, подпадал под разряд грамотеев.

Роты, бряная оружием, ушли на фронт, а будущие унтеры до одурь, до мозолей на седалищах принялись зубрить уставы, параграфы, циркуляры, до изнеможения ползая по-пластунски и с оголтелым криком ходить в штиковую. Потом и кровью доставались лычки на погонах.

Вскоре затеяли новый отбор, в какие-то особые вой-

ска. Присматривали людей рослых, физически крепких и пригожих. Опять же — грамотных по меркам тогдашнего времени и обязательно крещенных русским попом. Иноверцев сразу же браковали, несмотря на все прочие достоинства.

Дед мой и тут выдержал экзамен. Не берусь судить о приятной наружности — молодым деда не видел, а ростом он и на склоне лет был под потолок, в плечах размахист, фигура литая, ладони широкие, как рязанские лещи, хватка рук — железная. О степени просвещенности я уже говорил. И крестик вательный дед мой носил. Правда, в бога, по собственному его признанию, не шибко верил. Но карты выпали удачно: вместе с другими избранниками деда повезли в Самару.

Тут уже много собралось молодцев — бравых и приглядных, кровь с молоком, со всех уголков раздольной Руси-матушки. Но начальство, все в блеске золотых погон и аксельбантов, повело придирчивым оком: больше половины отправили назад, по своим ротам и полкам. «Как царскую невесту выбирают, — дивились солдаты вечером, слоняясь по казарме. — Это куда ж нас, братцы?»

Вдруг пронесся слухок: «В Питер нацелили, охранять царскую особу». Потому и такие строгости.

Новые известия вселили уныние: на турецкий фронт погонят. Или хуже того — в Салоники. Это где-то у черта на куличках...

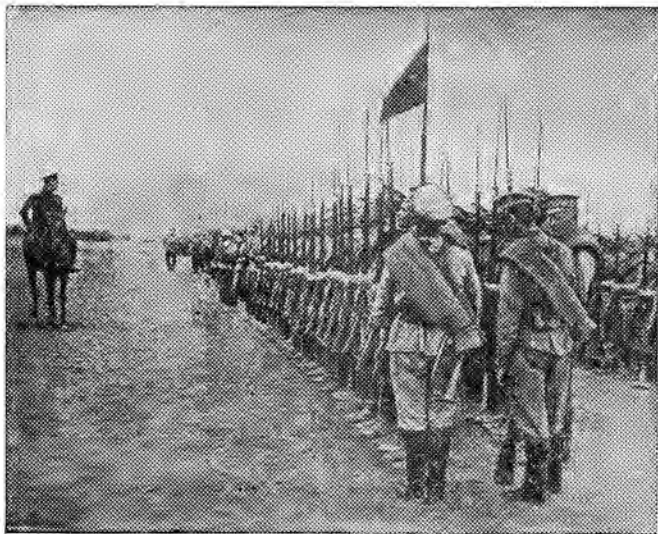
Оказалось: не на турецкий фронт и не в Салоники балканские. Оказалось — во Францию. У французов, стало быть, книшка топка против кайзера, вот и призвали на подмогу русских удалцов. «Где она, Франция?» — спрашивали друг у друга. «А ляд ее знает! Небось, сапоги до дыр сотрешь, пока доберешься...»

Неделю кряду самарские портные трудились в поте лица: кроили шинели, гимнастерки, брюки. Сукно им отпустили хваленое, английское: дабы нашим богатырям не ударить в грязь лицом перед просвещенной Европой! В первых числах февраля неторопливые эшелоны потащили солдатиков через всю Сибирь дремучую к берегам неведомым, восточным.

Большинство новобранцев дальше своей кондовой деревеньки и носу-то не казали, а тут — вся империя перед глазами, а впереди еще — океан-море, заморские страны. Было от чего голове вскружиться!

В порту Дайрен отслужили молебен «во славу и спасение», при догляде японских генералов погрузились на старенький прокопченный пароход «Адмирал Латуш-Тревиль» (сами французы-моряки окрестили его корытом и драгой калошей) и поплыли знойными морями на раскаленной, как сковорода, палубе, под нестерпимым солнцем экватора. Мимо Японии — в Индийский океан, с заходом в Сингапур и Коломбо. Красным морем — меж берегов Аравии и Египта — в узкую горловицу Суэцкого канала, Средиземным, кишачим немецкими подводными лодками, — в порт назначения Марсель.

С той самой минуты как русские парни, над кем судьба простерла свою длань, выделив в особую касту,

Перед парадом

вошли на палубу «Латуш-Тревиля», начинаются их удивительные приключения на суше и на море. Происходят события, полные драматизма, к сожалению, весьма скудно описанные в литературе.

Время было лихое, дневников солдаты экспедиционного корпуса (так поименовали эти войска) не вели, да и грамотешки у них было — кот наплакал, несмотря на проходной балл за кордоп. Письма — туда и оттуда — приходили выхолощенные цензурой, а то и вовсе застревали в пути. Февральская революция пронеслась по России сокрушительным смерчем, все вверх дном перевернула. И о солдатах экспедиционного корпуса попросту забыли. Не до них было. Когда вспомнили, во Франции свой пронесся смерч. Немногие русские увидели отчий край. Из каждой сотни солдат — дай бог! — десяток вернулся на родину. Да и то — спустя годы, после тяжких скитаний и мытарств.

Печать тех лет глухо молчала о судьбах русских, проданных за снаряды, брошенных в угоду союзникам в мясорубку войны. Репортеры, разного толка борзописцы вокруг рязанских и тверских мужиков, затянутых в английское сукно, не увивались. Разве что один Эрнст Шульд, фотограф, с завидным рвением оформил и издал по горячим следам событий альбом с пространным названием — «Через моря и океаны во Францию».

Сколько я себя помню, «французский» альбом деда пользовался в нашей семье особым почитанием. Нередко какие-то пронырливые коллекционеры предлагали за него хорошие деньги, но дед ни разу не дрогнул, не впал в искус даже в голодные и холодные годы войны.

Вид альбом имел самый непритязательный. Серенький невзрачный череплет, пожелтевшие страницы потерялись в уголках. На первой — четким типографским шрифтом по-русски и по-французски напечатано — «Через моря и океаны во Францию». Чуть пониже и помельче — «Высадка Русских войск в Марселе 7 (20) апреля 1916». На второй — уведомление автора, заканчивающееся словами: «Я буду счастлив и цель издания будет достигнута, если всем тем, кому суждено судьбой вернуться опять на родину, мой этот небольшой труд поможет рассказать им, своим родным и друзьям: «Вот где мы были... Посмотрите, что видели... Вот какие есть чудные, интересные страны...»

Вверху, по срезу листа, размашистый и едва уж различимый росчерк пера — «Мл. Унт.-офицер Сергей Феоктистович Яковлев».

Владельцем альбома дед мой стал, можно сказать, по несчастью. В боях под фортом Бремон он был тяжело ранен: осколки снаряда раздробили колено, искромсали бедро, и нога болталась на «живой пилке», на каких-то там уцелевших сухожилиях. Подтягивая ее ремешком от биполя и временами впадая в беспамятство, дед сполз в покинутый всеми блиндаж, где его на четвертые сутки и подобрала похоронная команда, посчитав убитым.

Но дед оказался на редкость живуч: чудом избежал заражения крови, провалявшись три дня в грязи, с открытой раной, и после операции во французском госпитале пошел на поправку. Соседом его по палате был прапорщик, из вольноопределяющихся. Разрывная пуля угодила ему в живот в мартовском наступлении 1917 года под тем же фортом. Жизнь в прапорщике едва теплилась. Он бредил, скрежетал зубами, проклиная «Николашку» со всей его камарильей. В минуты просветления, перед самой смертью, он и передал деду альбом. Наказал довести до России, если судьбою суждено будет вернуться, как о том и писал издатель недвусмысленно.

В Китайском море

К деду моему судьба благоволила. Он среди тех немногих, кто уцелел от пуль, бомб и отравляющих газов на полях Шампани, прошел свинцовый ад лагеря Ля-Куртин, где солдат, потребовавших отправки в Россию, в упор расстреливали из пушек. Не погиб от голода, от жажды и изнурительного каторжного труда в горячих песках Африки, куда были сосланы непокорные лякуртинцы. Среди этих немногих десятков из сотен деду посчастливилось увидеть родимый дом.

А мне, следовательно, посчастливилось увидеть альбом, который после смерти деда перешел в мои руки. Я и сейчас нет-нет да и раскрою его, перелистаю, правда, уже без прежней детской восторженности. А в детстве я с упоением глазел на диковинные пальмы, растущие где-нибудь в Сингапуре или в Сайгоне, на крутые валы Индийского океана, на туземных жителей Коломбо, прыгающих прямо с парохода в синюю купель за брошенной монетой.

Эти экзотические красоты и теперь захватывают воображение, но уже не они — нет! далеко не они — главное для меня в альбоме. А главное — простые лица солдат, дедов наших и прадедов, приговоренных к чужбине. Вот они проходят церемониальным маршем перед президентом Франции Пуанкаре, толстым коротконогим господином в полуголовном френче, застывшим в позе а-ля Наполеон. Берут «в ружье» перед фельдмаршалом Жоффром и генералом Гуро. Слушают в лагере Майли, вблизи Парижа, душевную речь представителя Государственной думы господина Протопопова, призывавшего к войне до победного конца. Рубят дрова на кухне. Стирают белье на реке. Примеряют каски. Изучают французский пулемет. Служат молебн. Выступают на передовые позиции.

Лица... лица... Насмешливые и пытливые, озаренные упорством и решимостью до конца выполнить свой солдатский долг, и полные великой печали.

«А вот здесь, в четвертой шеренге, я стоял», — находил дед памятную ему фотографию: начальник бригады генерал Лохвицкий проезжает верхом по плану, принимая парад. Я вояку тарашил глаза, сился распознать

Испытание масок против газа

в плотной солдатской массе знакомую фигуру деда. Увы, безнадежно! «Так вот же, вот, — упирает палец в одну точку. Вздыхал огорченно. И вроде бы извинился: — Мелковато, правда. Где тут разобрать...»

Пожалуй, хватит об альбоме. Здесь уж действительно — лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Думается, альбомы такие у нас — наперечет. А из солдат, проделавших за 80 дней путь в 30 тысяч верст и сражавшихся на полях Франции, с уверенностью можно сказать, — никого в живых не осталось. Ведь в первую мировую войну они вступили двадцатидвухлетними.

А воспоминания очевидцев живут и по сей день. Правда, количеством изданий нельзя похвастать. В 1924 году общество бывших российских солдат во Франции и на Балканах выпустило сборник «Октябрь за рубежом». Позже, в конце 20-х, печатались тонюсенькие, на 30—50 страничек книжицы — «Записки солдата Вавилова» и «Мытарства русских солдат» В. Н. Новикова. Потом еще книги В. Козлова и П. Карева, объемом по-настоящему, чуть дополнили картину. Пожалуй, и все. Тем дорожке для истории, любой, сохраненный чьей-то памятью рассказ участника экспедиционного корпуса. От деда я их немало слышал.

Вот один из них.

...Пароход «Лятуш-Тревиш», оторванный от родных берегов, гонимый ветром, кидаемый океанскими волнами, как бы являл собою в миниатюре российское общество с его палочной дисциплиной. За малейшую провинность фельдфебеля порол солдат просмоленными веревками (розгами забыли заготовить), потом окатывали соленой водой из пожарных шлангов. Умерших, наскоро сотворив молитву, сбрасывали в океан. Пьяные господа офицеры тем развлекались, что заставляли солдат петь и плясать под гармошку, присев на корточки, ходить «гусиным шагом», стократно повторяя «Боже, царя храни...»

На земле Франции в первые дни — смотри, парады, прогулки по улицам города с развернутыми знаменами. Улыбки прекрасных дам, цветы, всеобщее обожание... Пуанкаре и Мильеран на смотрях кричали: «Здорово,

молодцы!» А между собой говорили: «Славные солдаты! С такими немцы не страшны!»

А на сон грядущий ротные и взводные, не скупясь, раздавали зуботычины. Но особенно усердствовал батальонный — подполковник Готуа, смуглый кривоногий, подвижный, как ртуть, грузин. Готуа всегда незаметно подкрадывался по-кошачьи. И всегда солдат был у него виноват. Обернется часовой на шпорох, батальонный — хрясть его по лицу. С наставлением: «Противник впереди. Вперед пужко смотреть». А не обернется — снова кулаком вразумляет: «Не признаешь старшего офицера».

Осенью 1916-го, когда в бебе плавала серебристая паутина, а в чанах у крестьян бродило молодое вино, обескровленный боями полк перевели на отдых в лагерь Майли. На третий день Готуа избил замешкавшегося в строю младшего унтер-офицера Григорьева.

Вечером перед отбоем выборные от рот тайно собрались в глухом заросшем овраге. Сперва сам собой разговор про войну затеялся. Надоела она всем до чертиков. Недаром песню в окопах сложили:

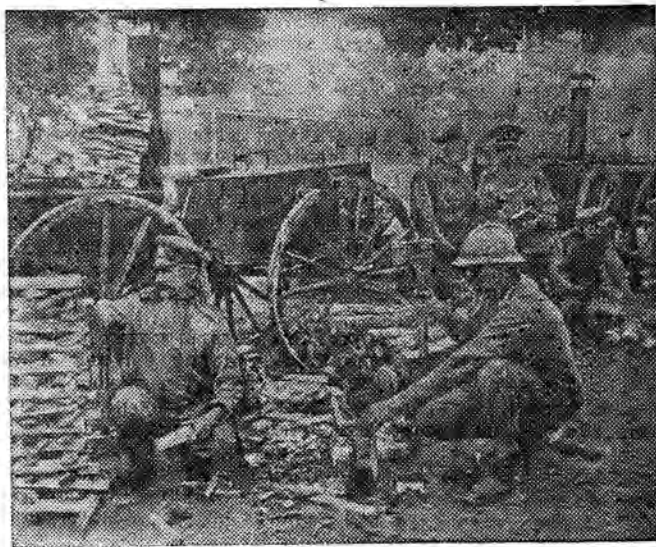
Во пехотном я полку,
Ровно снопик на току.
Коли немец не колотит,
Взводный шкуру мне молотит.
Подо мною ножки гнутся,
Все поджалоочки трясутся.

Ожесточились солдатские сердца. «Мы здесь вшей кормим, а министры да генералы на белых простынях амурсы разводят!». «Как Расея-матушка живет — не знаем-не ведаем». «А господа-офицеры — в рот воды набрали. Спросишь — в морду».

Один солдат, из питерских мастеровых, обронил непривычно для слуха: «революция». «Скоро, ребята, скоро», — не просто сказал — пообещал, и деда моего как пружинной с места подкинуло: «Доколе терпеть притеснения Готуа?»

Солдаты зубами заскрежетали: «Царский сатрап! Спасу от него вату. А что делать? Жаловаться Лохвицкому-генералу? Или выступить в открытую?»

Так ничего и не решив, разошлись по казармам.

Рубка дров для кухни

А наутро в лагере появились листовки. Текст у всех был одинаковый, но почерк — разный. И расклеены были в разных местах. Одна даже вызывающе белела на дверях штаба. Забегали офицеры, высккивая крамолу в своих взводах, ротах, батальонах. Начальник бригады генерал Лохвицкий в гнев произнес: «Это похуже германских аэропланов!» И вызвал подполковника Готуа, имя которого склонялось в листовке. Бросил язвительно: «Вам честь оказана. Вы и дознавайтесь!» Готуа выскочил из кабинета, как рак распаренный. Прибыв в лагерь, приказал горнисту сыграть сбор: батальону выстроиться на плацу, без оружия. Сам выехал на кауrom жеребце. Левоу рукой вцепился в поводья, правоу яростно взмахивал, сжимая листовку:

— Кто писал? Выходы!

Голос звенел струною и рвался на ветру.

Строй замер. Слышно было, как вторая шеренга дышит в затылок первой.

— Выходы, говорю!

Тишина камнем придавила плац.

— Крепко, как гранит... — выкатил Готуа коровьи глаза. Тонкие усики дергались над губой. Опасливо отстранил листовку, точно она могла взорваться в любой миг. Коверкал рот криком:

— Таких изгодаяв я порол в девятьсот пятюм, на Пресне.

«Сердце русского солдата крепко, как гранит. Терпение на семерых хватает. Но и гранит лопаеся, если его сильно раскалить. Терпение тоже может лопнуть! Солдаты, довольно сносить побои и издевательства! Время отведить палачам!»

Такими словами, далекими от литературного изящества, заканчивалась листовка. И Готуа ерзал в седле, будто его на угольях поджаривали. Грозил и бесновался.

«Верить, — рассказывал дед, — ноги сами меня на середину плаца тащили. Ну, кем я тогда был? Темнота, деревенщина забитая. В школе батюшка-священник за малую провинность на горюх коленями ставил. Дома отец, случалось, драл. Света я не видел, дальше волости и носу не совал. Мне и порты-то, по совести сказать, в пятнадцать лет справили, а то все отцовы до дыр донашивал. И вдруг — такое на мою голову обрушилось! Едва я вынес эту муку. Слава богу, во второй шеренге стоял, а из первой — глядь! — и вышел, поддался бы страху.

Но мысль тайная меня сверлила: поживем еще, повоюем за правду. Смолоду помирать — кому охота? Спасибо, ребята, земляки мои, Сахно и Кикоть, не дрогнули. Они листовку мою и переписывали, чтоб почерк везде был разным».

Говорил дед с легкой такой усмешечкой, дело, мол, давнее, былшем поросло, а в глазах его, чудилось мне, застывало искаженное злобой лицо Готуа.

— Не выходишь? Боишься! — сминал в кулаке листовку, потрясал ею в воздухе. — Я дознаюсь. Повиснешь у меня на дереве, пятками вверх! Ад раем покажется!..

Вот, собственно, и вся история, приключившаяся во Франции с простым русским солдатом. Мужик сермяжный, мой дед, переступив однажды порог страха, преодолел рабское покорство, сделался убежденным красным агитатором. А позже, вернувшись в Россию, вступил в партию большевиков, воевал с белоказаками и басмачами. Подполковник Готуа, памятуя об угрозе посчитаться с ним, приутих на время, перестал истязать солдат, но горбатого, говорят, могила исправит. Монархист и черносотенец, он был растерзан солдатами в дни революционных событий.

В бараке за обедом

Недавно, перебирая старые бумаги, нашел я одно письмо. Чернила выцвели, почерк убористый — едва разобрал. «Помнишь, Сергей, тот погожий осенний денек?» — спрашивал дед какой-то его друг-приятель. И далее расписывал простодушно: «Испытание нам выпало — не приведи господи! Меня мороз по коже продирает. И в башке туманилось. Шутка ли — впервые властям поперечить?.. Наперекор им пойти? Но ведь надо было кому-то начинать... Правда? Мы и начали. И провели на мякине чертова грузина, кто грозился за ноги тебя подвесить. Уж как он горло драл, пыхтел на своей коняге!.. Все попусту. Близок локоток — да не укусишь. На следующий день, помнишь, приказал зачитать «грязную писульку» по всем взводам. Пускай, говорят, доблестные солдаты знают, что среди них есть отступник от веры, царя и Отечества. В нашем взводе тебе велели прочитать. Взбрело им в голову! Мы с Кикотем чуть животы не надорвали. И все боялись сболтнуть по нечаянности. Прочитал ты, надо сказать, бодро. Как песню пропел. Даже в бумажку не заглядывал. Свое ведь, выстраданное.

А вспомнил я про давние наши дела потому, что сегодня седьмое ноября, и я душевно поздравляю тебя, Сергей, с праздником Революции и желаю крепкого солдатского здоровья. Твой...»

Вместо подписи стояла замысловатая закорючка, но я сразу уверился: Сахно писал, о котором дед мне много рассказывал. И после Франции пути их сошлись: в степях Казахстана вместе партизанили, отстаивали молодую Советскую власть. А потом организовывали коммуны, строили новую жизнь...

ПРИДУМАЙ И... СДЕЛАЙ СКАЗКУ

Геннадий ЗАРХИН

Свердловского инженера Геннадия Зархина уже нет в живых. Последователь и продолжатель дела знаменитого уральского «левши» Александра Матвеевича Сысолятина, Геннадий Зархин умер в расцвете лет — отказало сердце... Оказывается, сердце у каждого «левши» работает очень напряженно: все исключительные по миниатюрности и уникальной точности операции выполняются между его ударами — такое это искусство.

Редким талантом этим наделены немногие люди. Геннадий Зархин был из их числа. Потому так ценны заметки, сделанные им при жизни и сохраненные его сестрой, Е. С. Зархиной, в которых талантливый мастер рассказывает о том, что привлекло его к миру крохотных поделок, как он создавал свои изумительные миниатюрные вещи, и даже — подробное описание работ, сделанные специально для того, чтобы ребята тоже попробовали свои силы.

Часть записок Г. Зархина мы публикуем на страницах нашего журнала.

Как мне захотелось пожить в музыкальной табакерке и что из этого вышло...

Когда мне было лет пять, я прочитал сказку В. Ф. Одоевского «Городок в табакерке». Мне очень сильно захотелось пожить самому в каком-нибудь таком крошечном городке... Я представлял себе его так...

Улицы из домиков с островерхими крышами. Под каждой крышей — колоколенка, и звонарь звонит в крошечный колокол. По улицам ходят маленькие веселые человечки, ярко разодетые и в смешных колпачках. Детишки катаются на крошечных велосипедах, смеются и трезвонят в малюсенькие звоночки... По хрустальной мостовой докают копытами лошади величиной с муравьев. (Много лет спустя в одной из своих поделок я сделал такую лошадку из черной нитки и клея, — и она была совсем, как настоящая.) Лошадкипряжены в старинные кареты, пролетки и конки. На козлах сидят кучера, насвистывают веселые песенки и щелкают в воздухе хлыстиками... И все звуки сливаются в одну волшебную мелодию — я ее так явственно слышал... И хотелось, чтобы она никогда-никогда не кончалась, чтобы можно было долго гулять по улицам этого волшебного городка...

В детском саду мне очень повезло с воспитательницей. Ее звали Луиза Леонтьевна. Каждый день начинался и кончался у нас сказкой: она их знала великое

множество — сочиняла сама и рассказывала нам «с продолжениями».

А потом, на занятиях, мы лепили из пластилина крошечные лес и поле, и речку, а в речке — камушки, и по ней плавают утки, а к ним из леса крадется лиса... К Новому году мы делали домики с окошечками и дверцами, в них — столики и стульчики. Потом научились освещать изнутри лампочками. Помню, что очень долго мог смотреть на такой домик, висающий на елке, и фантазировать — кто там живет, что там происходит...

Когда мы мастерили, Луиза Леонтьевна тихонько подходила к нам, незаметно подкладывала разные материалы, которые могли пригодиться для поделки. А иногда вдруг начинала рассказывать сказку на наш «сюжет», и оставляла сказку незаконченной — вела за собой нашу фантазию.

Низкий поклон этому удивительному человеку!.. Только через тридцать лет я понял по-настоящему, как много она для нас сделала, как много значила для всей нашей — и детской, и взрослой — жизни...

Сказочное «Сезам, открой двери!» (мы говорили: «Сим-сим») я в детстве применял ко всем предметам, когда мне хотелось знать, что там внутри (думаю, нет человека, которому в детстве этого не хотелось бы). Однажды с помощью «сезама» и отвертки оказалась открытой крышка старинного будильника, а через полчаса на газете были аккуратно разложены все его детали... Если я скажу, что папа и мама обрадовались, увидев тихо лежащие внутренности отличных часов, — вы мне не поверите...

— Та-а-ак! — сказал отец. — Прекрасно... А теперь собери, как было.

Через полчаса я убедился, что все это не так уж «прекрасно». А через пять часов, потихоньку смахивая слезы, понял, что «сезам» тут больше не поможет... Часы — не просто набор винтиков, а сложный механизм, действующий по определенным законам. В конце концов отец помог мне собрать злополучный будильник и объяснил принцип его работы.

С тех пор я стал часто подходить к отцу и спрашивать, как что устроено. Помню, мне очень понравился автоматический карандаш, в котором грифель выдвигался при повороте колпачка. Захотелось сделать по этому принципу шприц (мама у меня — врач). Много лет спустя мне приходилось делать тончайшие инструменты и приборы для медиков, нейрохирургов, — но тот, первый шприц у меня не получился...

Первый механизм, который продолжал работать после того, как я его разобрал и собрал, был игрушечный броневик, «стреляющий» с помощью кремней. Лиха беда начало...

Детство у меня было, в общем-то, самое обычное. Гонял на велосипеде, играл в войну, лазал с товарища-

ми во все запретные чердаки и подвалы, ходил в спортивные секции (у меня первый разряд по самбо и третий по штанге). Но мои поделки уже не отпускали меня. Я очень любил работать лобзиком. Делал в подарок маме и сестрам разные шкатулки. Когда учился в четвертом классе, вел у первоклашек кружок «Умелые руки».

После школы закончил я Ленинградский механический институт, стал инженером-конструктором, поехал работать на знаменитый Уралмаш. Конструировал, моделировал и испытывал установки непрерывной разливки стали. Это такие машины, в которых прямо из жидкой стали, без слэбов и проката, должны получаться стальные листы или, например, трубные заготовки. Машины эти делались тогда впервые в мире, работать над ними было очень интересно. Я, что называется, прямо «балдел» на этой работе. И надо сказать, мои навыки в поделках (к тому времени я очень многое умел делать руками: знал токарное и слесарное дело, и сварку, и электриком мог быть, и радиотехником, и в любых двигателях разбирался) очень меня выручали в основной работе. Надо какой-нибудь узел в машине заменить — заменишь; пружину какую-нибудь особенную, выточить — выточить; надо — сделаешь маленькую действующую модель всей машины; все по новому принципу переделывать — переделашь... Это великое дело, когда умеешь не только придумать что-то новое в конструкции, но и сам можешь сделать, — совсем по-другому идет работа.

И поделки свои я не оставлял. По вечерам и в выходные дни все время что-то мастерил. То какой-нибудь забавный подарок на день рождения товарищу, то «волшебную палочку» для Деда Мороза на Новый год, то какие-нибудь дикий часы из древесного капа... У нас, на Уралмаше, заведено, чтобы под Новый год Дед Мороз развозил подарки детям уралмашевцев по домам. Мне часто приходилось бывать Дедом Морозом... И я сделал себе волшебную палочку, на которой сидел «живой», незаметно управляемый Лесовичок. Он мог подмигивать детям в ответ на их вопросы, и это всегда вызывало восторг. Очень важно, чтобы дети видели рядом с собой «живую» сказку, верили в нее, участвовали в ней. Из таких детей, по-моему, вырастают хорошие люди. Да и в любой работе очень много значит развитое воображение.

Делать людям приятные и веселые сюрпризы — большая радость. Помню, например, обратились ко мне с просьбой — сделать оригинальный подарок к юбилею газеты «Вечерний Свердловск». Заказ, конечно, почетный. Надо так сделать, чтобы и забавно было, и загадочно (вроде фокуса), и чтобы газетную работу отразить. Взял я бутылку квадратного сечения, внутрь поместил два коробка спичек, на них — деревянную столешницу... Получился редакторский стол. На стол поставил мини-атюрную настольную лампу (с лампочкой!), телефон старинный, телефон современный, положил мини-газету «Вечерний Свердловск», поставил стакан с карандашами, под столом разместил тапочки и урну, в которую «бросил» две скомканные газеты — вроде как первые отписки редактору не понравились... И все это — в бутылке. А в бутылку вбита деревянная пробка, а в пробку изнутри вбит клин (значит, она уже не вытаскивается), а в тот клин — еще клин, а во второй клин — еще маленький клинышек...

Или, например, сделал для музея Уралмаша точную копию буровой установки, какие выпускает наш завод. — только из бамбука, и тоже внутри бутылки. Собрал эту буровую более чем из 2000 деталей: там и лебедка, и лестница, и застекленная будочка — словом, вся конструкция как есть. Мини-копию экскаватора тоже делал.

Город мастеров

Обучаться мастерству лучше не одному, а в группе, в кружке. Расскажу немного о нашем опыте. Больше десяти лет назад я впервые пришел руководителем в кружок «Умелые руки» пионерского лагеря «Уралмаш». Ребята того, первого, набора много лет потом приходили ко мне домой, рассказывали о своих делах, советовались, многое мы решали вместе.

Тогда к нам в кружок пришел почти в полном составе отряд ребятшек из детского дома. Я понимал особую ответственность перед этими пацанами, у которых нет родителей, и готовился особенно тщательно. Приехал в лагерь заранее. Приготовили мы с товарищами инструкции по содержанию рабочего места и по технике безопасности в стихах и картинках. Поэты, конечно, из нас не ахти какие, но мы старались, чтобы правила запомнились ребятами как можно крепче.

Например, около верстаков был плакат с нарисованным поросенком — он весь в стружках и опилках, и написано под ним: «Чистота нужна, это ясный вопрос. Но коль убирать тебе неохота — надень пятачок себе на нос». На другом плакате был изображен ослик в спецовке, который чешет «затылке, стоя среди разбросанного инструмента, и написано: «Куда положил инструмент — надо помнить и знать. Иначе вместо работы будешь его искать».

Приготовили столы. Разложили по ячейкам инструмент (для этого приспособили ячейки из-под детской обуви). Под каждым инструментом написано его название. Там были молоток, рубанок, плоскогубцы, стамеска, зубило, шлифовка, кровциркуль, ножовка, лобзик и т. д.

Пришли ребята, сели. Я их записал. Заранее спросил: кто чем хочет заниматься. Большинство хотело заниматься судомоделированием, авиамоделлизмом, выпиливанием. Потом пошел разговор о том, кто что знает, что умеет. Спрашиваю:

— Кто умеет выпиливать, поднимите руки... Кто не умеет?

Несколько рук стыдливо поднялись.

— Тех, кто не умеет, — буду учить. Кто умеет — вот инструмент, заправляйте пилки... — Тут и выяснилось, кто в самом деле умеет, а кому это только кажется: некоторые даже зубьями внутрь заправляли.

— Почему же ты сказал, что умеешь?

— А я видел, как папа выпиливал...

Интересно, что большинство тех, из кого потом вышел толк, сразу сказали: «Не умеем». Именно такие ребята, которые не старались «выглядеть», а оказались наиболее преданными делу и были особенно привязаны к кружку.

Надо сказать, что в любом мастерстве нужна честность. Казалось бы, какое она имеет отношение к мастерству? Самое прямое!.. Если ты имеешь мужество честно сознаться перед другими, что в чем-то слаб, значит, относишься к мастерству серьезно и преодолеешь все его трудности. В любом, даже самом маленьком, деле честность — очень большой показатель «качества» человека.

Янек у нас не было. Если кто-то хоть раз после работы бросил все в беспорядке и ушел, то назавтра его из кружка исключали. Дежурили все по очереди, «панов» тоже не было. Мы с первого же собрания договорились о своих правилах. Во-первых, чтобы в кружке во время работы было тихо. Если разговаривать, то трудно работать, разговоры были только по делу. Потом, когда моих ребят на выставках спрашивали, как он сделал то-то и то-то, они отвечали: «Молча!»

Слоняться в помещении без дела тоже не разрешалось, если устал работать — иди побегай на улице...

Инструкцию по технике безопасности я провел с ребятами всего один раз, и мы ввели «Правило трех замечаний»: если один и тот же человек три раза попадался на нарушениях — он из кружка уходил сам. Обязательным было — не баловаться с инструментом, инструменты острые — может выйти плохо: если кто-то, например, стамеской замахнулся, его выгоняли сразу же.

На дверях у нас была надпись на английском языке: «Если тебе нечего делать, пожалуйста, не делай этого здесь». Почему — на английском? Потому что к надписям быстро привыкают и перестают их замечать. А когда на иностранном языке — каждый, кто входит, обязательно спрашивает: «Что это у вас тут написано?» — и ребята с большим удовольствием, хором ему переводят.

Если кто-то что-то стащил (был у нас такой случай), сами кружковцы проводят «следствие», находят виновного и выгоняют. Вот так мы обо всем с самого начала договорились.

А потом началось самое приятное... Вы не представляете себе, какая это радость — видеть, как ребята, не знавшие вначале даже, как называется тот или иной инструмент и как его держать, оставляли в подарок лагерю великолепные резные шкатулки, игрушки, украшения! Иногда мы все вместе делали крупные вещи. Например, в одну из смен мы с кружковцами восстановили старую разбитую лодку, сделали ей руль, установили парус, выкрасили, торжественно спустили на воду... Ничто не приносит ребятам такой радости, как конкретная, полезная работа — какие лица были у пацанов, когда мы проходили под парусом вдоль купален!..

Однажды принесли мне ребята мертвого шмеля. С него начал я одну из самых любимых своих «сказочных» поделок — «Дворец Шмеля». В широкой бутылке собрал из деревянных деталей дворцовый зал — с паркетом, колоннами, ажурной балюстрадой, с большой люстрой, которая может зажигаться. И устроил в нем бал насекомых...

Мне и самому хорошо работалось с нашими кружковцами. А наши выставки приходили смотреть ребята из других лагерей, целыми отрядами. Последнюю, самую лучшую работу каждый оставлял в подарок лагерю.

Хотите сделать домик Мухе?

Сиюю я как-то, ем грецкие орехи. Открываю их, как всегда, ножом, чтобы не портить скорлупу — из нее всегда можно что-нибудь сделать. Колю орехи и думаю: «Вот было бы здорово, если бы сейчас открыл орех, а там кто-то живет!» Ну, конечно, никого нет... Постою, думаю, а почему мне самому не сделать так, чтобы в орехе кто-то жил?

А тут еще хозяйка гоняет мух полотенцем... И всегда-то их, бедных, гоняют! Пожалеть бы этих мух и сделать для них домик, пусть сами будут хозяевами...

Начал вспоминать все деревенские избы, в которых когда-нибудь бывал. Значит, так: входил в сени, а там — ведра, венки, крынки. Дальше — комната. Там стол, на нем горшок, бутылка с квасом. Русская печь, в ней чугуны, а внизу дрова лежат. У дверей ведро с водой. На стене фотография... Комод, на нем зеркало.

Сначала все это представил, потом нарисовал. Уселся поудобнее за стол, благо, был выходной и можно было куда-то не торопиться. Разложил вокруг себя на столе все, что могло понадобиться: отвертки, шила, надфили, лобзик, набор наждачных шкур, тонкий пинцет, скаль-

пель или острый ножик, флакон клея ПВА, кусочки дерева, нитки, проволочки, кусок бамбуковой палки, кусок оргстекла, коробок спичек, гвоздики, несколько ивовых прутьев, кусок фольги, карандаш. Взял несколько орехов покрупнее. Ну, кажется, все... Подвинул стул, примерился к столу так, чтобы локти на него можно было поставить, положил руки на стол. Когда делаешь что-нибудь миниатюрное — предплечья и кисти должны спокойно лежать на столе, даже немножко расслабленно, работают только пальцы.

Взял орех, в углубление на его «донышке» вставил отвертку, нажал и слегка повернул. Орех раскрылся.

Съел ядро, очистил скорлупки от перегородок. Потом на одной из них снаружи нарисовал дверь, на другой — окно. В уголке будущей двери просверлил отверстие, миллиметра полтора; очень аккуратно, точно по линиям, выпилил дверцу. Выпиленный кусочек отложил в сторону — это и будет дверь. Так же выпилил окошко.

Сейчас надо сделать пол. «Стены» внутри ореха неровные, а пол надо подогнать к ним точно, чтобы щелей не было. Как же быть? Взял кусок пластилина, вложил в одну половинку скорлупы и прижал другой. Лишний пластилин выдавился, я его срезал. Вынул «слепок», острым ножом разрезал его на том уровне, где в орехе должен быть пол. Приложил срез к листу тонкой фанерки, тщательно обвел карандашом — по этой линии «выкроил» пол. И сразу пропилил квадратное отверстие в подполье — оно тоже должно быть в доме Мухи...

Теперь снова займемся дверью и окном. Все кромки выпилом обработал надфилем. Из спичек сделал косяки. Паза в косяках надо делать очень тонким надфилем или скальпелем. Взял дверцу, подогнал ее по уже вставленным косякам, лишнее снял надфилем. Разметил места навесов.

Навесы сделал из тонкой проволоки. Петельки и сами навесы слегка расклевал (петли — в одном направлении, навесы — в перпендикулярном). В навесах просверлил малюсенькие отверстия под болты, приклеивал навесы к дверце. Дверцу примерил к косяку, при этом петельки слегка прижал, чтобы на косяке остались отметины; по этим отметкам сделал в косяках пропилы и в них вставил петли — так, чтобы они оказались внутри паза косяка. Через обе петли продел сквозную проволочку. Таким образом дверь оказалась закрепленной на косяке, могла открываться и закрываться. Вставил и приклеил все косяки. Клеить лучше всего клеем ПВА, он самый удобный и надежный в работе.

Оконные рамы можно делать из тоненьких палочек, отщепленных от бамбука. Окно надо «застеклить». Делается это так: берется кусочек чистого оргстекла, на него тонким слоем намазывается клей — и кладутся детали готовой оконной рамы. Когда пленка клея засохнет и станет прозрачной, аккуратно разрезаешь окно на две створки, лишний клей обрезаешь, потом очень осторожно, не торопясь, отделяешь бритвой «застекленные» створки от оргстекла, на котором они лежали.

Уже стало похоже на декорацию к какому-то спектаклю... Теперь — мебель и прочее убранство. Каким все это должно быть по размерам? Если хозяйкой в доме будет Муха — значит, все должно примиряться на ее «рост». Взял большой лист бумаги, нарисовал на нем муху в натуральную величину, а рядом — ей под «рост» — печь, стол, стулья, комод, картину на стекле, зеркало. Нарисовал и то, что должно быть во дворе: колодец, стог сена, поленницу дров, топор, плетень. И начал делать все по очереди.

Русская печь. Она в избе — как целый дом в доме. В ней варят, парят, стапливают молоко, пекут хлеб и подовые пироги. Раньше бывало: вытопят русскую печь и моются в ней, как в бане... На печи сушат валенки,

разные травы, на печи спят, лечатся теплом от всяких болезней. Она очень уютная, русская печь!

Вырезал я ее из цельного кусочка липы. Липа — замечательное дерево для поделок. Тонку выкрасил внутри красной люминесцентной (светящейся) краской. Печь готова.

Стол. Тоже очень важная вещь в доме. Столешницу сделал из шпона — это тонкий слой древесины, который как бы сдвигается или сострагивается с поверхности бревна. Из лущеного шпона делаются спичечные коробки, склеивается фанера; строганный шпон применяется для отделки мебели. Вырезал скальпелем прямоугольник, отшлифовал поверхность на тонкой наждачной шкурке. Прибором для выжигания (я называю его для краткости «выжигалкой») осторожно нарисовал на столешнице доски (столы в избах дощатые). Положил столешницу лицевой стороной вниз, наклеил поперечины. Потом капнул по капельке клея туда, где должны крепиться ножки, намазал и торцы самих ножек — подождал с полминуты и вклеил на место. Мелкие детали лучше держать тонким пинцетом — пальцами не всегда удержишь.

Стулья. Вырезал из шпона сиденье, спинку, приклеил друг к другу, положил заготовку на угол деревянного кубика. Вклеил перекладчины и ножки.

Комод. Его я сделал из мебельного шпона. Вначале отшлифовал тонкой шкуркой весь кусок, потом разметил контуры стенок, вырезал острым скальпелем, торцы обработал наждачной шкуркой. Склеил коробочку. Ящички «нарисовал» выжигалкой и приклеил к ним крошечные кусочки дерева — «ручки».

Зеркало. Разве может Муха, кокетка и модница, обойтись без зеркала?.. Взял гвоздик, со шляпкой диаметром 2,5 мм, отшлифовал шляпку на тонкой шкурке, отполировал ее на кожаном ремне с пастой ГОИ. Сам гвоздь «откусил» бокорезами, скус сделал косой, чтобы получилась подставка, обработал надфилями. Зеркало готово. Приклеил его на комод.

Картина. Решил, что в доме у Мухи должен висеть портрет Лошади, на которой Муха любит сидеть. Взял обертку от шоколада «Дорожный», где нарисованы кареты с лошадьми, выбрал самую маленькую лошадку. Вокруг ее морды наклеил рамку из малехоньких дощечек. Когда клей высох, вырезал портрет вместе с рамкой.

Чугунки, кружки, графин. Чугунки и кружки сделал из коры очень тонких веточек. Кору надрезал по кругу в нескольких местах, потом вдоль. Резать лучше лезвием безопасной бритвы. Очень осторожно снял колечки, придать нужную форму. Получилась посуда. Графин сделал из желтой изоляционной оболочки тонкого провода.

Потом начал работы во дворе.

Плетень. Взял деревянную подставку, на которой должен был установить домик, близ краев наколот шилом ямки. Нарезал маленьких палочек — стойки. Смазал их концы клеем, вставил в углубления. Прутики настрогал из бамбука — тонюсенькие, чуть потолще волоса. Переплел стойки этими прутиками.

Поленицу склеил из кусочков спичек.

Топор. Топорище сделал из спички, придал ему форму, постепенно обтачивая надфилем и тонкой наждачной бумагой. Сам топор получился из фольги. Укрепил полено с топором во дворе перед поленицей.

...Вот и вышла из ореха игрушечная избушка! И все в ней — чин чинарем, как в настоящей. Живи, Муха!

Сложно?.. Да, не так-то просто, и не каждому удастся. А попробовать стоит. И если хоть часть получится — никогда уже не забыть поделку, и всю жизнь руки будут искать эту работу, на радость и неизбежное, вечное удивление себе и людям...

Сто пятьдесят лет тому назад, 29 января (10 февраля по старому стилю) 1837 года, перестало биться сердце гениального русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Но пуля Дантеса оказалась не все-сильна, она не могла убить поэзию. И Пушкин жив в наших сердцах, он — в памяти, в любви человечества.

Пятьдесят лет назад, когда отмечалось столетие со дня смерти Александра Сергеевича, в Армении были написаны стихи, помещаемые ниже. И если нет необходимости писать о том, кем был и кем стал для нас наш Пушкин, то об авторе этих стихов надо сказать несколько слов.

Эти стихи написаны великим армянским поэтом-коммунистом, бойцом Красной Армии в годы гражданской войны, реформатором армянской поэзии, пламенным певцом Октябрьской революции — Егише Чаренцем. Чаренц — псевдоним поэта. В переводе с армянского слово ЧАРЕНЦ означает НЕПОКОРЕННЫЙ. Жизнь его трагически оборвалась пятьдесят лет назад, в тот самый год, когда он написал эти стихи, посвященные памяти Пушкина. Он умер молодым, ему было тогда всего 40 лет.

Прошло 47 долгих лет, прежде чем эти стихи Чаренца были напечатаны в Армении. Сегодня они впервые публикуются в русском переводе. Пусть они живут и звучат, утверждая бессмертие и братство поэтов, утверждая бессмертие светлой мысли и высокого слова.

Егише ЧАРЕНЦ

* * *

О, Александр, пламенный поэт,
Сто лет уже над миром пролетели
Со дня твоей трагической дуэли.
Но ты, как прежде, излучаешь свет.
Светило вдохновения сияет,
Лучи его по-прежнему горят,
Оно в зените целый век подряд
И никогда заката не узнает.
И лира те же звуки издает...
И ты то нежен, то игрив, то грозен,
То весел, то печален и серьезен...
Такой, как был, столетье напролет.
И нашим дням известна горечь рац,
Как дням твоим, и дым, и свист картечи...
Гремит штормами грозный, человеческий,
Волнующийся вечно океан.

1937 год

Перевод Марка Рыжкова

Происходят от «мужа честна» Индриса...

Валентин
ШУМОВ

Согласно преданию, в 1353 году «из немец» выехал в Чернигов «муж честен» Индрис с двумя сыновьями и дружиной. В Чернигове он получил крещение и христианское имя Леонтий. Его правнук Андрей переехал из Чернигова в Москву. Надо полагать, он был человеком солидной комплекции и поэтому получил от великого князя Василия Темного прозвище Толстой. От него и начался род графов Толстых, к которому принадлежали великий русский писатель Лев Николаевич, а также писатели Алексей Константинович и Алексей Николаевич Толстые.

Часто фамилии давались от прозвища, а прозвища бывали меткими, они отражали характер или внешность человека.

Несомненно, родоначальник Николая Михайловича Карамзина был человеком смуглым, чернявым, так как в старину таких называли карамазыми, от татарского «кара» — черный.

Родственными по происхождению оказались фамилии Ивана Алексеевича Бунина и автора четырехтомной эпопеи «Гулящие люди» Алексея Павловича Чапыгина. «Буня» — значит, спесивый, чванливый. То же самое в некоторых губерниях означало слово чапыжиться.

Автор известного романа «Мастер и Маргарита» Михаил Афанасьевич Булгаков, возможно, и не знал, что «булгак» означает беспокойный. Сам он был человеком интеллигентным и уравновешенным.

Мало приятного, думается, доставило писателю-сибиряку Сергею Павловичу Залыгину узнавание основы его фамилии. Как разъясняет В. И. Даль, «залыга, залыгала» — лгун, врун. Видно, кто-то из предков писателя имел такую слабость или подозревался в ней.

Интересно было бы разгадать происхождение фамилии Василия Макаровича Шукшина. Есть у Даля такое: «шпукать» — шептать. Может быть, предок писателя отличался слабым голосом, говорил тихо или имел такой физический недостаток — пришептывал? Отсюда могло родиться прозвище, перешедшее в фамилию.

Более определенно можно говорить о появлении фамилии советского писателя Юрия Марковича Нагибина. Нагибой на Дону, откуда ведется род писателя, называли сутулого человека.

Есть фамилии профессионально-должностного происхождения. Скажем, не требуется большой прозорливости, чтобы определить, что предки Дмитрия Ивановича Писарева и Алексея Феофилактовича Писемского явно занимались конторским трудом. Сын мелкого чиновника Александр Иванович Куприн имел в родстве специалиста по изготовлению бочонков. В. И. Даль подсказывает: «купор» — бочар, бондарь, кадочник. Выходит, с Куприным в «родстве» по происхождению фамилий советский писатель Юрий Бондарев.

Нынче вряд ли кто сумеет без словаря Даля расшифровать значенные слова прищва. Оказывается, так назывался передний вал на ручном ткацком станке, служащий для укрепления основы и намотки новины, холста. Прищвой также в некоторых губерниях называли головки к сапогам, притачки у одежды. Узнав это, становится понятнее появление фамилии Михаила Михайловича Пришвина.

В советской литературе известно несколько писателей Новиковых, в том числе — Алексей Силевич Новиков-Прибой. Откуда пошла эта фамилия? В царской России новиком называли новичка, пришедшего в армию (новобранца), а также в какое-либо присутственное место на конторскую должность, или новопоселенца в селе, деревне. Кстати, отец Новикова-Прибоя был из кантонистов николаевского времени, прослужил в армии 25 лет. При зачислении подростка в число армейских воспитанников (кантонистов) и дали ему фамилию.

Антропонимия различает также календарные фамилии, то есть свя-

занные с мужскими или женскими именами согласно христианским святцам. Таких фамилий множество, к примеру — Леонид Андреев, Денис Давыдов, Александр Фадеев, Константин Федин, Николай Тихонов. Несколько сложнее дознаться до корней фамилии поэта Николая Асеева (от имени Евсевий) и Федора Панферова (явно искаженное от Парфена).

В Рязанской губернии осенняя пора называлась есенью. Зная это, нетрудно догадаться о происхождении фамилии Есенин.

Увлекательное путешествие в тайны антропонимии можно продолжать и дальше. Узнав происхождение фамилий, мы словно ближе знакомимся с теми, чьи книги нередко держим в руках.

«И дым отечества...»

Борис
ЗЕЛИЧЕНКО

В 1980 году на Свердловской киностудии был создан художественный фильм «Дым отечества». Картина рассказывала о жизни Михайло Ломоносова.

— Нельзя так называть фильм, — говорили некоторые кинематографисты. — Когда жил великий русский ученый, тогда еще не было Грибоедова. А как известно, это Чацкий произнес: «И дым отечества нам сладок и приятен...»

Но оказывается, еще у Г. Державина есть такие строчки:

Мила нам добра весть
о нашей стороне:
Отечества и дым
нам сладок и приятен.

Более того, еще в 1794 году выходил журнал «Российский магазин». Так вот, на заглавном листе этого журнала было написано: «И дым отечественный сладок». А слова эти взяты из «Понтийских посланий» Овидия. Звучат они примерно так: «Кажется, повелитель Итаки Одиссей был не глуп, а все-таки жаждет возможности узреть дым отечественных очагов. Родная земля влечет к себе пленительной сладостью и не дает о себе забыть».

Значит, мы уже добрались до Гомера, до хитроумного Одиссея. Вот оттуда и берут свое начало знаменитые строчки.

КАСЛИНСКИЙ ПАВИЛЬОН: третье рождение

Олег ГУБКИН

«Всемирно известный», «знаменитый», «шедевр декоративно-прикладного искусства», «символ непревзойденного мастерства уральских умельцев», «уральское чудо» — эти и многие другие восторженные эпитеты непременно присутствуют в описаниях каслинского чугунного павильона. В мировой практике музейного дела такой памятник специалисты определяют одним словом — раритет, что означает — исключительно редкая, уникальная, ценная вещь.

Судьба павильона тесно связана с Каслинским чугуноплавильным и железоделательным заводом, выпускающим со второй четверти XIX века художественное литье. И хотя каслинцы освоили его позже других уральских заводов, их продукция пользовалась наибольшей известностью и популярностью. Изделия Каслинского завода отличались высоким мастерством исполнения и художественными достоинствами. Основой успеха были: высокое качество чугуна, выплавляемого на древесном угле, великолепные природные формовочные пески и совместная творческая работа плеяды талантливых скульпторов, формовщиков, чеканщиков и мастеров по окраске художественных отливок.

Год от года росла слава каслинского художественного литья, а с ней и всего Кыштымского горного округа, куда входил завод. К началу XX века Кыштымские горные заводы накопили большой опыт участия во всемирных и международных промышленных выставках и ярмарках, на которых продукция Каслинского завода неизменно удостоивалась высших наград. Вот далеко не полный перечень некоторых из них: Малая золотая медаль Вольно-Экономического общества (1860 г.), Малая серебряная медаль Мануфактурной выставки в С.-Петербурге (1861 г.), Большая серебряная медаль Всемирной выставки в Париже (1867 г.), Большая золотая медаль Политехнической выставки в Москве (1872 г.), Большая золотая медаль Всемирной выставки в Вене (1873 г.), бронзовая медаль выставки в Филадельфии (США, 1876 г.), Почетный диплом и бронзовая медаль Всемирной выставки в Копенгагене (1893 г.), золотая медаль Международной выставки в Стокгольме (1897 г.) и т. д.

Множество престижных дипломов и медалей, широкая реклама и восторженные отзывы в отечественной и зарубежной печати создали каслымским заводам славу преуспевающего предприятия, за лакированным фасадом которого ловко скрывалось от посторонних глаз истинное состояние дел. В конце XIX века здесь царил полукрепостнические отношения, а техника чугуноплавильного и железоделательного производства стояла на уровне начала века. Так, например, если в Европе пять тонн чугуна превращались в железо при бессемеровском способе за 20 минут, то в Каслях при пудлинговании — за полтора дня, а при кричном способе — за полторы недели.

Владельцы Кыштымского горного округа — Меллер-Закомельские, Дружинины, Зотовы и другие многочисленные наследники Льва Расторгуева, проживавшие в Петербурге и за границей, денег на реконструкцию производства не давали, их интересовала только прибыль. Поэтому у управляющего Кыштымскими заводами П. М. Карпинского был один выход: всячески содействовать развитию художественного чугунного литья, чаще показывать товар лицом на всевозможных выставках и ярмарках. Только это помогало найти новые рынки сбыта, привлечь необходимые капиталы для частичной замены давно устаревшего оборудования.

Большие надежды возлагались на приближавшуюся Всемирную Парижскую выставку 1900 года. Первоначально планировалось представить там продукцию Кыштымского горного округа в хорошо себя зарекомендовавшем нижегородском чугунном павильоне. Но повторное его использование оказалось невозможным, так как павильон занимал площадь в двадцать квадратных сажен, что составляло пятую часть территории, отведенной в Париже под экспозицию всех уральских горных заводов.

В 1896 году на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Повгороде Кыштымские горные заводы демонстрировали свою продукцию в чугунном павильоне, отлитом в Каслинском заводе по проекту архитектора Александра Ивановича Широкова. Это был первый опыт создания выставочного чугунного павильона — своеобразной витрины, внутри и вокруг которой располагались лучшие образцы каслинского художественного литья. До нас дошли лишь две фотографии нижегородского павильона. Зная высоту стоящей у входа известной скульптуры Ф. Ф. Каменского «Девушка, выжимающая подош платя» («Девочка-грибница»), легко вычислить размеры павильона: общая длина — более 10 метров, высота с ажурной решеткой — 5,8 метра, а с учетом штандарта — около 9 метров.

Ограничение экспозиционной площади на предстоящей выставке и стало одной из причин создания нового павильона меньшего масштаба и совершенно иной формы. Владельцы Кыштымских заводов задумали удивить мир «чугуном», а заодно и поправить свои финансовые дела.

Проект нового павильона заказали архитектору Евгению Евгеньевичу Баумгартену. В 1898 году он присылает в Касли чертежи и рисунки павильона-дворца, к работе над которым привлекаются лучшие мастера.

Модельщики первой руки Кузьма Дмитриевич Тарасов и Дмитрий Ильич Широков переносили рисунки на дерево, вырезали по ним модели и с ювелирной точностью их обрабатывали. По деревянным рабочим отли-

вали бронзовые модели, которые хорошо сохранялись при многократных формовках и позволяли достичь большей чистоты поверхности. Бронзовые модели дополнительно прорабатывали опытные чеканщики Федор Осипович Глухов, Михаил Максимович Малов, Михаил Васильевич Ахлюстин, Петр Иванович Козлов и Николай Мягков. От них модели переходили в руки искусных формовщиков, владевших всеми секретами приготовления формовочных песков и смесей, сложнейшими приемами художественного литья. Каслинские формовщики сами формовали, заливали, выбивали и чистили свои изделия, являясь, по традиции, первоклассными литейщиками. В их руках грубый чугун оживал, принимая художественные формы.

Многие детали каслинского павильона сохранили на оборотной стороне личное клеймо — первые буквы имени и фамилии формовщика. Пятнадцать мастеров оставили свои «автографы» на чугунных рельефах: П. Тепляков, Г. Тепляков, Н. Тепляков, А. Мочалин, В. Агеев, С. Агеев, Ф. Самойлин, П. Самойлин, А. Торокин, М. Игнатов, В. Тимофеев, С. Хорoshенин, И. Захаров, Г. Пермия и П. Рязанцев. Их имена достойны уважения. (Список формовщиков, работавших над созданием павильона, составлен мягко по материалам исследования клейм сохранившихся деталей и публикуется впервые).

В течение 1899 года они отлили около пяти тысяч деталей «чугунного дворца». Именно эта дата стоит почти на всех сохранившихся рельефах. От формовщиков чугунные детали павильона вновь переходили к чеканщикам, наносившим последние штрихи.

Осенью 1899 года каслинский павильон был предварительно собран на деревянном каркасе. Мастера тщательно подогнали все детали, определили места их крепления к каркасу, исправили мелкие недоработки. Одновременно совершенствовалась и конструкция деревянного каркаса: он становился все легче и проще, но неизменным оставалось его главное достоинство — прочность. Мастер по окраске художественного литья Дмитрий Илларионович Новгородцев произвел окраску всех деталей павильона «вахромеевской» сажей и бронзирование фонов некоторых рельефов. Трудность заключалась в том, чтобы соблюсти не только цвет, но и единый оттенок, выдержать красивый матовый тон, органически слитый с чугунными рельефами.

Окрашенные детали павильона аккуратно упаковали в ящики и отправили в Париж. Вместе с ними в столицу Франции поехали и каслинские умельцы: модельщики и чеканщики, формовщики и литейщики, плотники и глиномесы, без которых привезенный в Париж павильон остался бы лежать в ящиках — его никто не смог бы собрать.

В Каслинском музее художественного литья есть фотография двадцати пяти мастеров, направляющихся на Парижскую выставку, сделанная в 1900 году во время краткой остановки в г. Сарапуле. Все, без исключения, и бородатые и безусые мастеровые одеты в новые шубы с бобровыми и каракулевыми воротниками и такие же шапки и папахи. Перед отъездом хозяева заводов приодели лучших своих работников. Им сшили костюмы из черного пиджака, выдали новые сапоги.

Исследователям еще предстоит определить, кто запечатлен на этой фотографии. Архивные документы и опубликованные воспоминания очевидцев свидетельствуют, что в Париж были посланы: Тарасов К. Д., Широков Д. И., Рязанцев П. В., Ахлюстин М. В., Ахлюстин Д. И., Малов М. М., Захаров И. А. и Мягков Н. Фамилии остальных нам не известны.

В Париж везли не только павильон и образцы продукции, но и все необходимое для отливки любой детали, сломавшейся в пути: древесный уголь, чугун в слит-

ках, формовочные пески, чеканы и прочее. Не забыли даже двух юнцов-глиномесов для подготовки формовочной смеси.

Многолюдный, сверкающий Париж поразил каслинцев широтой и размахом Всемирной выставки, вошедшей в историю под названием «выставки века». Около полусотни выставочных комплексов были заполнены разнообразными диковинами из многих стран мира.

Каслинский чугунный павильон собрали в здании отдела горного дела и металлургии.

С утра до вечера, с первого и до последнего дня работы выставки возле павильона кружились многоязычный поток нарядных посетителей, восхищенно, а порой и недоверчиво-пристрастно изучающих «уральское чудо» и его «вначинку». Он стал сенсацией Всемирной выставки. Не случайно ему была присуждена высшая награда по 65-му разделу (металлические изделия) — хрустальный Гран-при и Большая золотая медаль.

Ажурная громада павильона напоминала сказочный дворец, стены которого словно сотканы из причудливых узоров чугунных кружев, замысловатых рельефов. Изображения фантастических драконов и необыкновенных рыб, мудрых сов и зорких ястребов, вещей птиц и быстрых кораблей будоражили воображение. Три парадно оформленных входа манили в лабиринт художественной скульптуры: павильон был насыщен всевозможными статуэтками, полочками, подсвечниками, пенальницами...

Любопытной публике каслинские мастера представляли лучшие свои изделия: легкие тонкостенные чугунки и ажурные вазы, изящные статуэтки и линейку, сгибающуюся лучше стальной, цепочки для карманных часов и литые портсигары, ходившие в Париже по цене равных им по весу серебряных. Трудно было поверить, что все это отлито из обычного чугуна.

Не меньший интерес вызывали и сами уральские мастера — широкоплечие бородачи в прямых картузах, длинных черных кафтанах и брюках, заправленных в сапоги. Как не похожи они на парижскую бегемоту!

За свое искусство и поездку в Париж все каслинские мастера получили в награду именные серебряные часы.

Среди многочисленных важных гостей посетил павильон и президент Франции. Хитрые каслинцы тут же выставили на первый план отлитые в чугуне специально для Парижской выставки произведения французских скульпторов: «Марию-Антуанетту» Буреля, «Жанну д'Арк» Маро, бюсты Карно, Гревя, Фора, Тьера, Наполеона и другие. Но президенту вдруг приглянулось ажурное уральское блюдо — красивое, легкое, тончайшей работы. Похвалил он его и с сожалением вздохнул: «Если такая красота упадет случайно на пол, то обязательно разобьется». Мастер, стоявший рядом, не робел — бросил тарелку ребром об пол, а у самого сердца замерло... Покатилась она, подпрыгнула, а не разбилась. Крепка оказалась заводская «марка».

Как и на предыдущих выставках, в павильоне заключались торговые сделки. Любая вещь продавалась, к услугам покупателей имелись иллюстрированные каталоги художественного литья на русском и французском языках. Каждый покупатель получал в подарок ювелирной работы брелок из чугуна: рыбку, кабана, бычка, слоника и другие — на выбор. Нашелся покупатель и на павильон. Он предлагал баснословную, по тем временам, цену, но хотел приобрести павильон вместе со всем, что выставлено вокруг и внутри него. Представители завода соглашались отдать все, кроме скульптуры Н. А. Лаврецкого «Россия», стоявшей у входа и символизировавшей собой русскую державу. Торг был долгим, а ответ один: «Россия» не продается!» Сделка не состоялась и, по закрытии выставки, павильон был отправлен обратно на Урал, в Касли.

Многие годы ящики так и не распаковывались — вплоть до конца гражданской войны они пролежали в подвале дома управляющего заводами. Вспомнили о павильоне в 1922 году.

...В стране была разруха, окрестные заводы стояли: не хватало продовольствия, топлива, сырья. Лишь на Каслинском заводе точили зажигалки, выпускали чугунные горшки и сковородки, охажные плиты и печные заслонки. В это трудное время человеком, случайно оказавшимся за директорским столом, был отдан приказ — отправить в переплавку Парижский павильон. Ящики с деталями, словно чугунный лом, повезли в вагранку.

Старые мастера встали на защиту своего детища, но убедить директора им не удалось. «Все это нужно было буржуазии, а нам ни к чему подобная роскошь!» — ответил он. Тогда рабочие обратились с письмом в Екатеринбургскую партийную организацию. Оттуда тотчас пришел ответ: «Прекратить переплавку чугунного павильона. Отослать его в краеведческий музей». В тот же день стараниями каслинских мастеров большая часть спасенного павильона была отправлена в Екатеринбург.

Позднее в печати появилась расхожая версия о якобы «сваленных на заводском дворе» деталях павильона, «десятилетиями ржавеющих под снегом и дождем», «растаскиваемых по дворам». Эта байка, до сих пор популярная у пишущей братии, стыдливо скрывала истинных виновников уничтожения одной трети чугунного павильона.

В 1927 году в Свердловском областном краеведческом музее был открыт отдел, посвященный уральскому художественному литью. Он разместился в небольшом холодном помещении бывшей домашней церкви горнозаводского техникума. Здесь и была выставлена коллекция литья Каслинского завода, в том числе и Парижский павильон. Для первого (частичного) восстановления павильона сотрудники музея пригласили одного из его создателей опытного мастера К. Д. Тарасова. С его помощью в бывшей алтарной части церкви собрали один из боковых фасадов выставочного павильона. Вдоль стен расположили камин, решетки, садовую мебель и полки с кабинетными вещами. Над ними украсили ажурные рельефы из того же павильона, медали и другие крупные отливки.

Эта первая после Великой Октябрьской социалистической революции выставка каслинского художественного литья и павильона работала несколько лет и пользовалась большим успехом у свердловчан и гостей города. (См.: Пешкова И. М. Искусство каслинских мастеров. — Челябинск, Южно-Урал. кн. изд-во, 1983 г.)

В 1936 году каслинский чугунный павильон вместе со всей художественной коллекцией краеведческого музея был передан вновь созданной Свердловской картинной галерее. Сотрудники галереи неоднократно пытались собрать павильон. Старший научный сотрудник галереи Борис Васильевич Павловский провел большую подготовительную работу по восстановлению павильона. Он изучил сотни архивных дел, документов, печатных изданий, отыскал старые фотографии и описания павильона, неоднократно ездил на завод и беседовал с каслинскими мастерами. Именно Б. В. Павловскому принадлежит приоритет в популяризации каслинского павильона и уральского художественного литья. Широко известны его печатные труды, посвященные искусству каслинских мастеров.

В 1949 году по приглашению галереи из Каслей приехали многоопытные, высококвалифицированные специалисты — начальник отделения художественного литья С. М. Гилев и мастер-чеканщик А. Д. Блинов. Они кропотливо рассортировали уцелевшие детали, скомпонова-

ли из них целые фрагменты павильона и определили объем реставрационных работ. Выяснилось, что не хватает около сорока процентов деталей, а их восстановление потребует больших материальных средств и длительного подготовительного периода, так как на заводе не сохранилось ни рисунков, ни рабочих чертежей, ни деревянных моделей.

И вновь на помощь чугунному павильону пришли партийные и советские организации Свердловска. При их поддержке и активном участии на восстановление павильона было выделено 355 тысяч рублей.

Работы по возрождению павильона начались 23 апреля 1957 года. Из картинной галереи на Каслинский машиностроительный завод привезли 44 ящика с сохранившимися деталями. По этим деталям и старым парижским фотографиям каслинские мастера воссоздали модели всех утраченных рельефов. В общей сложности формовщики Дунаев П. М., Чиркин В. М., Савинов В. И., Рязанцев В. И., Захаров С. А. и Паниковская Т. заформовали и отлили 2024 различных детали. (См.: Гилев С. М. Чугунный павильон восстановлен. — «Красное знамя», 5 января 1958 г.)

Наибольшую трудность представляло воссоздание деталей, не имеющих аналога среди сохранившихся в галерее. Так, при изготовлении фирменных вывесок на французском языке, филипов, двуглавых орлов, некоторых орнаментов и профилей были использованы не только фотоснимки 1900 года, но и различный дополнительный иконографический материал.

Передко приходилось переделывать уже выполненную работу. Например, из-за нечеткости фотографии не удалось сразу определить характер рисунка угловых колонн. Их собирали как четырехугольные, потом как шестиугольные и лишь после долгих поисков восстановили первоначальную форму восьмиугольника.

Все новые отливки обязательно прочекаивались. Опытные чеканщики Блинов А. Д., Овчинников В. Ф., Широков И. А., Двойников Г. А. и Лумпов А. И. стремились проработать детали так, чтобы они ничем не отличались от побывавших в Париже. Мастер по окраске художественного литья Столбиков А. А. воспроизвел традиционную для павильона окраску, выдержав единый оттенок в старых и новых отливках.

Около восьми месяцев двадцать мастеров под руководством начальника отделения художественного литья Семена Михайловича Гилева упорно работали над восстановлением деталей павильона и предварительной сборкой его на деревянном каркасе. Эксперты пришли к заключению, что работа «признается отличной и полностью соответствует имеющимся фотоснимкам и техническим условиям на художественное литье».

На основании сохранившихся документов и воспоминаний старых каслинских мастеров был точно подобран бархат: золотисто-желтый — для подкладки под ажурные детали и драпировок над входами, гранатово-красный — для внутренней драпировки стен, балдахина над главным входом и штор в дверных проемах.

3 мая 1958 года состоялось торжественное открытие чугунного павильона, возрожденного умельцами из Каслей. «Чугунное чудо» во всем своем великолепии вновь предстало перед восхищенными зрителями, пленяя всех своей ажурностью, изяществом, красотой. Началась его вторая, размеренная жизнь музейного экспоната.

Как и на выставке в Париже, рядом с павильоном заняла свое место, после необходимой реставрации, еще одна «жемчужина» каслинского литья — скульптура Н. А. Лаверецкого «Россия». Ранее утерянные меч, корона, скипетр и держава заново были отлиты в 1958 году на Каслинском заводе формовщиком В. И. Савиновым.

Внутри и вокруг павильона, на подиумах, подстав-

как и в витринах разместилась коллекция художественного литья: большие и малые статуи, фигурки, полочки, подсвечники, пепельницы и многое другое, что входило в заводской каталог.

Несмотря на то, что павильон был установлен в самом просторном зале, посетители могли обозреть его лишь с двух сторон и не всегда имели возможность кругового обхода. Кроме того, высота зала не позволила восстановить штандарты с эмблемой Кыштымского горного округа и декоративную гирлянду, как было ранее в Париже. Наоборот, пришлось урезать ажурные навешные, упиравшиеся в потолочную балку. Но даже в таком виде каслинский павильон почти тридцать лет восхищал любителей искусства сказочными рельефами и неповторимыми чугунными кружевами.

В 1985 году картинная галерея была реорганизована в Музей изобразительных искусств, которому дополнительно передали одно из старейших зданий Свердловска. Сюда, в «новое» здание музея, расположенное в Историческом сквере по переулку Восводина, 5, было решено перенести, вместе со всей художественной коллекцией русского и западноевропейского искусства, и каслинский чугунный павильон.

Работы по его переносу и одновременной реставрации выполняла небольшая бригада специалистов свердловского зонального отделения «Росмонументискусства», в которую вошли: Ю. П. Сакнынь — руководитель бригады, преподаватель свердловского художественного училища; В. П. Сакнынь — преподаватель Свердловского архитектурного института, искусствовед; А. Л. Никифоров — специалист по металлообработке, слесарь-монтажник высшей квалификации; О. П. Губкин — заведующий сектором декоративно-прикладного искусства музея, искусствовед. Консультировали бригаду реставраторов член-корреспондент Академии художеств СССР, доктор искусствоведения, профессор Уральского государственного университета Б. В. Павловский и старший скульптор цеха художественного литья Каслинского завода А. С. Гилев — сын С. М. Гилева, под руководством которого павильон был возрожден в 1958 году. Реставраторы должны были не просто механически перевести павильон в новое здание, но и максимально приблизить его облик к дням Парижской выставки. Каслинские мастера взяли заново изготовить урезанные в 1958 году детали ажурного навешия и воссоздать по старым фотографиям и одной сохранившейся в музее детали два штандарта с эмблемой Кыштымских горных заводов.

1 февраля 1986 года реставраторы приступили к работе: сняли бархатную обивку внутри павильона, вскрыли его деревянную обшивку и обнажили каркас. Только теперь до конца проявилась конструкция сооружения. Весь павильон собран на деревянном каркасе. Основные композиционные узлы смонтированы на деревянных рамах и образуют три яруса автономных блоков, крепящихся к каркасу павильона с помощью болтов и гвоздей. Несущие конструкции усилены металлическими уголками и швеллерами.

Еще до начала работ много горячих споров вызвали различные варианты переноса павильона. Сначала предлагалось расчленив его по углам на четыре большие части и в таком виде перевезти на новое место, где все четыре стены снова собрать в единое целое — и павильон готов! Кое-кто предложил вообще не разбирать его, а перевезти целиком, как перевозят дома или негабаритные грузы. В обоих случаях надо лишь «слегка разобрать» капитальную полутораметровую стену картинной галереи и стеклянный витраж музея, а остальное — дело техники. Выбран был наиболее оптимальный, технологичный и научно обоснованный вариант, исключающий всякие случайности и риск повреждения хрупких

деталей. Павильон разобрали до основания на шестнадцать крупных блоков, несколько десятков малых узлов и множество мелких деталей.

Специально для каслинского павильона в центре самого большого зала Музея изобразительных искусств, еще при реконструкции здания в 1985 году, был сооружен гранитный подиум, способный выдержать нагрузку в несколько десятков тонн. На этом подиуме реставраторы сколотили деревянный настил, привернули к нему чугунные плиты пола и далее вели все монтажные работы в обратном порядке: устанавливали порталы, собирали каркас, выверяли его углы и т. д. На руках поднимались и устанавливались на свои места блоки с рельефами и отдельные детали общим весом более пяти тонн.

Параллельно с монтажом павильона производилась полная замена бархата под всеми сквозными рельефами.

Павильон загадал много загадок. Иногда вся бригада «ломала» голову: как подступиться к тому или иному узлу, блоку, добраться до ключевой детали, которая держит дальнейший ход демонтажа, или что монтировать раньше, что потом, чтобы собрать детали в надежный «замок»?

Во время реставрации научным сотрудникам музея предоставлялась уникальная возможность всестороннего изучения каслинского чугунного павильона. Каждая снятая деталь тщательно обмерялась, фотографировалась, выявлялась степень ее сохранности. По клеймам формовщиков устанавливалось авторство и время создания рельефов, на многие детали составлялись научные паспорта.

9 июня 1986 года состоялось торжественное открытие каслинского чугунного павильона. По существу, это было третье его рождение. Как птица Феникс, павильон вновь возродился из небытия, стал еще лучше.

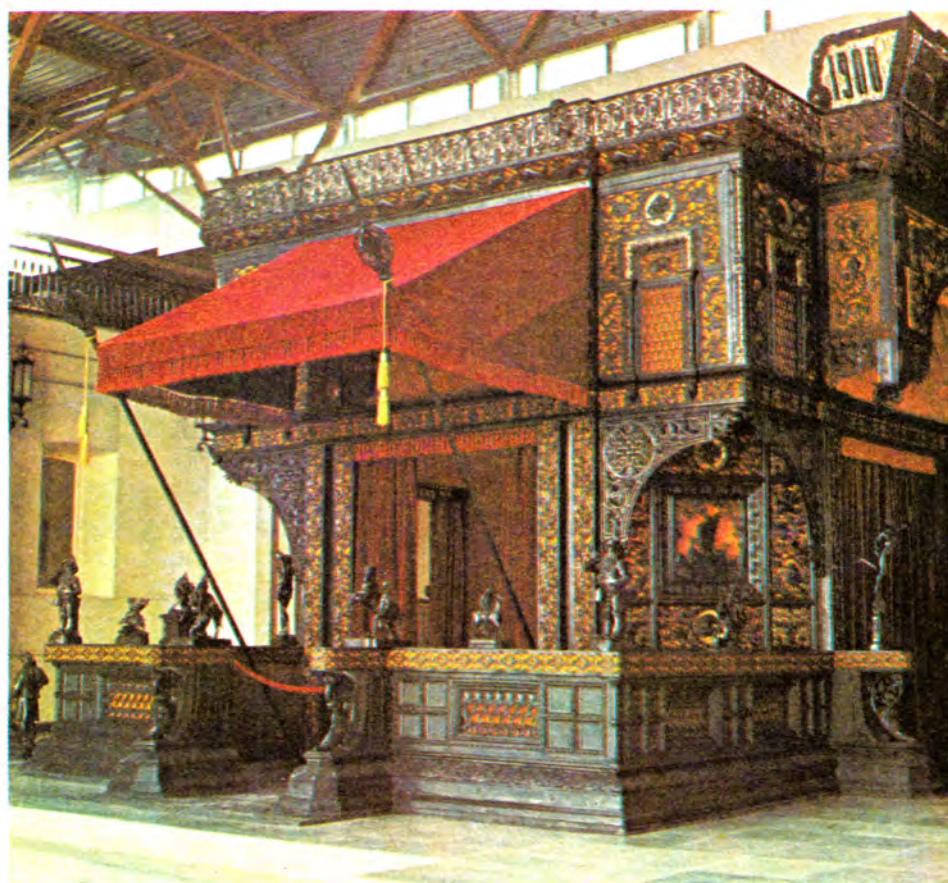
Сейчас идет второй этап реставрационных работ, скрытых от посторонних глаз (реставраторы работают лишь после закрытия музея). В июле 1986 года на Каслинском заводе были восстановлены все детали ажурного навешия павильона (с цифрами «1900») и штандарты с эмблемой завода. Скульптор А. С. Гилев по фотографиям и нескольким сохранившимся деталям изготовил в пластине, а затем в гипсе все модели штандартов. По его моделям формовщик Г. К. Овчинников отлил алюминиевые модели, а модельщики В. М. Прякин и П. И. Ласьков их прочеканили и обработали. После этого Г. К. Овчинников и Б. А. Быков отлили детали штандартов в чугуне, а чеканщики В. В. Кузнецов и А. Ф. Просвирнин их окончательно проработали. Мастер по окраске художественного литья Н. П. Агафонов покрасил штандарты специальным красочным покрытием, приготовленным маляром Б. А. Козловым (он же готовил часть шпаклевки для павильона). В начале августа все детали навешия и штандарты были установлены реставраторами на свои места.

В ближайшее время предстоит расшить золотым орнаментом с эмблемой завода красный бархатный балдахин над главным входом, а также покрыть сусальным золотом все ранее бронзированные рельефы. Объемная золотая вышивка и золочение деталей — очень трудоемкие и дорогостоящие работы — еще более приближат художественный образ павильона к оригиналу.

Каслинский павильон — главный, но не единственный экспонат богатейшей коллекции уральского художественного литья в собрании Свердловского музея изобразительных искусств. Вокруг павильона в двадцати четырех витринах выставлено около 400 экспонатов каслинского художественного литья, по которым можно проследить всю историю развития этого уникального вида декоративно-прикладного искусства.

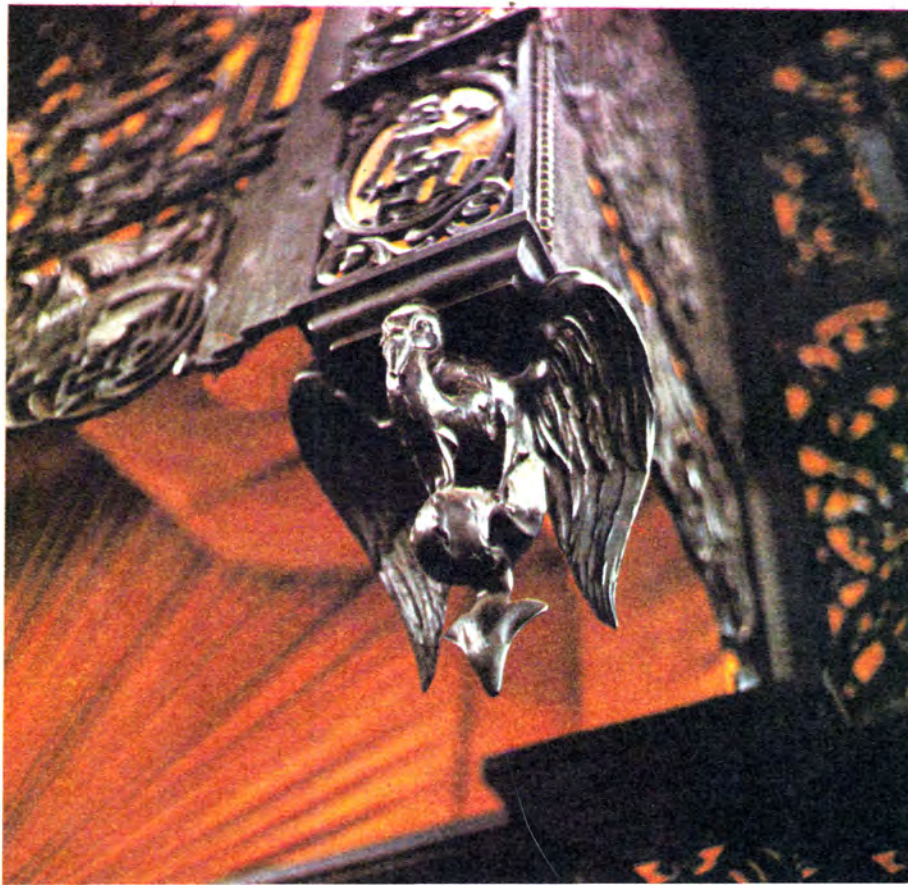
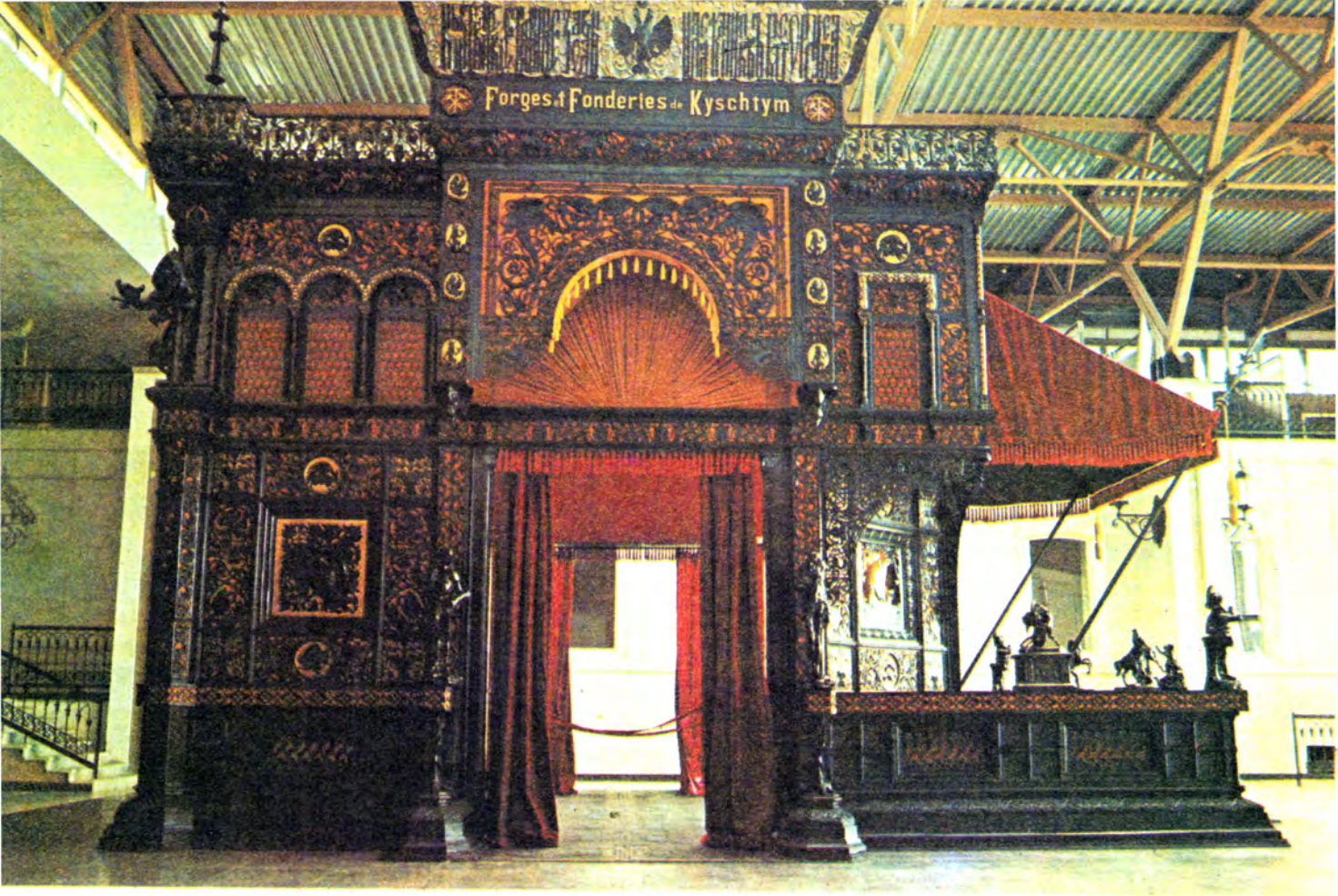
Создатели павильона — рабочие Каслинского завода.

КАСЛИНСКИЙ ПАВИЛЬОН:
третье рождение

Владимир КАРПОВ
Рисунки Евгения Охотникова

ТЕПЛОЕ ОЗЕРО

Одних нас бы не отпустили. А нам страшно хотелось! Все знакомые ребята на Иссык-Куле бывали. Рассказывали, вода там на двадцатиметровой глубине — дно просматривается. Солнце — пятнадцать минут, и черный! Берегов не видно — море!

Мы же с Вовкой Пономаревым были приезжими — наши семьи перекочевали в Киргизию из Сибири в конце прошлого лета. Новенькие в классе, сдружались так, что нас постоянно путали. «Пономарев, к доске», — говорила учительница и указывала на меня. Хотя я широкоскулый, курносый, а Пономарев узколиц, нос прямой и тонкий, щеки впалые и чуть выдвинута челюсть. Правда, имена одинаковые. Обличье: модные тогда брюки со складками и блестящими пуговицами на клешах, патлатость... Мы сразу стали поддерживать марку людей бывалых.

Нам было по пятнадцать, мне даже неполных. Мы только что сдали экзамены и получили первый в жизни взрослый документ — свидетельство о восьмилетнем образовании!

За минувший год мы почти догнали своих отцов в росте. Почувствовали силенку в теле — тем более что не на шутку тренировались. Нас не переставали радовать одинаково ясные южные денки. Никаких туч, проливных дождей и слякоти! Поморосит иногда, но солнце не прячется! А надо полить огород — арыки по кромкам улиц вдоль заборов. Отвел рукав на свой участок — поползла по корням прохладная мутная вода. Мы еще не знали, как ясность переходит в обморочный зной, когда жухнут и оседают покрытые толстым слоем пыли листья... Это было наше первое жаркое лето. Взрослость нам стучала в виски!

Мы с легкой душой соврали своим родителям, будто едем на Иссык-Куль со спортивной секцией. Деньги для убедительности не просили — бесплатно, мол. Государство заботится о перспективных спортсменах!

Но деньги-то были нужны. Однако проблемой это мы не считали. О чем речь? Да мы! На саманах за неделю сотню, только так!

Как делают саманы — мы видели. Знали: тысяча саманов стоит двадцать рублей. Слышали, другие обычно тысячу за день и считают нормой. Мы же решили поднапрячься, с утра до ночи, кровь из носу — делать по полторы тысячи. Три дня — и на Иссык-Куле! «У си-инего мо-оря...»

Затеей своей мы поделились с Алешкой — Алимханом, если по-настоящему. Алешка больше всего на свете любил «пеля». Потехи ради парни на улице часто просили его «пеля». И долгое время он не видел в том подвоха — улыбался, польщенный, и пел... Он, как и мы, был человеком новым. Приехал с матерью и многочисленными младшими братьями, сестрами. Отец его умер, и семью, по обычаю, взял на содержание брат отца, перевез к себе. Двоюродные братья от Алешки отмахивались, почитая его если не придурком, то ничемным. Были они щеголями. Связываться с ними, поднаторевшими саманщиками, нам не хотелось — сами с усами! Однако братья за дело вовсе уж без человека сведущего тоже побаивались.

Алешка сразу согласился войти в пай, заверил, что он «делил много-много», а братья «делил маля-маля».

Хозяйка, к которой мы пришли подряжаться саманить, как-то доверительно стала нам жаловаться, что наняла одних горе-саманщиков, те ковырялись-ковырялись, сделали маленько и бросили, а лето идет, надо строить... У вас-то, мол, есть навык? Мы с Вовкой внимательно посмотрели друг на друга, будто бы спрашивали — есть у тебя? Но мы были не одни. Алешка говорил плохо, но с большой верой. И чем коверканнее выходили слова, тем убедительнее.

Подрядились на восемь тысяч саманов, харч, как водится, свой.

Хорошо — готова яма для замеса. Не придется рубить чекменями и снимать верхний сухой слой каменистой почвы. Так рассуждали, сидя на бумажниках возле этой ямы, Вовка Пономарев и я.

Мы не приступили к работе на рассвете, как собирались. Оба проспали. Алешка же до сих пор не появлялся. Ходили к его дому, свистели — выгля-

дывала чумазая пацанва, ничего не отвечая, пряталась. Без Алешки замес делать не решались.

Солнце пекло, нас морило от ожидания. Поназывали всякими неласковыми словами Алешку, решили начинать. Скинули рубахи, закатали выше колен штаны, прыгнули в яму, стали махать чекменями, отваливая ломти желтой глины.

Принесли воды из арыка, вылили в яму. Размякшие ломти глины разваливали, раздавливали чекменями, месили.

Вовка подтащил форму — продолговатый, сколоченный из досок ящик с тремя перегородками, четырьмя ячейками. Топориком нарубили соломы. Насыпали рубленой соломы в форму. Я зачерпнул чекменем, наполнил форму раствором. Вовка отволок крюком форму с раствором подалее на ровную площадку. Перевернул... Не вываливалось. Постучал по дну, потряс... Все комом.

— Надо же было в воду окунать, дурак! — ударил себя Вовка по лбу.

Я тем временем успел наполнить вторую форму. Теперь вытрясал обратно.

— Вода, вода надо, густой глина! — Красавчик писанный Алешка стоял передо мной и светился радостью. — К тетя ходила, больной.

Как-то так у него получилось, словно от больной тети насили вырвался — и наконец-то с нами! Черная, кудрявая прядь на лбу, улыбка, обнажающая до десен ряд мелких ровных белых зубов, тонкая полоска усов над детской губой. И большие доверительные глаза с красноватыми белками.

Стали добавлять в замес воды: Вовка подносит, я чекменем раскатываю. Алешка определяет: «малая», «малая». Спец! Уж хлюпать стало под ногами, булькать. «Вода много налила, — с укором сказал спец. — Глина добавляй».

Наконец раствор был доведен до нормы. Вовка, теперь не забыв окунуть форму в воду, потрусил сверху соломы. Я наполнил. Он оттащил, перевернул. Осторожно, медленно потянул на себя, поднял — на земле остались лежать четыре ровненьких глиняных брусочка. Четыре первых сделанных нами самана! Пойдет дело!

Да не тут-то было. В следующей партии два самана получились будто обгрызенные с углов — не до конца заполнили формы глиной...

Саманы то получались, но вдруг переставали выпадать из формы, или выпадали раньше времени, когда Вовка только начинал переворачивать, и ломались. Соскабливали кучи с земли, несли обратно.

Я бы так накладывал потихоньку да накладывал — как мог. Но Алешка показал — как надо. Черпанул и стряхнул с лету глину в форму. Ни-

чего не скажешь — ловко! Я думал, он немного почерпает, коли так хорошо умеет. Но он забрызгал малость брюки — поношенные, коротковатые, но все же добрые еще брюки, не для работы. Вернул чекмень и стал добиваться от меня четкости движений.

Алешка входил в раж, нравилось ему передавать свое редкостное умение — летал от меня к Вовке, объяснял, подсказывал.

— Не так деляля, не так деляля... — звенело над ухом колокольчиком.

Накипало желание заткнуть учителю рот куском глины. Но так он вроде от всего сердца старался, чтобы лучше получалось, что даже намекнуть, мол, пора тебе, парень, и самому попробовать, было неловко.

— Давай я понакладываю, — взялся за чекмень Вовка Пономарев. И обратился к Алешке:

— Пусть он отдохнет, тяжело же накладывать... Я понакладываю, а ты потаскай.

Формы у нас было три, поэтому мы все могли участвовать в работе без простоя. Пока Алешка оттащивал, подходил я, цеплял крюком наполненную форму, оставлял свободную... Как только Алешка начал работать, куда подевалась вся его сноровка и точность! Саманов он портил больше моего. Умудрялся даже ломать уже готовые, подсыхающие — перевернет форму и угодит как раз на предыдущий ряд! Сразу приуныл, спал с лица. Я стал догадываться, почему братья никогда не брали его саманить. Но это была поздняя догадка.

Вдруг откуда-то со стороны хозяйского двора раздался залихватистый знакомый смех. Алешка качался на веревочной, привязанной к тополям, качели.

— Айда качеля! — крикнул он. И запел.

Пел он, словно был в степи где-то один, когда некого стесняться и привольно на душе. Слов я не понимал, но и без того было ясно, что поет Алешка о том, как хорошо жить на белом свете!

Вовка Пономарев отплеывал попавшую на зубы глину, смотрел на него и не разделял восторга.

К приходу хозяйки было сделано около трехсот саманов. Соскоблив друг с друга насохшие глиняные ошметки, ополоснувшись по пояс в мутном арыке, уставшие вусмерть, мы не без гордого чувства глянули на плоды своего труда — наши саманы, пусть их и не полторы тысячи, занимали внушительную площадь!

На следующий день Алешка с утра успел лечить зуб и больше не появился. Наши с Пономаревым тренированные тела ломило, без покряхтывания поначалу не могли согнуться. Молча и угнетенно копошились около ямы с замесом — на-

кладывали, оттаскивали, переворачивали. Постепенно размялись, разработались и выдали к вечеру количество, которому суждено было остаться рекордным — четыреста штук! В конце третьего дня хозяйка нас рассчитала: «Вы так все лето провозитесь... Завтра другие придут...» Мы хоть насупились, но в душе были рады — не надо больше делать саманы, глаза бы на них не смотрели! За сделанную тысячу получили две десятки. Что же, две десятки — не сотня, но тоже немалые деньги! Можно развернуться!

Вдруг откуда ни возьмись — Алешка! На этот раз у него «мама болела». Ему и трешки не причиталось, но решили — пусть три. Надо было разменять десятку. Попросили хозяйку — печем. Больше негде. И Алешка решил проблему быстро. Взял десятку и сказал: «Мама болела, деньги лекарство нет. Мама завтра будет получить, я отдавала».

Алешку назавтра мы дома так и не застали. «Ходилия», — с такой же, как у Алешки, смущенной и светлой улыбкой кивнула куда-то вдаль его мать, держа у бедра огромную посудину. Мы смутно стали подозревать, что трудовые наши, нужные так денежки тоже «ходилия»... Не хлопай ушами, как говорят ученые люди.

Десятки на дорогу до Иссык-Куля хватало.

Но на что-то еще надо жить и возвращаться... Прежде мы думали — при случае там подзаработаем. Теперь эта уверенность поугасла.

И в наших сознаниях, устремленных к берегу Теплого озера — так переводится Иссык-Куль с киргизского, — возник новый план. «Гениальная идея», — мы говорили. Фруктовая пора еще не наступила, только начал созревать «белый налив» и была на подходе «грушовка». Яблоки на базаре стояли пока дорого — по южным, конечно, понятиям. У меня сейчас дома — никого! У Пономарева — только брат младший. «Белый налив» в наших садах — любое яблоко с кулак! Мягкие — можно языком жевать! Налитые — на солнце просматриваются! А «грушовка»! Жестковатая пока, но сладкая! Хрустит на зубах. А за-апах!.. Сокрушительно простая идея! Действительно, все гениальное — просто!

Мы дважды отвозили по полмешка яблок на базар. Отдавали оптом за полцены старухе-торговке. Еще червонец зашуршал в кармане. Достался он много легче первого.

Мы казались себе настоящими «деловыми чуваками». А деловыми называли ребята в нашей округе именно умеющих легко хапнуть. Легкие пути виделись самыми разумными. Раздвигающая границы жизнь больших городов приоткрывала

нам, паренькам с окраины, прежде всего широкую возможность развлечений. Понятно, требующих денег. Развлечения эти представлялись как верх счастья. А мы были рождены для счастья! Нам об этом немало говорили. Пережитки были истреблены. Трудностей вдоволь хлебнули наши родители, часто из их уст вырывалось отдохновенное: «Теперь-то чего не жить...» «Были бы деньги, — поправляли отсталых родителей отпрыски, — жить можно».

...Наш маленький «пазик» круто развернулся на привокзальной площади-стоянке, выбежал на улицу и помчался в сторону Иссык-Куля!..

Скоро минули черту города, и мы прилипли к окну. Махали руками, вскрикивали, указывали пальцами и гоготали. Пассажиры, наверное, принимали нас за хулиганов или идиотов. А мы всего-навсего проезжали по своему поселку. За окном мелькали знакомые дома, люди, даже парни и девчонки нашенские. И мы незнамо чему радовались. Крикнуть хотелось всем — остаётся! А мы, смотрите, мы все же по-оехали-и!

В горах Вовка Пономарев был впервые. Дорога до Иссык-Куля не пролежала вдоль отвесных скал, по кромке бездонной пропасти, какие показывают в кино. Но крутые виражи по гребням ущелья были, и насыпь на обочине местами круто падала вниз, туда, где шумела река. Лицо у Вовки подвытянулось, посерьезнело. Он чуть отдалился от окна. Вцепился в поручни на сиденье впереди, привставал, заглядывал в глубь ущелья. Обращивался ко мне с легкой ошалелой улыбкой, как бы говоря: «Вот это да!»

А я, весь из себя бывалый, тоже приподнимался, но так, небрежно: видали, мол, дор-роги... Чуйский тракт на Алтае, перевал Чекет-Аман. Одно название — как будто «атаман». Там крутизна! Ползет машина, ползет... Дорога из щебенки — по бетонированной не поднимется, будет соскальзывать. Зимой и по щебенке без цепей на колесах делать нечего! Узкая — прямо вровень ширине машины. Чтoб разъехаться, одна машина на прямом участке склона прижимается к скале, другая почти впритирку медленно проезжает по краю. К скале-то прижиматься еще ничего, а вот когда едешь по краю...

Вовка смотрел на меня невидяще. Что ему было до какого-то Чекет-Амана, когда тут свои ужасы рядом, пусть дорога и не в ширину машины, и не надо цепей для подъема. А если представить, что отказывают тормоза или рулевое управление...

Да и мне скоро надоела своя снисходительность. Боязно, радостно и удивительно было ведь не меньше, чем другу. Восторг захватывал!

Горы мы видели вблизи не так, как из доли-

ны, — призрачные, словно бы парящие. На Алтае, я помнил, горы все больше поросшие лесом. Здесь они голые, скалистые. Хотя в некоторых ложбинах и виделся густой лес. Наползни каменной россыпи, спелящие ледники на дальних гребнях, от которых, казалось, ощутимо тянуло холодом. Облака, плывущие ниже вершин.

Вдруг на скалистом выступе увидели горного козла! Метнулись в его сторону и только в следующую секунду поняли, что он не настоящий. Гипсовый, но здорово разукрашенный под естественного. Гипсовых скульптур попадалось много. Но больше всего нас изумили огромные надписи на склонах, выложенные из крашеных белых камней: «Миру — мир», «Слава труду». Нам почему-то в голову не приходило, что это могли сделать специальные рабочие, думали — какие-то туристы-энтузиасты. И как они умудрились, недоумевали мы, — ведь отсюда, с самого склона, всю надпись взглядом не охватишь. А выложено так ровно, будто по линейке!..

Ярким цветасто-зеленым полотном меж снежных гор и берегом Теплого озера тянулся тот городок, в котором надлежало нам выйти. Ветви деревьев по обочинам сходились над дорогой и образовывали тоннель. Голопузая ребятня на улице была шоколадного загара. А бутоны роз около автобусной стоянки величиной со шляпу подсолнуха.

Городок тогда еще не считался курортом. Берега не были так застроены и разгорожены литыми заборами пансионатов. Не было тогда у людей такого количества личного транспорта, чтоб заполнить побережье.

Мы остановились на дальнем от города крае дикого пляжа. Место для палатки определили на взгорье — сообразительные ребята, сразу прикинули: чтоб отовсюду было видно.

Напекшуюся под солнцем кожу июньская вода Теплого озера обожгла студеностью. Входили осторожно, и в первые секунды думалось: сейчас окунуться, и обратно. Ну ее, холодрыгу! Пригородные наши лужи, в которых купались, были словно проварены.

Поплыли и — чудо! — вода перестала быть холодной. Мед водичка!

Чем дальше от берега, тем прозрачнее. Было удивительно плыть и видеть на глубине под собой подернутые илом валуны, водоросли... Мы ныряли и там, под водой, как бы изумясь встрече, протягивали и жали друг другу руки. Выныривали, опять здоровались и смеялись. Набирали воды в рот и, перевернувшись на спину, пускали вверх струйки, изображая китов.

Первый раз в жизни мы купались в соленой — «морской» — воде!

Еще немного покупались и отправились в чайхану. Не из чувства голода — мы, как приехали, поели шапшыков — не терпелось все быстрее опробовать. Чайхана располагалась под открытым небом по другую сторону дикого пляжа. Когда мимо проходили, так пахло — слюнки текли.

По кромке берега пляжа шло «строительство». Работали и стар и млад. Лысоватый упитанный дядя ползал на карачках, набирал в пригоршню песочной жижи, затаив дыхание, капал из пригоршни, наращивая шпиль на крепости. И по сосредоточенности был сродни трехлетнему карапузу. Песочные зодчие соревновались в замысловатости и высоте творений. Ни до, ни после не доводилось видеть таких дворцов и замков на песке и такого массового увлеченного созидания.

За одно погляденье на то, как два молодых усатых чайханщика управлялись с делом, стоило платить деньги. Один мотал тесто на лапшу для лагмана — не мешал, а именно мотал. Вращал, как скалку, полосу теста перед собой, полоса растягивалась и утоньшалась; складывал вдвое, снова вращал, разводя руки шире, почти в размах, опять складывал и вращал... Движениями четкими, легкими. Другой пек лепешки — оби-ноп. Печь такую я видел впервые: эдакая опрокинутая вверх дном большая пузатая глиняная чаша. Называется тандыр. Лепешки пеклись не на сковороде или противне, как в русской печи или голландке, а прилеплялись прямо к глиняной стенке с внутренней стороны. Пропекаясь, лепешки сами отваливались. Чайханщик-пекарь собирал их, пышущие жаром, в стопку и не медля продавал. Руки не бездействовали ни секунды — одной протягивал лепешку, другой уже брал фарфоровый чайник, бросал в него щепотку чая, подавал, отсчитывая сдачу, протягивал лепешку следующему, склонялся с новой партией к печи... И оттого, что все делалось на глазах, слаженно так, споро, лепешки казались еще более вкусными. Да на свежем воздухе, да на берегу голубого озера-моря, да под ясным солнцем, среди высоких гор! Чем не райская жизнь! Разрывали лепешки — приятно было не резать, а именно разрывать их, тугие и горячие, — на части, смачно жевали, прихлебывая несладкий чай из пилалы...

Насытившись, мы тоже, под стать прочему люду, принялись было сооружать замки на песке. Но хватило нас ненадолго — знать, не дозрели еще до пляжного райского умиротворенного созидания. С большим удовольствием порушили свои неказистые постройки.

Побежали вдоль косы по отмели. Разгонялись и прыгали с косы на глубину, пытались делать кульбиты, шлепались, отбивая животы и спины.

Вода на отмели была много теплее. Валились,

распугивая стаи мальков и взбучивая песок, «принимали теплые ванны». Решили пообследовать берег. Выбрили в стороне от палатки, пошли по каменной россыпи. Вовка прыгнул на большой валун, и я увидел, как что-то метнулось из-под камня, длинное вроде вильнуло... В следующую секунду мы уже оба видели — змея стремительно проползла по мелкой гальке и опять скрылась в больших камнях.

Нас как ветром сдуло на песок.

— Если проснешься и увидишь вдруг рядом или на себе змею — не шевелись. Она сама уползет. Солнышко пригреет — и уползет. Они просто ночью на тепло приходят греться.

— А если солнце не пригреет, так это — день лежи, два лежи...

Как только мы отошли подальше от камней, то здорово осмелели по отношению к змеям. И вообще, чем ближе к вечеру, тем больше крепло в нас уважение к себе и ощущение собственной силы. Не какие-нибудь слюнтяи и маменькины сынки!

И когда в сумерках развели небольшой костер, собралась сама собой вокруг гитары молодежь, стали знакомиться — были не только из Киргизии, но и из соседних республик, — я представился: «Тренер». Вечерами меня вполне принимали за семнадцатилетнего. Рядом сидящая девушка с налитым по-взрослому телом золотисто-кофейного загара даже стала расспрашивать: дескать, наверное, из института физкультуры, заочник? У нее там «тоже» учился какой-то знакомый. И я отвечал, пытаюсь держаться, как мой тренер, сдержанно, улыбочиво. Школьные учителя казались или очень заполошными, или неприступными. Надоели руганью и одинаковыми нравоучениями. А тренер был прост, свой человек, настоящий мужчина. Спокойно говорил: «Споткнулся противник — никогда не используйте. Руки и ноги должны быть сильными, но побеждает — характер». Мне хотелось стать тренером.

Пономареву больше шестнадцати не давали, поэтому он определил себя в учащегося техникума. А может, просто трезвее мыслил — помнил, что настанет утро.

Ту золотисто-кофейную девушку и ее подругу мы проводили до их палатки, пожелали спокойной ночи.

Среди гор после захода солнца жара быстро сменяется прохладой. Пока сидели и прогуливались — немножко прозябли. В душное тепло прогретой за день палатки влезали совершенно счастливые. Это надо же, таких девушек, взрослых, настоящих уже девушек, можно сказать, провожали домой! Нас скорее и не озноб вовсе пробирал, а осознание момента.

Расстелили одеяла, застегнули вход у палатки, не забыв протереть смехом по приползающим греться змеям. В углы, у изголовья, так, чтоб удобно было схватить, положили туристский топорик, бог весть зачем привезенный, и раскрытый складной нож. На всякий случай, мало ли...

Не спалось. Душа пела!

Поговорили о мотоциклах «Ява», которые обязательно купим и будем «рассекать!» О чем тайно думал Пономарев, не знаю, я же переживал минуты отчаянной уверенности, что теперь там, дома, стану со всеми девчонками вести себя легко и запросто. А особенно с Любой. Просто сразу же вечером приду к ней, вызову...

В классе мы корчили из себя выдавших виды: как же, бывали уже на танцах в городском парке культуры, прогуливались по так называемому «броду» вечерами, одной из центральных улиц города. Причастились к какой-то иной, не этой вот школьной, детской жизни. Взрослой, красивой, какая и могла быть только там, в центре, где кинотеатры, рестораны и квартиры с удобствами.

Сердечная же моя привязанность была как раз рядом, училась в нашем классе. Люба. Невысокая, с волнистыми светлорусыми волосами, с сонным приятным лицом. Но не мог же я, который ведет уже где-то там взрослую жизнь, начать ухлестывать за девчонкой-одноклассницей!

На танцах-то мы бывали, но топтались обычно друг против дружки. По «броду» же гуляли — «прошвыривались» — исключительно вдвоем или в кучке таких же «бывалых» ребят. А если и решались потанцевать или просто подойти, то все начиналось и оканчивалось словами: «Вас как зовут?» Ответ. «А меня Алики». Тогда очень были в моде Алики и Эдики.

И я не выдавал своих чувств. Ждал повода, чтобы встретиться с Любой где-то на стороне, словно бы невзначай, как если бы она мне была и не нужна вовсе, а вот по случаю... Как-то я приехал Вовке Пономареву. И он открыл мне свой секрет — тоже в нее, и давно! Вдвоем стало легче. В классе держались прежними молодцами — никто ничего не подозревал. Меня даже считали чем-то вроде кавалера Любиной подруги, доброй, рослой девчонки с угорьками на щеках.

Случай нам с Пономаревым скоро представился. Культпоход в оперный театр. Проследили: Люба деньги на билет сдала. Чего бы, казалось, проще, пойти и нам в театр, постараться рядом сесть... Но мысль влюбленных развивалась непостижимо, пути окольные виделись прямыми. Встретить надумали после спектакля. Как бы невзначай опять же.

Оно бы и подъехать к театру надо было по-

позже. Но мы явились где-то около начала. Курточки, брюки-клеши... А зима. Хоть и южная, теплая, но зябкая. Влажность. Клеши эти нам холод прямо-таки загибают. Когда спектакль оканчивается, не знали. Пропустить Любу боялись. Долго ждали этого часа! Вот и курсировали туда-сюда по улице перед театром. До девяти еще в кинокассах грелись, а после уж было негде. Ну и тянулся же этот спектакль!

Любу чуть не упустили. Ушли по улице далеко, обернулись — площадь полна народу. Побежали к автобусной остановке. Увидели, узнали со спины. Шла она, по обыкновению, с подругой. «О-о, девочки!» — воскликнули и пристроились по бокам. Причем я — со стороны подруги. «Откуда так поздно? А-а, из театра. А мы в кафе были».

Нас знобило, губы деревенели и не слушались, нужной непосредственной веселости не было. «Ну и как опера, понравилась?» — спросили мы. «Понравилась», — ответили девочки. И тема разговора была исчерпана.

Долго ехали в автобусе. Девочки сидели впереди, а мы за ними. Молчали. Но самое чудовищное ждало впереди.

Дошли до перекрестка — девочкам нужно было в разные стороны. Нам же — прямо. Приостановились. Любина подруга глянула в темень своего переулка и сказала: «Может, вы нас проводите, страшно». И посмотрела на меня. Я посмотрел на Пономарева. «Проводим?» — спросил. «Давай», — неопределенно пожал он плечами. «До свидания», — сказала Люба и побежала. И мы пошли провожать ее подругу.

Лишь через полгода мы исправили ошибку. После выпускного вечера отправились провожать Любу. С ней опять, по обыкновению, была подруга. По пути подруга неожиданно взяла меня за локоток. Отношения с виду наши развивались: как-то, повстречавшись случайно в городском парке, целый вечер гуляли. Правда, втроем.

Что делать, я не знал. Не вырывать же руку. Шагал. Снова настала пора перекрестка. Люба повернула к себе в переулок. Пономарев — за ней. Я чуть помедлил, молча высвободил руку и пошел за ними. Встал с другой стороны.

Так и шли: она посередине, мы по краям. Говорить стало не то что не о чем, неловко. Идиотизм какой-то! Наше с другом полное во всем единодушие впервые зашло в тупик.

Пожали поочередно Любе руку у калитки. Проговорили что-то вроде: так ты, значит, тут живешь? Будто не знали. И пошагали обратно. Вместе.

Лежа дома в постели, я думал, как ловко опережу Пономарева. Нарву рано утром цветов, по-

ложу меж штакетин, воткну за наличники окон — проснется она утром, а в окнах цветы!..

Тогда еще не было песни «Миллион алых роз». Я слыхом не слыхивал о Пиросмани. Видно, желание осыпать предмет страсти цветами охватывает всех романтических влюбленных. Однако, увы, после сладких дум спалось хорошо и долго. Да и сама мысль о цветах выглядела с утра полной ерундой. Я пошел к Пономареву, и мы стали обмозговывать, как оборвемся на Иссык-Куль.

Но теперь, после целого дня на Иссык-Куле, во тьме палатки снова приходила мысль о цветах. Изыскивали, чего бы такое отсюда Любе привезти? Озеро бы само, пляж! Ее бы сюда!

Проснулись мы скоро. Пробирали насквозь холод. Со стороны Иссык-Куля доносился какой-то странный, равномерно повторяющийся звук: ф-фиш-х-х... ф-фших-х...

— Что это? — на миг перестал я дрожать.

— Прибой, — процедил, постукивая зубами Вовка.

Мы кутались, жались друг к другу, засунули ноги в рюкзак. Погружались на время в сон, опять просыпались, ту же закручивались в одеяла. Ругали себя, ненавидели прямо, что не взяли больше теплой одежды. Родители говорили, так ведь... Умники! Продрогли до осатанения! Вылезли из палатки и принялись бегать вдоль берега.

Прибой шумел, выкатывал на берег волны, от песочных замков остались кое-где лишь жалкие бугорки. Мы поочередно возили друг друга. Каждый стремился как можно больше повезти, а не проехать.

Наконец нам стало даже жарко. Светало.

Проснулись к полудню. Палатка опять прогрелась до духоты. День показался ослепляюще ясным. Иссык-Куль сказочно спокойным.

По пляжу ходили разомлевшие люди, рылись в песке. Купались.

Та девушка, золотисто-кофейная, с которой вечером познакомился и проводил, поздоровалась в ответ, но посмотрела на меня так изумленно, как бы не узнавая. И во взгляде ее белесых от солнца глаз я увидел всю свою юную вытянутость и безусость... Точнее, пушок на губе.

Мы занялись утеплением. Приносили траву, листья, укладывали на дно палатки. Натаскали сухих веток, в случае чего костер развести.

Вечером наши знакомые девушки, воротившие днем нос, повели себя неожиданно. Самы стали заговаривать, улыбаться. Так, чересчур легко, играючи. Мы, конечно, не очень-то понимали, что это они от скуки. Купанье-то купаньем, а парней-то их возраста было мало. Тем более, вечером-то мы ничего, впечатление производили. Так что на этот раз не только провожали, но и

гуляли с ними по берегу. Старались, как могли, быть занимательными. Ничего лучшего не удумали, как с ужасом в голосе рассказывать о всех припомнившихся историях со змеями.

Девушки в свою очередь постраждали нас духами гор, в которых якобы серьезно верил их знакомый альпинист; принимаясь в горах за трапезу, он обязательно откладывал кусочки пищи духам. Поведали и реальную, вычитанную в газете историю: парни ночью обрезали веревки у палатки и принялись лупцевать беспомощных, бьющихся под брезентом людей. Мы с Вовкой загорячились, без бахвальства особого, действительно зло разбирало, сюда их, мол, сейчас, мы бы им... Мужскими твердыми голосами заверили девушек, если кто чего, только крикните, мы тут как тут... После всех этих гордых слов лежали в палатке, едва втиснув широченные плечища, уже почти и не мы, а какие-то страшно здоровые атлетичные мужчины. Клики девушки на помощь, ух, мы бы выскочили! Ух, разнесли бы!.. Вдруг за палаткой со стороны голов зашептались. Вовка чуть ткнул меня локтем. Опять шепот. Резкий, отрывистый. Мы приподнялись. Было ясно: там, за палаткой, один говорил вроде бы — заходи оттуда, а другой — нет, лучше отсюда... Сейчас обрежут веревки и... Плечи вмиг опали. Я хребтом почувствовал опасность. Стал нашаривать в углу складной нож. Вовка взял охотничий топорик. Осторожно, сдерживая сбивающееся дыхание, расстегивали пуговицы на входе. Главное, не выдать себя, не дать понять, что мы не спим... Как с низкого спринтерского старта, выскочили один за другим...

С топором и ножом, встав спинами друг к другу, мы представляли грозную силу. Но вокруг никого не было.

Было удивительно тихо и пустынно вокруг. Лишь чуть задувал ночной ветерок да начинал плескаться волны на берег Иссык-Куль. Нереально тихо и пустынно. Мы же оба слышали, как шептались и окружали. Не могло тому и другому враз слышаться. Разве «дикари» проходили мимо, говорили, а ветер донес голоса отрывистым перешептыванием? Правда, слишком быстро дошли они до своей палатки, успели в нее забраться... Бегом только...

На следующий день девушки при встрече поинтересовались, как спалось? Днем под их взглядами и я чувствовал себя каким-то полым стебельковым существом, а тут превратился в чугунный монолит: подумалось, а не они ли вчера нас разыгрывали? Но Пономарев уверенно протянул на мои подозрения: «Да ну-у...»

У палатки тогда все опять же обернулось смехом: духи шептались. «Надо им, Володя, что-нибудь положить, задобрить». «Покроши, Володя,

им хлебушка, пусть поклюют». «Цыпа-цыпа-цыпа». Ха-ха-ха.

Отличаться бы солнечным дням на Теплом озере лишь тем, что все сильнее припекало и теплее становилась вода, не повстречайся нам еще один Володя — Володя с портативным магнитофоном.

Мы плыли на прогулочном теплоходе. С первого дня хотелось на нем поплавать, посмотреть на берег издали, но боялись оставить без присмотра палатку. А порознь не интересно. Теплоход причаливал неподалеку от дикого пляжа всего на несколько минут и отправлялся дальше. Мы устремлялись в воду и качались на его волнах под зазывное гулкое пение из радиорубки:

Пахнет палуба клевером,
Хорошо, как в лесу.
И бумажка приклеена
У тебя на носу.

Как тут сдержаться не побывать на палубе! Махнули, а-а, ничего, поди, не пропадет, народ на пляже тихий.

Переправиться через мою родную реку на кривобоком катере «Анатолий» — и то было какой радостью! Не только дети, многие взрослые серьезно верили, что катер специально сделали кривобоком, потому как некий Анатолий был хромым. А теперь мы плыли на настоящем корабле! Почти морском, почти по морю! И ветер дул, и соленые брызги били в лицо!

На палубе сразу начались танцы. Мы тоже немного подергались, но больше стояли у борта. Было до жути притягательно смотреть на движущуюся поверхность воды, хотя и начинала кружиться голова. Дно просматривалось долго, на огромной глубине. Со дна когда-то, как следовало из рассказа экскурсовода, монголы добывали железо, и озеро в те времена называлось не Теплым, а Железным. Куда только этих монголов не заносило, удивлялись мы. Железо тут добывали из пла, скакали по берегам с гиканьем, а теперь мы плывем на теплоходе...

Мне уже приходило в голову: а не заделаться ли капитаном или моряком? И не где-нибудь на море-океане — зачем они мне? — а здесь, на Иссык-Куле.

В радиорубке, видно, решили дать людям спокойно оглядеться, включили музыку. Некоторое время плыли в тишине — лишь гул мотора, плеск воды, разговоры... Ближе к носу теплохода стоял парень с рюкзаком и портативным магнитофоном. Он так и держался в сторонке, не танцевал — мы на него давно поглядывали. Человек с портативным магнитофоном тогда был редкостью и не мог не привлечь внимания.

Мы подошли и поинтересовались — какие запи-

си? Хотелось выказать себя знатоками. Парень нажал кнопку магнитофона. Под разбитной звук гитары прогремел голос:

Ах, уймись, уймись, тоска,
У меня в груди-и...

Это было — как если бы небо разверзлось, и оттуда кто-то, кого давно держат, а он вырывается, прокричал. Мою грудь так и стиснула тоска! Хотя по чему бы? Как же, по родине. Во сне, бывает, вижу горку снежную, падаю с улицы...

Певец — я такого слышал впервые! — будоражил тоску и унимал. Весь прогуливающийся на теплоходе люд собрался.

На братских могилах
Не ставят крестов...

И вальжно настроенные люди каменели, словно изваяния на тех братских могилах.

Пел мужик, свой. Простой, хриплый... На Севере, наверное, долго жил. Не пел даже, а словно бы хватал ухарски своим надрывным голосом за грудки и встряхивал:

Если друг
оказался
друг
И не друг,
и не враг,
а так...

Ну, мой-то друг «не так». Друг — что надо. Пусть не «в связке», но вместе приехали, какой вон колотун переносили. И никто не скулил, не ныл...

Палатку не украли — мы ее издали усмотрели, словно бы выбежавшую на пригорок встречать нас.

Парня с магнитофоном звали Володей. Ночевать ему было негде — искал каких-то знакомых ребят, не нашел. Мы чуть не вприпрыжку от радости — предложили поселиться у нас. Будем жить — три Володи!

В театре говорят: паря на сцене играют окружающие. Так и в жизни. Нельзя сказать, что бы перед новым другом как-то преклонялись, тем более пресмыкались. Нет. Скажем, когда Володя-третий или, как он поправлял, первый, очень уж загордился знанием «приемчиков», я его несколько раз положил на лопатки. Приемчиков я не знал, но имел практику: на родной улочке в Сибири мы целыми днями «мутузились» — боролись, надев побольше варежек, боксировали, играли «в сопку». Сопку — какую-либо возвышенность — надо было занять, столкнув другого. Футбол как-то был у нас не в почете... Стерпеть поражения новый Володя, привыкнув к роли кумира, не мог, в конце концов заломил мне мизинец. Я вскрикнул, и он, удовлетворенный, проговорил:

«Вот так, в натуре. Я просто не хотел применять боевой». Будто бы действительно продемонстрировал какой-то классный прием.

Он был неплохим парнем, этот Володя, работящий, спокойный, довольно застенчивый, тихий. Просто ему было уже восемнадцать. Достоинств особых не имея, кроме магнитофона, он не мог не желать перед нами казаться прожженным и значительным.

С появлением Володи-старшего жизнь наша круто изменилась. Теперь вечерами, да и днями, люди стекались к нашей палатке. Мы становились центром внимания и вместе с новым другом чувствовали себя редкими людьми. Это было начало воцарения диско-музыки.

Все бы ничего, не стали бы мы, пожалуй, бог знает из себя что строить, но Володя, друг наш сердечный, любил... как это говорят, замахнуть за воротник. В свои восемнадцать уже почему-то крепко... Может, то была лишь юношеская ломота, представление по узости понятий, будто выпивка есть главное счастье в жизни... Трудно судить. Но нас в этом смысле он сразу взял в оборот. Ясные солнечные дни потекли какой-то блеклой массой. Мы теперь не бегали, а ходили по пляжу неторопливо, хозяевами — никто, конечно, не замечал, что мы хозяева. Не смеялись, а хмыкали или гоготали как настоящие дикари.

Магнитофон таскали с собой целыми днями, щелкали кнопками, перематывали туда-сюда пленку, заездили записи и свои мозги.

Скоро обнаружилось, что денег у нас осталось ровно на отъезд. Володя-дока заверил: «Спокуха. Из Пржевальска наши машины ходят косяком. Все ребята свои». Мы знали: он сам работает шофером и тоже ходит в Пржевальск.

Деньги мы, дабы ублажить друга, потратили все до копеечки. До вечера еще протолкались, снялись следующим утром. Завернули в чайхану позавтракать — Володя говорил, что у него кой-какие припасы имеются. Всех припасов оказалось — поллитровая банка консервированного борща. Разбавили его водой из титана, в пиалах выхлебали. Было очень вкусно, но мало. Мы последнее время нерегулярно питались.

Заняли позицию у обочины дороги, напротив ресторана, лагманной и мангала с жарящимися под открытым небом шашлыками. Там, где оставались на обед шофера.

На спуске тяжелые машины с затянутыми брезентом кузовами и прицепами появлялись из зеленого тоннеля бесшумно, лишь шаркая шинами о гладкую поверхность дороги.

«Вот наша машина пошла», — говорил Володя, у которого «все ребята свои». «Вот опять наша...» — и продолжал недвижно восседать на рюкзаке.

«Может, проголосуем», — предлагали мы. «Я этого не знаю, новичок, наверно». «И этот новенький...» Может, он и знает-то двух-трех, начинал подумывать я, тогда долго придется ждать.

Некоторые машины сворачивали на стоянку. Выскакивали из кабин шофера, шли подзаправиться. Возвращались масляные, раздобревшие, громко хлопали дверцами, круго разворачивались, только их и видели.

От смачного запаха жарящихся шашлыков начинало сосать в желудке. Один Володя все сидел на рюкзаке, другой — на камне, положив под себя упакованную палатку. Их лица были печальны и задумчивы.

Мне не сиделось. Я ходил то вдоль дороги, то по стоянке, заглядывая в кабины, в глаза водителей, словно бы надеялся, что кто-нибудь догадается о нашем положении и скажет: «Садись, ребята!»

Машины с прицепами, крытые брезентом, совсем перестали проезжать. Володя-шофер заключил:

— Наверно, вся колонна прошла, в натуре. Это последние были, которые подрыхнуть любят. — Про последних сказал с презрением, как бы пояснив, почему их знает.

— Теперь до завтра, что ли? — оторопело посмотрел Пономарев. — Жрать-то нечего.

— Сейчас приду, — сказал я многообещающе.

И пошagal по поперечной к дороге улочке. Завернул за угол и вошел в сад — с задов забора не было. Решил сделать друзьям сюрприз. Подкормить их маленько и самому поесть.

В саду было полно черешни. У нас, в долине, черешня уже давно отошла. А здесь, на высокогорье, только набирала зрелость. Варенье из черешни, говорят, не очень. Предпочитают вишню. Но зеленая, с ветки, черешня вкуснее. Сладкая.

Вернулся с огромной гирляндой, или, точнее сказать, низкою черешни — ягода нанизана на прут сросшимися хвостиками.

На том месте, где оставались мои друзья, одиноко лежал камень. Первое чувство было ошеломляющим — уехали! Но тотчас сообразил — разыгрывают. Уселся на камень и принялся спокойно, со вкусом снимать черешенки с прутика, обсасывать, выплевывать, стараясь угодить подальше. Вот так-то! Прячьтесь, сколько хотите.

Я сидел, поплевывал. За спиной надоедливо журчал арык. А друзья не объявлялись. Косил глаза туда-сюда — не видно. Поднялся, обошел стоянку. Снова вернулся на камень. Страх — остаться без денег, еды, теплой одежды одному — пока не овладел. Полнилось недоумение. Куда могли подеваться друзья? Чтобы уехали — вероятно. Они же знают, у меня ни денег, ни зна-

комых шоферов! Видели, как я по переулку пошел, крикнули бы, если машина подъехала... Вернулись на пляж?..

Еще раз обошел стоянку, заглянул в лагманную — может, кого встретили, едят. Нет. Запах уксуса и шашлыка бил в нос до головокружения. Я все носил черешню в руке. Стал есть, уже не медля, не показно. Пусть пеняют на себя, раз куда-то исчезли.

Машины проезжали, трогались со стоянки, а я все ходил кругами, поедая черешню и никак не мог взять в толк, где могут быть мои друзья — Володи?! Испарились они, что ли! Оставалось одно — милиция. Я даже себя по лбу ударил. Как сразу не дотумкался! Документов у Вовки Пономарева нет, есть ли они у другого Вовки — неизвестно! Да и вообще, этот Вовка — темная личность. Говорил, шофер, кто права видел? Восемнадцать лет — когда выучиться успел? На руке наколка... На пальцах — год рождения. Точнее, на мизинце вместо последней цифры вопросительный знак. Откуда у него магнитофон? Денег на еду с собой не было! Магнитофоны бывают не у таких парней — у модных, с битловой прической. А у этого прическа рабоче-крестьянская, волосы даже чересчур коротковаты... Пьет. Спер, поди, у кого-нибудь магнитофон-то!..

В отделение милиции заходить было страшно. Да и что я спрошу? Двоих тут с магнитофоном не приводили? Позаглядывал в окна. Стекла хорошо отражали мое лицо. Из отделения вышел милиционер. Я сразу пошагал прочь — такой непосредственный, независимый.

Кружили мысли, кружился по городку я. Побывал на диком пляже. И всюду лишь одно — нет друзей, и умопомрачительный запах шашлыка.

Начинало смеркаться. Машины по тракту в сторону Рыбачьего проходили совсем редко. Шашлыки уже не жарили, но стоило глянуть на мангал, подлое воображение рисовало, как снимаю зубами кусок мяса с шампура. Ждать бессмысленно, бессмысленно — с удивлением, открыв в слове какой-то жестокий, чудовищный смысл, твердил я себе. И все-таки не покидала надежда, что друзья появятся. Откуда-нибудь возьмут и появятся. Вот сейчас вдруг раз и... И опустил руки. «Если друг оказался вдруг, — кричал во мне надрывный голос, — и не друг и не враг, а так...» Заплакать хотелось. Надо как-то выбираться! Скоро стемнеет, со склонов поползет холод. А я в плетенках, в брюках и в футболке с короткими рукавами. «Если друг оказался...»

На стоянке было две машины. В кузове одной меж задним бортом и грузом, уложенными друг на друга массивными ящиками, оставалось прост-

ранство. Как раз в ширину тела. Залечь, водитель туда заглядывать не станет. Подтянулся, занес ногу на борт... Обостренное к опасности чувство подсказало: на крутых подъемах ящики могут ползти назад, к борту. Спрыгнул.

К другой машине подходил матерого вида шофер с мальчиком лет двенадцати. Надо было решаться. Тем более, водитель с ребенком, с сыном, наверное, добрее... Предложу в залог часы, пришла мысль, а после выкуплю. Часы «Юность» мне подарили на память перед нашим отъездом в Киргизию родственники.

— Вы не до Фрунзе? — спросил я кротко.

— До Рыбачьего.

— Возьмите.

Хоть до Рыбачьего добраться! Там есть здание автовокзала, может, на ночь не запирается? Может, еще и автобусы ходят?..

Радостно было захлопнуть за собой дверцу. Чувствовать, как тронулась машина, развернулась и покатила... Одна беда, часы не могу водителю отдать, надо же как-то дальше добираться.

Я сидел рядом с его сыном и все настраивался заговорить. Объяснить ситуацию, деньги, мол, вышлю, не волнуйтесь. Язык не поворачивался. Гляну на него, водителя — такой мощный, руки, что у меня ноги, суровый. Молчит всю дорогу. Сыну кивком отвечает или коротким «ну», «нет», хотя сына, видно, любит с собой возить, на вопросы не сердится.

Подъехали к Рыбачьему. Я сидел ни жив ни мертв. По пути заговорить так и не решился, а теперь было поздно. Вдруг машина резко свернула.

— Нам сюда, — указал водитель на ворота гаража.

Я открыл дверцу, спрыгнул и потрусил, чувствуя спиной тяжелый взгляд.

— Эй! А платить кто будет?! — крикнул шофер.

— Понимаете, меня обокрали... Оставьте адрес, я пришлю, — затараторил я давно крутившиеся на языке слова.

— Иди! Вышлет он!.. — зло оборвал мой лепет водитель. — Надо было сразу говорить.

— Да нет. Правда... Понимаете...

Дверца с силой захлопнулась и машина резко рванула с места.

И я тоже рванул! В другую сторону. Обошло-ось! Так просто обошло-ось! Ура-а-а!

Вход в здание автовокзала оказался в самом деле не закрытым, но от этого было не легче — двери в зал ожидания заперты, а на лестничной цементированной площадке не очень-то полежишь. Можно только стоять. Или сидеть на перилах. Все, конечно, не на улице.

Однако и не стоялось, и не сиделось. Оно само-то по себе неудобно проводить в таком положении ночь. Надоедливо. А после всего, что случилось за день!.. Да и не теплее было в подъезде, чем на улице.

И я вышел в ночной город. История с водителем отчего-то придавала мне уверенности и сил. За моей спиной был уже опыт согревания в холодной исык-кульской ночи. По городу я стал бегать.

Хватило не надолго: на пути попала освещенная витрина продовольственного магазина. Что-то мне больше не доводилось видеть, чтобы на уличной витрине лежали палки и кольца колбасы. На той витрине колбаса была уложена пирамидками. Руку протяни и бери. Лишь стекло отделяет. Мелькнула грешная мысль — я даже испугался, столь настойчивым был позыв. Устыдился: в Ленинграде во время блокады люди так голодали! А я день не поел нормально, уже ду-рею...

Дневная взведенность дала знать. Отяжелели руки-ноги, напала слабость. Доволочился опять до вокзала. Посидел в углу, меж стеной и решеткой перил, подрожал в полудреме. Хотелось лечь. Вышел, скрючился на ребристой скамейке.

Стальной зрачок озера смотрел на меня в проем домов. Не Теплое оно, Железное, правильно! И не потому, что железо добывали, так монголы его называли. Спали они, наверное, мало, а ночью оно — Железное!

Фш-ш-их-х, фш-ших-х... — зловеще шипело Железное озеро. Светили мертвенной россыпью звезды — Золотая орда! И все было таким огромным, величественным, всесильным, бесконечным, а я лежал такой крохотный, слабый, никчемный... Ничего не значащее в этом мире существо! Окоченей сию секунду, и ничего не изменится! Все будет так же сиять, отсвечивать, плескаться... Зачем?! — возопила душа на всю эту темную, светящуюся бесконечность. «Если друг оказался вдруг...» Зачем так надрываешься, певец? Чего хочешь доказать? Уехали, и все! Ничего не надо, ничего не хочу, никаких разумных устремлений, завоеваний, положений. Забыться куда-нибудь в нору, поесть и спать... «Ах, уймись, уймись, тоска...» Да кончится ли когда-нибудь эта ночь?!

Поднялся, побрел. Надо же что-то предпринимать. Стена. Высокая глиняная стена с неровной, разбитой, обсосанной дождями кромкой, похожая на древние руины.

Полез на стену, цепляясь за выбоины.

Заче-ем?!

Выглянул из-за стены: множество крохотных полумесяцев поблескивали из темноты снизу под светом полумесяца небесного. Мусульманское

кладбище! Среди ночи, один, в смятении, глядя сверху, со стены, я оцепенел. Полумесяцы и домики на могилах — маленькие храмы с полуовальными сводами — находились будто не на земле, а где-то в отдаленном пространстве. Поблескивая и белея, они постепенно взбирались ввысь и растворялись в плотной мгле, в провале, который еще выше тусклыми светящимися точками переходил в яркое звездное небо. Я был внутри замкнутой сияющей окружности, всю безмерность которой, казалось, вмещал в себя.

Осторожно спустился и, забыв на время о холоде, не обращая внимания на дрожь, пошел в какой-то странной светлой печали к жилым высотным домам.

Мне мало доводилось бывать в высотных благоустроенных домах. Поэтому не знал, можно ли найти в них укрытие. Дошел, стал обходить один, другой... Увидел приоткрытую дверь не в подъезд, а рядом, вниз по ступенькам, из проема которой сочился свет. Спустился, заглянул. Первое, что увидел, — аквариум с подсветкой. Трубы по стенам. Старый диван. И никого! Дверь за собой прикрыл, подумал было задвинуть засов. Не стал. Кто-то, видно, тут работает, дежурит.

Посидел на диване, прилег. Не переставал следить за дверью. Дрема забирала — спохватывался, размыкал веки. Вспомнил Любу и свое желание покорить ее розами... Но без остроты и тоски. Лицо Любы виделось чужим, с кисло опущенными уголками губ. А розы, разбросанные от калитки до крыльца ее дома, представлялись похожими на осенние пожухлые желто-красные листья. Все это ко мне, лежащему в подвале, на продавленном пружинном диване, казалось, не имело никакого отношения. Словно бы какой-то другой человек хотел осыпать девушку цветами, хотел что-нибудь привезти с Исык-Куля, но так и ничего не сделал. И прочие заботы, волнения, желание, скажем, иметь мотоцикл «Яву» и магнитофон воспринимались отстраненными, неважными.

Надрывный страстный голос певца, который слышал я, записанный на пленку, в последние дни почти постоянно, не покидал меня. Но только теперь в моих ушах он надрывался, переходил в хрипоту не от близкого к сердцу хулиганского удалства, а от того, что захлебывался просторами жизни. «На братских могилах не ставят крестов...» К виденному мусульманскому кладбищу слова эти не имели отношения. Но понималось — такая ли большая разница: крест, полумесяц или египетская пирамида? Едина Земля. Я не мог знать, что голос этот будет сопутствовать взрослому моему поколению. Неосознанно чувствовал в нем отчаяние и веру. Размах и раскаяние! Всю общую тоску и дикарскую жажду жизни.

Рыбки в аквариуме с позеленевшими стеклами, перепутав день и ночь, кучились возле подсветки.

Отчетливо услышал, как кто-то вошел. Шофер, с которым доехал до Рыбачьего, — руки, что у меня ноги. Вскочил... Никого. Также аквариум стоял, подсветка горела. Спал, выходит. В щели меж косяком и дверью — светло. Показалось, долго проспал. Глянул на часы — чуть больше часа. А в теле бодрость была, голова ясная, чистая!

Наступало утро! У-утро-о! Светлое, дышащее теплом. Солнце еще не поднялось, лишь пробивалось сиянием между далеких горных зубьев. Озеру его слабые пока лучи придали особую, словно бы подсиненную, обновленную утреннюю яркость. Так и захотелось, несмотря на прохладу, пробежать и окунуться. От ночных счетов и обид не осталось и следа. Что-то ликующее поселилось в душе. Душа будто бы распахивалась во всю ширь небесную. Что называется, на крыльях летел к автовокзалу, ощущая себя человеком, на долю которого выпали тяжелые испытания и он их с честью выдержал.

Возле здания автовокзала уже стояло несколько человек. Выяснилось, что до Фрунзе ходят и поезда. Открывалась новая перспектива: на товарняке, на крыше или между вагонами — и никаких денег не надо!

Я подходил к железнодорожному тупику. Из-за разрозненных цепочек стоящих на путях вагонов, выкатился товарный состав. Прыгая через рельсы и шпалы, я выбежал к пути, по которому шел этот товарняк. Помчался за вагоном с приступкой и лесенкой на торце. Состав набирал скорость, я же достиг предельной. Некоторое время двигался вровень, совсем близко от скобы-ручки на углу вагона. Нужно было в порыве ухватиться и заскочить на ступеньку... Могло, конечно, вертануть — скорость большая — и под колеса! Ночью, в ожесточении, в обиде на друга и всю жизнь, просто вне себя от холода и голода, я бы без сомнения прыгнул. Пожалуй, прыгнул бы, ухарства ради, судьбу пытая, и раньше, до минувшей ночи. Но теперь, пережив потерянность и темень, из этой темени и потерянности увидев жизнь страшной, равнодушно мчащейся, способной отбросить или раздавить, как поезд, дороги стали обыкновенное утреннее тепло и ясность. Ценна собственная жизнь. Единственная, неповторимая. Несмотря на голод, я чувствовал в себе утреннюю синеву и прозрачность Теплого озера. И вдруг совать голову под колеса... Да лучше пешком пойти... Тем более, неизвестно — куда этот поезд идет.

Начал отставать. Однако все же был наказан за сомнения, запнулся и впахался локтями в зем-

лю. В воздухе старался маневрировать, чтоб упасть подальше от колес. Ободрался сильно.

— Слава тебе, господи, упал,— заговорила пожилая женщина с красным флажком, когда я проходил мимо.— Вся за тебя перепугалась. Думаю, крикну,— хуже полезет. Недавно один вот так угодил...

В глубине души я немного стыдился, что струсил. Слова женщины, признающие опасность, жалостливые, были приятны.

— А куда этот поезд? До Фрунзе, нет? — надеялся я себя совсем утешить.

— Они тут все до Фрунзе.

— И сколько идет?

— Сколько... Всяко бывает. Смотря какой груз... Так-то обычно сутки идут.

Сутки?! Автобус за три часа доходит!

С легким сердцем отправился на автовокзал. Вот бы запрыгнул! Пусть даже удачно — сутки на ветру, голодом!..

— Мест нет,— ответил водитель автобуса, не дослушав, как меня обворовали, едва взглянув на мои дешевые часы.

В следующий рейсовый автобус я попытался прорваться без объяснений вместе с теми, кто подсаживался после проверки контролером билетов. Прошел уже в салон, но водитель меня вернул и выставил, как ни потрясал я часами, ни клялся, что расплачусь по приезду. Видок, конечно, у меня был — грязный, нечесаный, поцарапанный. Не уехал я и на третьем автобусе.

Отправился на развилку дороги к выезду из города. Людей там, голосующих попуткам, было изрядно. Надежды уехать — никакой. К останавливающимся машинам подбегало несколько человек, все с деньгами, а я... с часами в залог. Опять жизнь показывала фигу. Надвигалось отчаяние. Вдруг остановился маленький автобус — «газик», дверца прямо передо мной распахнулась.

— Кому Фрунзе! — крикнул водитель.

Я поднялся, робко протянул злосчастные часы, мало веря в успех, принялся объяснять. На сей раз водитель меня тоже не дослушал:

— Давай часы,— оборвал.

— Иди сюда,— обращаясь явно ко мне, прозвучал приятный, как в радио, голос, краем глаза я заметил, как с третьего сиденья от водителя кто-то махнул. Повернулся — знакомое лицо! Как четвертинка лепешки: плоское, подбородок клинышком, лоб полосой. Видел в спортивной раздевалке. В одной секции с парнем занимались, только у разных тренеров.

— У-у! — взмахнул я руками, будто повстречал давнего близкого друга.— Здорово!

Автобус пошел на спуск. Кромка склона заслонила озеро.

Ах, как легко и весело бежал впиз наш маленький автобус! На виражах — что на качелях! Я и не заметил, как отмотали треть пути. Свернули к саманному беленому дому — к ашхане. Люди пошли обедать. А я глотал слюну и делал вид, будто меня это дело, еда, не интересует. Бахыт — так звали парня, нового друга — что-то сказал по-своему водителю, дяде. И тот, похлопывая меня по плечу, повел с собой.

Он взял нам с Бахытом по порции лагмана!

Я зачерпывал ложкой длинные спутанные полоски лапши, густо пересыпанные рубленым мясом, залитые чесночным соусом, низко наклонялся, чтоб не сронить и не расплескать, хватал ртом, пытался не торопиться, жевать нормально, но пища будто таяла. Извинительно и возбужденно переводил взгляд на Бахыта, как бы говоря — какая вкуснятина! Бахыт, правда, моих восторгов не разделял.

— Так себе лагман,— сказал.— Ты, наверное, настоящего лагмана не пробовал. У нас дома готовят — восемнадцать приправ кладут.

На тарелке у него осталась добрая половина порции. Меня так и подмывало доест, но сдержался. Не понимал совершенно, как может быть у человека плохой аппетит! Я бы, казалось, чан опустошил!

После еды разморило, задремал, проснулся уже за Кантом, на подъезде к нашему поселку.

Дома! Как удивительно звучало — дома. Прямая асфальтированная улочка со свисающими зелеными гривами по бокам — «маленький брод», как мы ее называли. Дорога словно бежала под ногами, улочка направо, уложенная булыжником. В груди будто бы наплывали мягкие волны Теплового озера. Бетонированный овальный мостик через арык, калитка, коридор из лоз винограда... Мама. Она выходила из сада с чашей яблок. Такая родная! Правда, деньги надо просить, чтобы часы выкупить. Ну да как-нибудь...

Я подходил, вернувшийся после странствий, настрадавшийся и любящий, гордо нес свою овеянную семи ветрами голову, улыбался. Мама стояла вполоборота с чашей падальцев и смотрела... почему-то без радости. Раньше, бывало, ездил к родственникам в гости, возвращался, так взгляд ее при встрече теплил, освечивался!

— Что ж ты, Вова, делаешь,— проговорила мама тихо и устало.— Пономарев приехал...

Значит, все-таки ничего не случилось, просто уехали,— у меня нет-нет да закрадывалась мысль, что Володи могли не уехать.

— Спрашиваем у него с отцом, где ты? Молчит. В секцию твою поехали — там знать ничего не знают. Почему нас так обманул?.. Нельзя так делать...

Меня стало прижимать к земле. Попался! Приехал бы вчера, ничего бы не узнали. Так и считали, что ездил с секцией, а теперь виновен со всех сторон! Хорошо, отца дома не было. Но встреча с ним предстояла.

Крутить и юлить смысла не имело, попросил четыре рубля, чтобы заплатить водителю: три за дорогу и рубль за еду. С ним уговора не было, сам прикинул — с чего ради он должен меня кормить? Мама дала только два, сказала, последние. И те сунула, будто я уже отрезанный ломоть.

Если бы мама когда-нибудь прежде бывала со мной холодновата, я, пожалуй, на этот раз даже бы и обиделся — как же, не от хорошей ведь жизни вернулся позднее Пономарева! Но я впервые ощутил на себе не то чтобы холодный, скорее отчужденный материнский взгляд. Так смотрят, понимал, на дорогого сердцу предавшего человека. Слишком она мне верила, не ожидала никак, что могу ей так врать!

Ссутилась, осела как-то, извелась, наперевживалась, намучилась со вчерашнего дня, видно, куда больше моего...

Конечно, видела бы она, как я стремился домой, знала бы, какие там холодные ночи...

Как ни сосала душу горечь, но по пути на автовокзал я не без удовольствия жевал сладкие яблоки, дозревший за неделю до рассыпчатости «белый налив».

Водитель, дядя Бахыта, нетерпеливо прохаживался возле пустого автобуса. Мои часы держал за ремешок перед собой, как билет. Попрет сейчас, думаю я, и часы не отдаст. Когда просил, тряся: только возьмите, заплачу... Человек на свои деньги покормил! А я с двумя рублями всего. Протянул их не глядя. Но шофер не возмущился, ругнул только, что «гуляла долго», он чуть было не уехал.

Дома я немного пособирал малину, любовно поглядывая на свои часы. Пока отца нет, соображал, надо бы добежать до Пономарева, интересно все-таки, как они с тем Володей доехали? Почему не дождались? Охота было порассказать, как сам добрался. Маму мое торопливое покаянное усердие, виноватые глаза смягчили. Она еще выдерживала строгость, но больше уже ее заботил неминуемый гнев отца, как бы сыну ребра за вранье не переломал. Отпустила меня, предупредив, чтоб недолго.

— Я тебе кричал, кричал, вообще!.. — Оправдывался друг. — Машина стоит, шофер говорит, — лезьте в кузов, ждать не буду, а Володька говорит, что ты уехал. Я подумал, правда, наверное, уехал...

— Ты же видел, я пошел по переулку.

— Ну так я и говорю — кричал, кричал!

Вид у Вовки Пономарева был виноватый и пристыженный. Глаза словно бы ввалились глубоко, впали щеки и вылез вперед крепкий подбородок. Он стал похож на шерифа полиции из американского фильма. Обиды я на него не держал. Подумал, что и сам бы, пожалуй, в растерянности мог полезть в кузов... Хотя не знаю, вряд ли все-таки полез, не дождавшись. Было просто приятно видеть друга — сто лет будто не видел! Поэтому прощал... Нет, обида оставалась, но приглушена была общей радостью и пониманием того, что не уехал бы он, дождался, не прожил бы я такие удивительные необыкновенные день и ночь. И не было бы в моей жизни недоуменного хождения кругами, навалившейся, давящей потерянности и жути, спанья в подвале, сосущего голода, долгожданного светлого теплого утра, такого вкуснейшего лагмана!.. Тогда я и на Исык-Куле как бы не совсем побывал. Не увидел Теплое озеро, которое когда-то называлось Железным. Со мной бы просто ничего не произошло!

Я и Вовке Пономареву начал об этом говорить. Поделиться хотелось чувствами, мыслями, которые мной воспринимались, как открытие, прозрение. Но стоило их высказать, получилось что-то привычное, занудно правильное, будто нравучение в школе. Наконец, сравнил жизнь со столом, на котором должно быть не только одно пирожное, но и мясо, и соль, и перец... Сам даже подивился, как это все точно я объяснил.

— Пословица есть такая, — помог мне в размышлениях друг, — хороша изюминка в хлебе, но плох хлеб из одного изюма.

Вроде бы и о том же сказал, но как-то чересчур спокойно, словно давно понятное. И у меня что-то внутри, ширящее, бурлящее, стало исчезать... Будто воздух из шара вышел. Ну да, все это и я давно понимал. Понимать-то понимал... Говорить стало дальше не о чем и неловко.

Пошел домой. Шел, недоумевая, что же я такое все-таки хотел сказать-то? И снова, оставшись один, чувствовал, как наполняет грудь радость: словно бы голубое озеро там поблескивало на солнце и разливалось теплом ко всему вокруг. Прежде все для меня в жизни было само собой разумеющимся, положенным. Теперь же, испытав, что такое теряться и терять, дыхнув одиночества, я стал дорожить возможностью просто шагать по улице домой, где ждут, пусть и обиженные, злые на меня, но родные люди, отец и мать. Сейчас вот прямо приду, все по хозяйству переделаю!

Навстречу шел Алешка. Меня завидев, приостановился, дернулся даже свернуть, но то ли понял, что поздно, то ли заметил, что я ему улыбаюсь.

— Волёдя! — заговорил он издали. — Я деньги после отдавала два раза столько. Шашлыка делить города буду. Дядя устроила.

— Ну ты наделаешь!

У Алешки изумленно округлились глаза с красноватыми прожилками на белках — так вкусно приготовить шашлык, как он, по его мнению, никто не сможет! (Замечу, шашлыком впоследствии меня и Пономарева частенько подкармливал, а деньги так и не вернул). Я в свою очередь поделился с Алешкой мыслями, которые не сумел высказать Пономареву. Казалось, теперь бы смог, да поздно. Деньги, мол, это ерунда, не главное, придаем им значение, потому, как видим не дальше собственного взгляда. А надо бы смотреть на жизнь, как смотрит небо на землю, во всю ширь. Людей ценить.

— Небо — отца, земля — мама, — обрадовался моим рассуждениям Алешка. — Айда помогаля! Огорода новая, дом строила. Мама, я, братъ, сестер жить буду.

После всеобъемлющих человеколюбивых мыслей было неудобно отказываться. Тем более, семья многодетная, без отца, надо бы помочь малость.

На задах огорода Алешкиного дяди работала целая артель. «Собрали помочи», как говорили на моей родине: это когда, выбрав день, воскресенье обычно, всем миром кому-то одному помогали строить дом. Полчасиком тут не отделаться, понимал я. Хотел уже на попятную, но на Алешку закричал Каюм, двоюродный брат. Мне раньше было неприятно, что братья, ровни по возрасту, на него покрикивают. Сейчас понимал — лодырь Алешка, каких свет не видывал, отлынивает! С Алешки все, как с гуся вода. Затараторил что-то возмущенно, указывая на меня. Я заулыбался под общими взглядами и, проклиная Алешку и себя, взялся, потащил наполненную форму. Домой ведь надо, домой! Саманы получались на удивление — навык, видно, сказывался. А может, замес, в отличие от нашего, был сделан верно, форма легко снималась. Алешкина мать меня похвалила. Каюм, парень серьезный, основательный, тоже сказал пару одобрительных слов. Мне ничего не оставалось, как стараться делать еще лучше. Мама, наверное, заждалась, изгляделась вся из-за калитки. Отец должен был скоро прийти... Клял себя, таскал, смотря в землю, форму. А когда разогнулся, чтобы поговорить с Алешкой, пусть объяснит всем, завтра приду помогать, послезавтра, в любой другой день, но сегодня не могу, то нигде его не увидел. А вскоре из глубины сада донеслось звонкое раздольное пение. Пел Алешка все о том же: как хорошо жить на белом свете!

Рассказ

ТАБУ

Валерий КОРОЛЮК

— Ты молод, Пилот, — голос Капитана звучал ровно и устало. — Молод и потому слишком горяч. Ну подумай хорошенько, что ты предлагаешь! Любая наша помощь этим людям — вмешательство в развитие чужой цивилизации. А это... Пойми, мальчик, каждый запрет, каждое табу возникает не на пустом месте, не по прихоти кого-нибудь, нет. За ним — долгий и трудный опыт, потери и расчеты на будущее. Именно потому нарушить его — все равно, что совершить преступление.

— Но ведь время-то меняется, Капитан! То, что было разумным и правильным вчера, может только мешать — сегодня. Ведь в принципе-то я и не предлагаю ничего нарушать! Я все рассчитал, ошибки не будет. — Пилот нервничал, и голос его просительно подрагивал поначалу. — Ничего такого мы не дадим им и ничему особенному учить их не станем. Мы только чуть-чуть передвинем стрелки на их часах... Я многое передумал после вчерашнего разговора, Капитан, и теперь предлагаю вот что. Мы же в любом случае оставим на орбите планеты спутник — для наблюдения. Давайте вмонтируем в него и магнитную ловушку, много места она не займет. И спутник станет задерживать все железные метеориты, которые принесет Космос. Из них потом можно будет формировать блоки и отстреливать их в заданную точку — куда-нибудь поближе к Селению. Собрать систему совсем не сложно: с парой киберов я берусь управиться за ночь, если, конечно, мне не будут мешать... Мы сразу, одним махом решим две проблемы: и Кодекс, по существу, не нарушим — получается почти естественный приток на планету метеоритного железа, и аборигенам поможем — из

своего каменного века они шагнут в железный. Вы же сами понимаете, Капитан, что это будет значить для их младенческой цивилизации!

Разволновавшись, Пилот вскочил с кресла. Высокая его фигура казалась еще выше на фоне зеленоватого вогнутого диска планеты, мерцавшего на обзорном экране.

— На мой взгляд, это единственный выход в нашей ситуации. У нас просят помощи — и мы не имеем права не помочь. Совсем не преступить Кодекс мы не можем. Но так, по крайней мере, наша совесть останется чистой: мы сделали, что могли. В конце концов, что такое лишний метеорит, незапланированно упавший на планету... Дома, в Солнечной, нас поймут. Космосу так нужны новые цивилизации — нас так мало... Решайте, Капитан, время не ждет!

— Может быть, в чем-то ты и прав, однако не по душе мне вся эта затея... — начал было Капитан, помолчал немного и, неожиданно для Пилота, изготовившегося уже к новой атаке на Кодекс, закончил: — Добро! Будь, что будет. Старт назначен на завтра. Времени действительно мало. Так что действуй!

Расчеты Пилота были верными. И результат сулили быстрый... Сравнительно быстрый... Но Космос все решает по-своему, не считаясь с нашими расчетами.

Когда корабль был уже далеко, так далеко, что, даже узнав, члены его экипажа ничего не смогли бы исправить, оставленная ими планетная система встретила на своем бесконечном пути в пространстве облако космической пыли. Явление довольно обычное. И все было бы ничего, но основную массу облака составляли частицы железа...

— Ты еще очень мал, внук, но я не могу ждать, когда ты подрастешь. Предки зовут меня — не знаю, надолго ли еще хватит у Богов терпения, чтобы мешать им. И пока я не уснул навсегда, я должен передать тебе свою Память. Пока еще могу это сделать...

Голос у Старика был мягким и негромким, а рука его, лежавшая на плече мальчика, теплой и ласковой.

— Слушай же... Боги иногда могут быть добрыми, но чаще — они злы и коварны. Помни об этом и никогда не доверяй им! Я специально привел тебя сюда — чтобы лучше запомнилось...

Когда-то давно здесь, на этом месте, жили люди — сильное и богатое племя. Они не коче-

вали, как мы, в поисках пищи, а жили в Селении. Земля была добра к ним, ни в чем не отказывала, кормила и согревала их. Но людям почему-то всегда хочется большего, чем то, что они имеют: самой вкусной еды, самых крепких ножей и еще многого... Люди, жившие в Селении, ничем не отличались от прочих. Но хорошая еда и теплое жилье сделали их дерзкими. Неблагодарные, они предали свою Землю и призвали на помощь Богов!

Боги пришли — и подарили им черный камень, и научили их плавить из этого камня Железо, прочнее и тверже которого нет ничего на свете... Потом Боги ушли, а людям захотелось много-много черных камней, ведь из Железа получались такие острые и крепкие ножи и наколочки для стрел! И люди, жившие в Селении, опять обратились за помощью к Богам. Те, забавляясь, стали швырять сверху черные камни — один за другим. Наверное, им нравилось смотреть, как внизу вздрагивает и стонет от каждого удара Земля. Боги так разыгрались, что и думать забыли про людей из Селения. И все бросали и бросали свои черные камни...

С тех самых пор здесь, где раньше жило могучее, но дерзкое и жадное племя, высится эта Гора, а люди обходят это место стороной... — Старик замолчал, о чем-то раздумывая.

Тихо и пустынно было вокруг. Только высокая звезда равнодушно глядела вниз, на темную и такую просторную планету, на пустынную равнину под собой, на тяжелый конус растущей в небеса черной Горы, на две маленькие человеческие фигурки у ее подножия, утомленные долгим переходом...

— А как же Боги, дедушка, они не помогли разве людям? — Мальчику сказка понравилась, и он хотел знать, что было дальше.

— Помощи от Богов не жди! Дело их — Зло. — Старик прижал внука к себе, голос его окреп. — Только на свой Род надежда у человека, только Земля добра к нему. Лишь то, что дарит она, — на пользу людям... Навек запомни, внук, и детям своим передай: никогда, ничего не бери у Богов. Это — табу...

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В текст моей статьи «Стремление печататься огромно...» (1986, № 9) вкралась досадная ошибка — неправильно указано значение парсека. В действительности эта единица расстояния, применяемая в астрономии, равна 3,259 светового года.

Приношу извинения редакции и читателям «Уральского следопыта» за столь очевидный ляп.

С. ДРУГАЛЬ

О ВИКТОРИНЕ — И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ

Так получилось, что минувшим летом сошлись в отделе НФ сразу несколько потоков писем.

Продолжали поступать отклики на разговор о творчестве начинающих фантастов. К сожалению, нам не удалось в прошлом году обобщить эти отклики — по ряду причин, в том числе и объективных, но отнюдь не из-за малого количества писем (как заподозрил один из читателей). Кстати, под влиянием заметок С. Другала «Стремление печататься огромно...» (1986, № 9) они новой волной обрушились на нас поздней осенью — это дает нам возможность вернуться к разговору, как-то осмыслить, проинтегрировать пеструю картину мнений.

Шли письма и на обозначенную в заглавии обзора тему. Соображения о викторине прислали нам почти 200 читателей, в подавляющем большинстве своем (едва ли не на 90 %!) — те, кто наблюдал со стороны за прошлыми викторинами, кто если и мудрил над ними — так только для себя, в редакцию прежде не писал. Уточняем это вот зачем. Во-первых, предвидим ехидную реплику: немного же, мол, защитников у вашей викторины! А во-вторых, — потому, что вот и активист викторины воскликнул: «А ведь нас всего три сотни. Получается, что ответы на викторину присылает всего лишь один из тысячи ваших подписчиков! Разве это много?»

Что же, если из трех этих сотен на наше приглашение подумать о путях и формах викторины откликнулись лишь два десятка — то остальные, выходит, похоронили ее, даже не вздохнув о ней, забыв на чисто о радостных минутах, кои она им — по их же бесчисленным признаниям — доставляла? Выходит, только «пряники», призрачно маячивший в виде книги с автографом, и был единственным побудительным мотивом к многодневной над ней работе? Да нет же, не думаем, что все так мрачно; в противном случае тотчас свернули бы публикации, выделяющие «УС» среди неравнодушных к фантастике журналов: не выделяться-то ведь и впрямь проще и бесхлопотней. Представьте себя хотя бы на миг сидящими сразу над тремя сотнями рефератов, до-

стигающих часто 20—30—40 страниц!..

Разгадка кажущихся парадоксов в другом. Не любит, не приучен иной читатель писать в редакции. Простодушно уверовав на всю оставшуюся жизнь, что «голос единицы — тоньше писка», он и в наши дни всеобщей перестройки все еще по старинке полагает, очевидно, что уж персональное-то его мнение, мнение вот этой самой единицы, все равно ничего не изменит — все равно редакция поступит так, как сочтет нужным; и пусть там суетятся и лижут другие, те, у кого есть на это время, у кого до писем руки доходят... Грустно, разумеется, убеждаться в существовании такой инертности (а может, точнее — духовного иждивенчества), однако веским доводом тому — еще один прошлогодний поток писем. С вопросами не к кому-нибудь: к А. и Б. Стругацким!.. Ведь и в том потоке была, увы, всего лишь сотня писем (содержавших, правда, иной раз и 20 вопросов, и 30, и еще больше). Само собой, писателям и эта сотня хлопот доставила. Но если вспомнить тираж журнала, да прикинуть общее количество не подписчиков — нет, читателей, да чисто умозрительно (для точных-то выкладок нет сколь-нибудь надежных исходных данных) «вычислить» среди них огромную армию тех, кто любит НФ... а в этой армии — другую (если мы не заблуждаемся — чуть-чуть разве что поменьше): восторженных поклонников творчества Стругацких... и как же, скажите, не затосковать в иной момент от столь наглядной читательской пассивности-то? Вот вам — и «мешки писем», к которым не без доли робости спешил присоединить свои вопросы один наш читатель-оптимист... Иль мы и впрямь заблуждаемся? В отношении всеобщего интереса к Стругацким?.. Но честно-то лишь в одном-разъединственном письме было написано: «привлекайте побольше молодых писателей, а то получается — все время одни и те же лица: премия «Аэлита» — Стругацкие, Крапивин... гостиния «УС» — Стругацкие, Крапивин... По-моему, это уже скучно!» Тут, по крайней мере, видна позиция — пусть неожиданно резкая и, на наш взгляд, спор-

ная, но ведь — позиция же!..

Впрочем, поотвлечлись мы... Был прошлым же летом и еще один поток — ответы на микроанкету июньского номера. Помещена она была отнюдь не в «Калейдоскопе» — адресовалась ко всем читателям журнала. Отдел НФ проработал пока лишь первую сотню этих писем. Что же выяснилось? А вот что.

Среди этой сотни читателей предпочитают фантастику всему прочему в журнале — 30 (12 школьников, 5 студентов, 9 рабочих разного возраста, 3 инженера, 1 пенсионер); еще 38 — любят ее, хотя не только ее читают; 8 — не слишком жалуют, все же читают; для 17 она, возможно, не существует (не обмолвились ни словом); и лишь семеро (1 старшеклассник, 2 рабочих в возрасте свыше 35 лет, 4 пенсионера) прямо говорят о нелюбви, равнодушии к ней. Из этих семерых четверо полагают желательным сократить объем, отводимый под фантастику в журнале — отдавать ей «не треть (!) журнального объема, а 1/5, не более» (т. е. — и не любя, все-таки оставляют ей место под солнцем!). Из сотни же в целом (подчеркнем повторно: не подтасованной, никем специально не заорганизованной!) — 19 подписчиков ратуют за обратное: расширить объем НФ вплоть до журнала в журнале или даже отдельного приложения...

Стало быть, все-таки стоит игра свеч, если 68 из ста читателей (пусть цифры выпали случайно и могут измениться в ту или иную сторону: мы и не склонны абсолютизировать их) любят фантастику — родимую нашу Золушку, вроде бы и приглашенную на литературный бал, однако по многим параметрам до сих пор обделенную вниманием, даже надежно узаконенного собственного угла до сих пор не имеющую, разве только вот разрозненные уголки — вроде нашего...

Но — достаточно эмоций, неизбежных при чтении вот этих сотен свидетельств активного неравнодушия (и — равнодушия) к делу, которому мы служим. Пусть проскальзывают порою в этих свидетельствах менторские нотки вроде: «Работайте, работайте больше, ищите новые формы, средства, не оглядываясь;

«что скажут». Сформируйте, наконец, лицо журнала...» (из письма аспиранта Московского института стали и сплавов) — им противостоят, их оспаривают другие строки: «Говоря откровенно, во многих журналах иногда печатаются отдельные материалы лучше ваших. Но чтобы весь журнал был интересным, весь, в комплексе, такого, на мой взгляд, среди современных журналов нет. Изъять что-нибудь, например, викторину — и «Уральский следопыт» станет намного хуже» (из письма рабочего Владивостокского трамвайно-троллейбусного управления)...

В письмах, нам адресованных, масса дельных замечаний и советов — от развернутых программ («ну можно же немного помянуть!» и «все, все, кончаю!» — чувствуете, сколь заманчивые прожекты скрыты за этими интонациями?) до сугубо конкретных, вполне конструктивных предложений.

Но что же викторина — обнаружили ли наконец ее противники? В двух-трех письмах (у 9-классника из подмосковного Калининграда, у рабочего из Караганды, у 25-летней читателя из Енакиеве Донецкой обл.) сквозит глубокое уныние: фантастики нет ни в магазинах, ни в библиотеках — как тут участвовать в викторинах? Всецело сочувствуем... Но когда дефицит любой — а в первую очередь, естественно, хорошей — фантастики становится (в письме из Мытищ, от владельца «более 300 книг в отличном состоянии, не считая подписных с/с...») решительным аргументом для обвинения во вредности любых викторин, мы — недоуменно. Да, с серостью, с халтурой — надо бороться, в условиях дефицита — тем более. Но — оставить лишь оценочные статьи, искоренив любые тематические и т. п. обзоры, запретив попутно библиографию (которая ведь не помечает плюсами-минусами достоинства регистрируемых книг)?! Нет, не видим мы здесь предмета для дискуссии! Логика (да и сама жизнь) подсказывает нам другое: не уповайте, друзья, только на критику, учитесь мыслить самостоятельно, развивайте собственный вкус — и в критике возможна серость, притом — воинствующая...

Что касается существа вопроса (какой быть викторине), то... кардинальной ее реформы не предложил никто. Сделать ее в форме рассказа — в конце его задавать вопросы? Заманчиво, конечно, но... Мы хорошо помним собственный свой опыт (очень давний, конца шестидесятых годов), когда попытались цитаты из

НФ о новых видах транспорта объединить в рассказе о новых же, естественно, похождениях Филеаса Фогга. Трудоемкое и хлопотное дело! Попробуем вернуться? Выберите тему поинтереснее, пригодного для этой темы героя и, памятуя о сестре таланта — краткости, сочините увлекательный, веселый рассказ, начиненный цитатами и ситуациями из книг, доступных рядовому читателю. Считайте это еще одним заданием заочного КЛФ, о котором прочтите, перевернув страницу...

В нынешней викторине мы воспользовались советами А. Ионов (из поселка Черноголовка Московской обл.), четче других продумавшего и структуру ее, и систему оценок, и характер вопросов, и, наконец, форму контроля за соблюдением сроков отправки ответов. Использовали пожелание А. Смирнова (Донецк) сделать «обязательную» и «произвольную» программы: во второй из них (нашем заочном КЛФ) сосредоточены задания творческого характера, заметно выпадавшие из структуры прежних викторин.

Настоящая полемика развернулась в письмах по вопросу о возрасте участников викторины. «Боясь, что ваша викторина превратилась в «Угадайку» для взрослых дядей: много ли среди ее участников — детей и юношества», тех, к кому обращен ваш журнал?» Отвечаем: много. В викторине-85 их было более половины всех участников. «Что касается деления по возрасту, то считаю, что это бесполезно, т. к. у более молодых больше свободного времени на чтение фантастики. И не только времени. «Они сейчас, сужу по себе, пограмотнее нас в их возрасте!» А вот и их собственный голос: «По возрастным группам — я думаю, это не совсем правильно. Я предлагаю разделить вопросы по уровню знаний» (из письма 10-классницы из Барнаула).

Мы предпочли все-таки другое решение: «просто вести учет отдельно». Как оно, собственно, делалось и прежде. Во-первых, чтобы избежать громоздкости. Деление на «лиги» — это «4—5 или более викторин разной сложности», представляете?! А во-вторых, как пишет наладчик станков ЧПУ из Петропавловска (Казахстан): «Один и тот же вопрос для разных людей будет неодинаково сложен, понятия «простой» и «сложный» относительны. Так что обвинений в сложности викторины вряд ли удастся избежать». Подобное обвинение может быть предъявлено к любому вопросу — все зависит от вашей личной начитанности, вашей памяти и сообразительности;

любое деление на уровни окажется субъективным, если только речь не идет о специфических формах подачи вопроса. А вот их-то, конкретных, реальных, готовых к употреблению, в наших запасниках как раз и нет.

Кроссворды? Из трех-четырёх десятков тех, что нам присланы, устраивает нас лишь один (в скором времени мы его напечатаем), все остальные откровенно скучны и неинтересны. Отказавшись от прежнего неприязненного отношения к подобным задачам, мы хотим теперь, чтобы они были любопытны, действительно интересны — и содержанием своим, и формой.

А что еще? Вот пишет 10-классник из Омска: «Я не понимаю, почему заглохло такое интересное дело, как «рассказ из названий». Неужели названий не хватает?!» Что ж, решились мы — в этот раз, во всяком случае — дать такой рассказ (достаточно сюжетный, на наш взгляд, и заковыристый), хоть и предвидим традиционные возражения: за названиями-то подчас стоят произведения, о коих и вспоминать не стоит...

(Упреки — упреками, а между тем позиция большинства-то написавших нам о викторине — одинакова: «в принципе меня вполне устраивала и прежняя... ее нужно расширить: чем больше и сложнее — тем лучше... изменять в ней что-нибудь в сторону облегчения не стоит...»).

Мнения читательские вообще разноречивы. Одни требуют больше вопросов по старой фантастике — другие категорически против. Одним нравятся поисковые вопросы — другие настаивают на сокращении их. Одни предлагают искать элементы НФ и в нефантастике — другие до сих пор не могут простить вопрос по раннему Чехову...

В чем читатели почти единодушны, так это в требовании вопросов на сообразительность. Что ж, согласны — и ждем от вас такие вопросы.

Ждем и дальнейших соображений по викторине. «Золотую середину» вы уже перешагнули. Интересного было мало в первых викторинах, сложного слишком много в последних. И то, и другое — крайности. Мы перешли от забавы к интересной работе и от интересной работы к лихорадочному перелопачиванию всего подряд...

Попробуем сообща держаться этой золотой середины?

Фантастика под микроскопом

Викторина-87

Викторина-87, не изменившись кардинально, тем не менее многим отличается от прежних наших викторин.

В первом туре для проверки ваших знаний предложены два варианта; в зачет пойдет лишь один, поэтому выбирайте сами — на какой отвечать: любой из них принесет вам максимум 31 очко. В варианте «А» один из вопросов [какой именно — пока наш секрет] оценен в 3 балла, все остальные — по 2, последний — двенадцатый — может дать 8 баллов.

Во втором туре требуются развернутые ответы. Здесь будут учитываться полнота ответа, его аргументированность, стиль и язык.

Викторина рассчитана на читателей-одиночек. Если вы отвечаете вдвоем — вам придется ответить на оба варианта первого тура и первого вопроса второго тура, а также удвоить для себя второе задание второго тура. Набранная при этом сумма очков будет автоматически поделена между вами.

Контрольные сроки для отправки ответов: в первом туре — 15 марта, во втором — 15 мая. В каждом туре за каждую просроченную неделю с результата снимается по 2 балла; ответы, отосланные в первом туре после 15 апреля, а во втором — после 15 июня, оцениваться не будут.

К школьникам просьба — указывать, в каком классе учитесь.

Победителям викторины [мы определим их по итогам двух туров] будут высланы книги с автографами советских писателей-фантастов.

Вниманию тех, кто не попадет в список призеров [и ни разу не попадал в него в 1983—1985 гг.]: с нынешнего года, участвуя в трех викторинах подряд, вы включаетесь — с набранной в них общей суммой очков — в борьбу за специальный приз: «за упорство и волю к победе».

Авторы вопросов викторины-87 — А. Дороднов (Ульяновск), А. Ионов и В. Чернухин (Черноголовка Московской обл.), А. и И. Канищевы (Сумы), Т. и О. Колесовы, Р. Арбитман и В. Казаков (Саратов), О. Корюков (Лысьва Пермской обл.), Г. Прокопик (Вязники Владимирской обл.), Н. Соколова, О. и М. Князевы

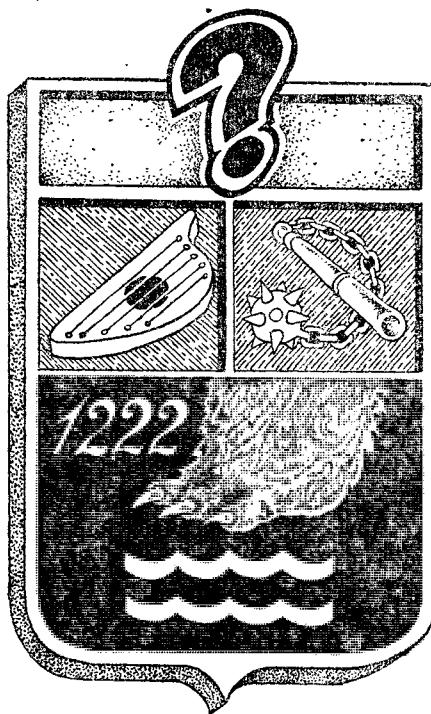
(Свердловск), А. Суторихин (Свердловск), А. Трухин (Горький), Г. Фатеев [Лунга МССР], А. Фисенко [Липецк], О. Хохлов [Тула] и художник С. Ашмарин (Свердловск).

Рассказ из названий [он отредактирован и несколько сокращен нами] составила О. Князева (Свердловск).

I — А.

1. «Очень осторожно я вытащил археоптерикса из пенальчика и положил на ладонь. Кажется, я слышал стук своего сердца. Все-таки опыт удался! У меня на ладони лежало существо, которое должно было жить более ста миллионов лет назад...» Откуда взят этот отрывок?

2. «Десятки лет проходят в звездолете, и только месяцы на Земле...» В каком произведении приведена эта новая версия «парадокса времени»?

3. «У нас, как и во всей вселенной, нет вечных двигателей. Вас сознательно обманули, чтобы заставить создать подобную конструкцию». Из какого произведения взята приведенная цитата?

4. «Вот уже пять лет как проверка на талантливость стала обязательной для каждого гражданина и и гражданки и даже для детей старше шести лет. Талант дело государственное, а не просто личное, и никто не имеет права скрывать свою одаренность». Кто автор этого прогноза?

5. «То были животные в форме колеса, у которых, в противоположность людям и большинству других существ, кровь оставалась постоянно на месте, внизу, а тело непрерывно вращалось, обеспечивая циркуляцию». Откуда взят этот отрывок?

6. Чей герб изображен на рисунке С. Ашмарина?

7. «Самообслуживание — прогрессивный метод! А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, Й, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, Э, Ю, Я. Вы сами можете составить из этих букв любой совет и предсказание». А также, разумеется, и любой ответ, в том числе — и на вопрос: в каком произведении предлагается столь мудрый метод?

8. Где могли бы встретиться Шерлок Холмс А. Конан Дойла и герой одного из самых популярных романов Г. Уэллса?

9. «Слыхали вы про такого человека — его зовут... Ростиславский? Неужели слышали? Это вам только кажется. Вы никогда раньше не слышали про такого человека». А что известно об этом человеке вам — и каково его имя?

10. «Что представляла из себя Земля в 2017 году, к которому относится наш рассказ? На всей Земле было одно начало: конгресс, состоящий из представителей всех государств. Он существовал уже более 70 лет и решал все вопросы, касающиеся человечества. Войны были невозможны. Недоразумения между народами улаживались мирным путем». Откуда взят этот прогноз?

11. В каком году родилась знаменитая «девочка с Земли» — Алиса Селезнева?

12. а) «И тут вошел Александр Македонский, вытирая рукавом пожарную каску»; б) «14 октября 1899 года это сказочное вещество было изготовлено!»; в) «— Улла, улла,— тихими голосами завывали марсиане, окружив огонь»; г) «Мне нравится спокойная протоплазма...». Из каких произведений взяты эти фразы?

I — Б.

На стр. 54 напечатан рассказ, составленный из названий НФ произведений, которые — за единственным исключением — были опубликованы в разное время на русском языке. Ваша задача — проделать обратную операцию: разбить текст на 300 названий и к каждому найти автора. [30 очков: по 0,1 за каждое «опознанное» название; надбавка в 1 балл за указание оговоренного нами исключения].

II.

1. Ответьте на один из предложенных ниже вопросов (до 8 очков плюс 2 балла за ответ на конкретную часть):

А. «Опасности! Поле негативной причинности!» В каком произведении звучит это предупреждение? Чем опасно это Поле и его носители? Не встречались ли вам в НФ другие обладатели столь же необычных способностей — источники «отрицательной» или, напротив, «положительной» причинности?

Б. С ситуациями, когда сеют добро, а прорастает зло, мы хорошо знакомы по произведениям о контакте между высокоразвитой и слабо развитой цивилизациями. Известны ли вам ситуации обратного типа — когда сеют зло, а прорастает добро? Когда, например, стремясь убить, излечивают от рака?

2. В развитие любого (выбирайте сами!) из вопросов тура I-A сформулируйте свой собственный вопрос поискового плана — и попытайтесь ответить на него. [До 8 очков].

III.

Предложите (на отдельном листе) ваши вопросы для новой викторины. Выскажите свое мнение: нужно ли и далее менять что-либо в структуре викторины? Если вам не по нраву рассказ из названий — чем его заменить?

Заочный КЛФ

Предлагаю провести на страницах «УС» анкету для любителей фантастики — с указанием возраста, образования, профессии, увлечений (кроме НФ). И если мое предложение получит поддержку, объединиться в заочный КЛФ. Ведь не в каждом городе есть свой клуб. Нам наверняка есть о чем сказать друг другу.

Я, например, уже в течение двадцати лет собираю «фантастический зверинец» — описания инопланетных и неизвестных науке земных животных. Причем не так-то просто отыскать подробное описание; обычно фантасты отделяются фразами: «нечто среднее между коровой и кальмаром, но со стрекозиными крыльями» и т. п. «Звездой» моей коллекции является подробнейшее описание креветки венерианской из повести М. Емцева и Е. Парнова «Зеленая креветка». Может быть, я не одинок — и есть еще подобные «зверинцы»?

К. РЫБАЛКО,
Калининск Саратовской обл.

Что ж, кое-кто из исследователей НФ фауны нам уже известен. Вопрос в том, как скоординировать и обобщить их труд — чтобы (опять-таки: в какой форме!) использовать его и для журнала! Вообще же...

Мне понравилась идея К. Рыбалко — учредить заочный клуб. Вступить в него, естественно, может каждый наш читатель, однако сами мы полагаем, что для действительного членства в нем необходима какая-то реальная помощь журналу. Какая именно! Надеемся, что читатели помогут сформулировать статус нашего КЛФ, определить его задачи, формы работы (в частности — отношение к викторине), возможную и необходимую степень собственного участия в делах журнала. Пока же — в дополнение к викторине предлагаем ряд заданий, носящих [за исключением последнего] сугубо творческий характер.

Вы вправе выбрать любое из них — то, что по душе: очков за проделанную вами работу мы начислять не будем, поскольку все эти задания (кроме двух последних) имеют конкурсный оттенок — наиболее интересное из присланного будет опубликовано. Сроки выполнения предложенной работы! Данные по

двум последним вопросам хотелось бы нам получить к июню, все остальное — по мере готовности. Хотелось бы также, чтобы задания выполнялись на отдельных листах — не в тексте письма. Итак...

1. Напишите лаконичный, максимально объективный, аргументированный отзыв об одной из книжно-журнальных новинок советской фантастики 1985—1986 гг.

2. Подготовьте краткое исследование по фантастике вашего региона: сегодняшний ее день (авторы, темы, проблемы), ее прошлое (историю, становление, традиции) либо, может быть, обзор творчества одного из ее представителей.

3. Возьмите интервью — серьезное или с улыбкой — у кого-либо из популярных персонажей НФ.

4. Сочините фантастический рассказ, который состоял бы не более чем из пяти фраз.

5. Если вы рисуете — ждем от вас НФ изюмочки, выполненные на белой нелинованной бумаге, желательно — тушью.

6. Нас упрекают в том, что мы забросили НФ игротек. Помогите нам — не словами, делом — возродить ее! По очень зрелом размышлении не откажемся также не только от рассказов из названий, но и от кроссвордов, ребусов, шарад и т. п. задач на эрудицию и смекалку, желательно — остроумных, веселых, с выдумкой.

7. Любителям опросов предлагаем назвать три самые интересные книжно-журнальные новинки отечественной НФ последних двух лет.

8. Не встречались ли вам в фантастике упоминания 1986 и 1987 гг.? Возможно, общими усилиями нам удастся возродить хронику событий, «запланированных» на наши дни фантастами?

Какие из этих заданий стоит, по вашему, сделать традиционными? Что предложили бы вы в дополнение к ним — на будущее!

Рассказ из названий

ДОРОГА ЧЕРЕЗ СЕБЯ

Ваня МАРЦИПАНОВ

(ИЛИ ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ)

Автоинтервью в мире будущего...
Как бы это было?

...В этот исторический день (13 июня, пятница в 2889 году) там, где кончается река Таньти, — симфония жизни! Устремленные в небо великаны-цветы Альбароссы, голубой тополь, хлопковое дерево, немой геометрический лес-коралл, быстро-растущий смешной баобаб (голубой!), цветок Эпи (как фиолетовый шар!), до третьих петухов поющий колокольчик. На берегу — странная фиалка (серая), хризантема из другого мира, сверкающие черные, белые, зеленые-зеленые цветы-короны (семь цветов радуги!). На реке — что-то блестящее... Золотой лотос! Огненный цветок...

Зона свидания. На пыльной тропинке — человек, который пришел слишком рано. Две минуты одиночества... Перекресток, второй путь. В конце пути — пешеход, очень старый человек с огромными крыльями.

«Странная встреча... Кто же он? Двойник? Зеркальное отражение? Мираж? Кто?!. Я? Это другое дело!»

Шаги в неизвестное — себе на встречу. Встреча лицом к лицу... И увидел остальное: совсем рядом прозрачный дом. Легкие шаги по ступенькам лестницы чудес. Двери. Лифт падает вверх. Последняя дверь... Фантастика! Дверь в иной мир: красное и зеленое! Тени оазиса: сад — зеленая симфония; иной свет — следующий мир: пурпурные поля, лунная радуга...

— Прелесть! Земной рай...

— Ничего особенного: самосияющий экран-зеркало на волне чело-века.

— Потолкуем малость? Поделись со мной, друг. Имя? Профессия? Мечта?

— Когда задают вопросы, человек, это... Экзамен?

— А как же еще? Правда, молчание — твое право, но если контакт откладывается... Просто смешно!

— Непредвиденное испытание...

Улыбка мастера. — Что значит имя? Мое имя вам известно, Николас. Мечты — личное дело каждого. Работа — по призванию: мыслитель-конструктор...

— Прошу тебя, припомни...

— Звездный час? Доказательство? Вдохновение?.. Давным-давно однажды вечером, размышляя над книгой «Имеющиеся данные об эффекте Уорпа (К вопросу о счастье)»...

— Еще одна пустая книга?

— Такая работа: дознание, за-чем жил человек... Людвиг — ученик чародея Лнага, светлая личность, скромный гений. Все так сложно: молодость, неудачный дебют, круг недоверия... В безвыходном положении он решил вернуться туда и — обратно: прыгнуть выше себя!.. Не вижу зла: крайнее средство — необходимое условие, надежда — альфа гениальности... Чудесная машина (последнее изобретение), побег сквозь время. Нежданно-негаданно — катастрофа. Чрезвычайное происшествие!

Проверка возможностей на грани возможного, отряд исследователей, их было четверо. На двенадцатый день: «Взрыв всегда возможен!.. Цель и средство!.. Главное — порядок, всеобщая безопасность!.. Третий параграф...» Вот и поговори с ними, охо-хо...

Десять лет спустя — загадочная находка: генератор нуль-времени, редкие рукописи (забытый вариант), предваренная формула: $\langle \Pi M - 150x = \frac{RP-1}{KB-1} \rangle$. Недоумение: одна буква, знак равенства... Совпадение? Случайная последовательность? Удача? Формула невозможного? Не может быть!.. Формула Лимфатера — ошибка? Если это случится... Небывалый расцвет интеллекта, люди — как боги, ничего невозможного — все, что угодно, каждое желание!..

— Что было потом? Открытие?

— Слишком просто!.. Предварительные изыскания. Поиски наугад, частные предположения... Глубокий

поиск — испытание истиной. Испытание... Один опыт — поражение, тринадцатый опыт — нулевое решение... штурмовая неделя — тупик!..

Выход из положения — конференция: «Произошла ошибка. Ошибка в расчетах? Техническая ошибка? Не разобрались... Попытка принять решение, спор, игра в «ничего не выйдет». Кто во что горазд: «Дорогостоящий опыт! Эксперимент с неуправляемыми последствиями!..» Истина не рождается в споре...

Ответное слово: «Отступление! Где же справедливость, коллеги! Эти тонкие грани риска — ничто перед дальней дорогой, которая ждет мое человечество... Поиск надо продолжать!»

Новое направление. Первый шаг — что-то неладно: глухая стена. Возвращение, кое-что иначе — и снова в путь. Будничная работа!.. Остановка: а вдруг по закону невероятности время сгорает без остатка?.. Неумолимое уравнение!.. Эксперимент — поправка на иск... Следующий — полная переделка... Эксперимент 768. Три цифры вдоль оси «эф» на кругах времен — точки для прямой, недостающее звено! Делается открытие!..

Сенсация? Непреднамеренная победа? В том-то и дело — логическое завершение! Сегодня вечером — дополнительный экзамен. Если машины не ошибаются, завтра — последний эксперимент: пора!

— Не пора... Один процент риска — опасный шаг! Что, если...

— Ошибка невозможна — слишком удачная конструкция!

— И техника перебарщивает...

— Катастрофы не будет, если человек, который ищет во имя Разума... Прости меня — надо идти. До скорого!

Крылья новой, улучшенной конструкции. Прыжок на высоту — выше туч, выше гор, выше неба...

— Лети, Икар, счастливого пути...

...Зеленое утро. Кресло забвения. Человек, сидящий в кресле, — я и не я.

«Любопытное и приятное путешествие... Который час? Странная история — полсекунды только? Один час на перекрестках времени!.. Необыкновенное путешествие. Теперь, когда я проснулся, люди...»

— Где вы, Иван Иванович? Впустите репортеров, я иду... Здравствуйте, братья!.. Открытие «Секунды ЭРЭМ, индекс E-81»? Могу рассказать вам, как это было на самом деле...

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ВРЕМЕНИ: ГОД 1987-й

Следуя традиции, мы составили с помощью наших читателей (особо отметим В. Окулова из г. Иваново) краткий список памятных дат НФ на нынешний год. Для удобства все даты в нем даны по новому стилю.

Январь, 3. 95 лет со дня рождения английского писателя Джона Рональда Руэла Толкена (1892—1973), автора изданных у нас книг «Хоббит» и «Хранители».

Январь, 15. 145 лет со дня рождения Поля Лафарга (1842—1911), видного деятеля французского и международного рабочего движения, автора фантастической повести «Проданный аппетит» (1884).

Январь, 27. 155 лет со дня рождения английского писателя Льюиса Кэрролла (1832—1898), чьи книги о приключениях Алисы оказали влияние и на развитие фантастики.

Январь, 28. 90 лет со дня рождения Валентина Петровича Катаева (1897—1986), написавшего в двадцатых годах пародийные НФ романы «Остров Эрендорф» и «Повелитель железа».

Январь, 28. 80 лет со дня рождения Геннадия Самойловича Гора (1907—1981), представлявшего философское направление в нашей НФ («Кумби», «Глиняный папуас», «Изваяние» и др. книги).

Февраль, 22. 75 лет со дня рождения (1912) французского писателя Пьера Буля, автора изданного у нас романа «Планета обезьян».

Апрель, 9. 65 лет со дня рождения (1922) Евгения Львовича Войскунского, написавшего в соавторстве с И. Лукодяновым романы «Экипаж «Меконга», «Ур, сын Шама», «Незаконная планета» и др.

Апрель, 12. 70 лет со дня рождения (1917) Александра Ивановича Шалимова, автора романа «Пир Валтасара» и многих др. книг.

Апрель, 19. 85 лет со дня рождения (1902) Вениамина Александровича Каверина, не раз обращавшегося к фантастике («Большая игра», «Бочка», «Легкие шаги», «Верлиока» и др.).

Апрель, 22. 80 лет со дня рождения Ивана Антоновича Ефремова (1907—1972), основоположника новейшей советской НФ. 30 лет исполняется роману «Туманность Андромеды» (1957).

Апрель, 24. 70 лет со дня рождения (1917) Георгия Иосифовича Гуревича, автора книг «Темпоград», «В зените» и многих др.

Май, 31. 95 лет со дня рождения Константина Георгиевича Пау-

стовского (1892—1968), написавшего ряд фантастических новелл («Музыка Верди», «Доблесть» и др.).

Июнь, 21. 190 лет со дня рождения Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797—1846), русского поэта, декабриста, писавшего сатирическую фантастику («Земля безглавцев», «Парижские письма»).

Август, 30. 190 лет со дня рождения английской писательницы Мэри Шелли (1797—1851), автора романа «Франкенштейн» (1818).

Сентябрь, 17. 130 лет со дня рождения Константина Эдуардовича Циолковского (1857—1935), основоположника отечественной космонавтики, автора НФ повестей «На Луне», «Вне Земли» и др.

Ноябрь, 11. 65 лет со дня рождения (1922) американского писателя Курта Воннегута, хорошо известного и в нашей стране.

Ноябрь, 30. 320 лет со дня рождения английского писателя-сатирика Джонатана Свифта (1667—1745), автора знаменитых «Путешествий Гулливера» (1726).

Декабрь, 16. 70 лет со дня рождения (1917) английского писателя Артура Кларка, автора переведенных у нас книг «Лунная пыль», «Космическая Одиссея», «Фонтаны рая» и др.

Кроме того, в наступившем году исполняется:

425 лет со дня рождения английского писателя Фрэнсиса Годвина (1562—1633), автора романа «Человек на Луне» (1638);

85 лет со дня рождения Григория Никитича Гребнева (1902—1960), автора книг «Артания», «Мир иной» и др.; Валентина Дмитриевича Иванова (1902—1975), помимо исторических писавшего НФ романы («Энергия подвластна нам», «По следу»);

80 лет со дня рождения Николая Васильевича Лукина (1907—1966), автора романа «Судьба открытия»; Андрея Сергеевича Некрасова, полвека назад выпустившего популярную фантастико-юмористическую повесть «Приключения капитана Врунгеля» (1937); Владимира Ивановича Немцова, автора повести «Золотое дно» и многих др. книг; украинского писателя Николая Петровича Трубляни (1907—1941), автора романа «Глубинный путь»;

75 лет со дня рождения Виталия Георгиевича Губарева, пишущего сказочную фантастику («Путешествие на Утреннюю звезду» и др.);

70 лет со дня рождения эстонского писателя Бориса Петровича

Кабура, автора «кибернетических» пьес и повести «На пороге космоса»; Бориса Захаровича Фрадкина, автора повестей «Тайна астероида 117-03», «Пленники пылающей бездны» и др.;

65 лет со дня рождения Александра Лаврентьевича Колпакова, автора романа «Грида» и др. книг; Дмитрия Гавриловича Сергеева, автора книг «Доломитовое ущелье», «Прерванная игра» и др.; белорусского писателя Владимира Николаевича Шитика, автора повести «Последняя орбита» и др. книг;

60 лет со дня рождения Исаа (Давида Исааковича) Давыдова, автора книг «Девушка из Пантикапея» и «Я вернусь через 1000 лет»; Сергея Александровича Другалы, автора книги «Тигр проводит вас до гаража»; Игоря Михайловича Забелина, автора романа «Пояс жизни» и др. книг; Александра Исааковича Мирера, автора книг «Субмарина «Голубой кит» и «Дом скитальцев»; Аскольда Павловича Якубовского (1927—1983), автора книг «Аргус-12» и «Купол Галактики»;

50 лет со дня рождения Феликса Яковлевича Дымова, автора повестей «Аленкин астероид», «Школа» и ряда рассказов; Давида Львовича Константиновского, автора повестей «Ошибка создателя» и «Весьма достойная судьба»; Юрия Михайловича Медведева, автора книги «Колесница времени».

Исполняется также: **385 лет** знаменитому «Городу Солнца» Т. Кампанеллы (1602); **360 лет** утопии Ф. Бэкона «Новая Атлантида» (1627); **110 лет** роману Ж. Верна «Гектор Сервадак» (1877); **90 лет** роману Г. Уэллса «Человек-невидимка» (1897); **80 лет** роману Д. Лондона «Железная пята» и русскому журналу социальной утопии «Идеальная жизнь» (1907); **75 лет** роману А. Конан Дойла «Затерянный мир» (1912); **65 лет** первой советской НФ повести «Страна Гонгури» В. Итина (1922); **60 лет** роману А. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» (1927).

Кроме того, **50 лет** назад Детиздат выпустил первые книги продолжающейся и ныне «Библиотеки приключений и научной фантастики»; в издательстве «Молодая гвардия» **20 лет** выходит «Библиотека советской фантастики» и **25 лет** — альманах «Фантастика».

РУССКИЙ СЕВЕР

Александр МАТВЕЕВ

Рисунки Сергея Малышева

ВЕЛЬ. В уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича, а это — 1137 год, впервые упомянута Вель — крупный левый приток Ваги, протекающий по юго-западу Архангельской области. Точно таким же это название осталось и теперь — кратким, звучным и непонятым. Вспомнишь загадочные чудские названия вроде Вельнема или Веласора — захочется причислить к ним и Вель. Подыскано и подходящее объяснение: коми *вел* — «верхний», то есть Вель — «Верхняя (река)».

Но уже давно стало аксиомой, что ключ к топонимии может быть на соседней территории. И действительно, в исконных новгородских землях встречаются такие названия, как озеро Велье и река Велья. Исследовательница топонимии Новгородчины Р. А. Агеева связывает их по происхождению с древнерусским словом *велий* — «большой». А ведь Вель — река большая, да и легко могло получиться это название из формы Велья.

Трудно найти более привлекательную этимологию, хотя известный славист Макс Фасмер считает ее невероятной, но приходится быть объективным: на территории Русского Севера множество Великих рек, озер, урочищ и только один-единственный ручей Велий, да и

тот берет начало в Вельболоте. Видимо, когда русские осваивали Заволочье, слово великий уже вытеснило в севернорусских диалектах родственное велий.

Итак, что же? Будем считать Вель древним чудским топонимом? Нет, торопиться пока не стоит. Название упомянуто в очень раннем для Русского Севера памятнике XII века и вполне может быть древним русским словом, пусть даже единственной его фиксацией в топонимии.

Перед нами спорный случай, так что потребуются дальнейшие, притом нелегкие, исследования, тем более что один из притоков Печоры тоже называется Вель.

В устье Вели рано, вероятно уже в XII веке, возникло русское поселение. «Волость на Вели» упоминается в 1398 году, а в памятниках XV—XVI веков фигурируют то Вельский погост, то Вельский посад. В 1780 году поселение было преобразовано в уездный город Вологодского наместничества — Вельск. В наше время Вельск — центр Вельского района Архангельской области.

ВОЛОГДА. О том, как возник один из старейших русских городов, рассказывается в «Житии» местного вологодского «святого» — монаха Герасима. Пришел он якобы

в эти места из Киева в 1147 году и увидел, что здесь уже живут люди. А место хорошее. Не растерялся Герасим и основал в поселении монастырь.

Прямо скажем, «житиям» верить приходится с большими оговорками. Может быть, и возникла Вологда в XII веке, но первое упоминание о ней в древнерусских грамотах относится к 1264 году.

Основали город новгородцы, которые первыми из русских людей стали осваивать двинские земли. Хорошо был поставлен город: на древнем волоке между Шексной, притоком Волги, и Кубенским озером, откуда шел водный путь вниз по Сухоне. И началась между новгородцами и московскими князьями длительная борьба за обладание этим важным стратегическим пунктом — ключом к Онеге и Двине. Насколько раз город переходил из рук в руки, наконец на рубеже XIV—XV веков им окончательно овладела Москва. И стала Вологда крупным торговым центром Московского государства на путях в Сибирь и за границу. В 1780 году образовался Вологодское наместничество, а в 1796 году — Вологодская губерния. В настоящее время город Вологда — центр Вологодской области.

Имя свое город получил по реке Вологда, правому притоку Су-

хоны. Смехотворна попытка вывести это название из русских слов волок и да. Смысл-то хорош: Вологда, как уже говорилось, действительно находится на древних волоках, а вот с фонетикой и законами образования топонимов автор этого смелого объяснения явно не в ладах.

Топоним Вологда — финно-угорского происхождения. Чаще всего видят в нем переработку древневепсского слова *валгеда* — «белый», которое в современном языке вепсов — и сейчас живущих на западе Вологодской области — звучит *ваугед* или *воугед*. В старину финно-угорское *ал* между согласными могло передаваться русским *оло*. Вот и получилось из Валгеда сперва Вологеда, а затем Вологда. Другие ученые считают, что топоним Вологда происходит из вымершего мерянского языка. Ближе всего к этому языку будто бы марийский, а там «белый» — *волгыдо*. Тоже похоже на правду. Так или иначе, значение названия — «Белая» или «Светлая (река)».

Все бы хорошо, но справедливости ради надо вспомнить о популярной песенке с темпераментным припевом «Вологда-гда-гда-гда, Вологда-гда». Вот это самое гда, интуитивно подчеркнутое создателями песни, открывает еще один путь: есть и другие двинские названия на *гда*, точнее на *егда*, *огда*, вроде Вычегда и Керогда, и топоним Вологда трудно отделить от них. А это позволяет отнести слово Вологда к группе таких названий с пока еще не разгаданной основой *вол*, как Волонга, Воломна, Волюга, Волохтома.

ДВИНА. В конце IX века одного знатного скандинава по имени Оттар неисповедимые пути-дороги викингов привели в Англию. Король Альфред принял его с честью. А благодарный Оттар многое рассказал любознательному королю о своей родине — Халогаланде, области в Северной Норвегии — и других далеких странах, в которых ему довелось побывать. Поведал он и о богатой стране Бьярмши, где течет могучая река Вина. Это и было первое упоминание о главной реке Русского Севера — Двине.

Многим привлекала Бьярмши викингов, но прежде всего своими мехами, а также золотом и другими ценностями, которые хранили бьярмы-язычники в жертвенных местах. Потому-то викинги не только торговали с двинскими жителями, но и грабили их. В бесценной книге знаменитого исландского писателя Снорри Стурлусона «Круг земной» рассказывается о набеге на бере-

га Вины, которые предприняли скандинавские вожди с громкими именами Харальд Серая Шкура и Торир Собака.

Так Европа впервые услышала о Двине, названной впоследствии Северной в отличие от Западной Двины, хотя местное русское население всегда говорило просто Двина́ или Двина.

Эта мощная река, впадающая в Белое море, протекает по двум областям — Вологодской и Архангельской. Она образуется при слиянии Сухоны и Юга. До устья Вычегды река называется Малой Северной Двиной, а ниже — Большой.

Уже много раз ученые пытались объяснить название Двина из индоевропейских — балтийских и славянских — и финно-угорских языков. А бесспорно одно: скандинавское Вина, финско-карельское Визна и русское Двина невозможно отделить друг от друга.

Финско-карельская и скандинавская формы считаются более древними, поэтому вполне может быть, что русское Двина возникло из Вина, Визна по народной этимологии: Двина, образуемая слиянием Сухоны и Юга, осмысливалась как «Двойная река», поэтому и название было связано со словом два. Если это действительно так, то переработка Вина в Двина произошла очень давно. Во всяком случае многие авторы XVI—XVIII веков утверждали, что Двина получила свое название от русского слова два. Об этом писали даже иноземцы, например, Сигизмунд Герберштейн в своих знаменитых «Записках о московитских делах» (XVI век): «Область Двина и река, возникающая от слияния рек Юга и Сухоны, получили имя Двины, ибо Двина по-русски значит два или по-два». Видимо, название Двина в сознании русских современников Герберштейна, действительно, связывалось со словом два.

Но есть факты, которые позволяют по-другому взглянуть на происхождение этого интересного слова. В 1959 году известный советский лингвист Б. А. Ларин опубликовал записи старорусских слов и выражений, сделанные в начале XVII века англичанином Ричардом Джемсом в Холмогорах. Там фигурируют *брат двина* — «единоутробный брат» и *вино двина* — «крепкое (двойное) вино».

Но, может быть, Ричард Джемс ошибся, не разобрался в русской речи и записал двина вместо двойной или двойное? Казалось, проверить это нельзя, но вот в Архангельской и Вологодской областях

начала работать топонимическая экспедиция Уральского университета. И выяснилось, что в различных районах Русского Севера — очень далеких от берегов Двины — встречаются такие наименования полей и лугов, как Двины и Двинки. Их невозможно было связать с названием реки. А в конце концов в Кичменгско-Городецком районе Вологодской области у одного древнего старика было записано полузабытое диалектное слово двини — «две рядом находящиеся полосы в поле». Старик охотно пояснил: «Если полосы короткие, возмет да достанется две полосы рядом, вот и двини, слово-то это старинное».

Значит, первичным могло быть и древнерусское название Дзини. Очевидно, восточные славяне довольно рано узнали о большой северной реке: имена таких рек и в древности были известны за тысячи километров. Да и все чаще на страницах научных журналов мелькает крамольная, на первый взгляд, мысль, что названия крупных рек совсем не обязательно являются самыми древними: они известны разным народам и потому тоже могли довольно быстро изменяться.

Таким образом, название Двина может быть и славянским, и тогда оно закономерно утратило начальное *д* в финно-угорских языках: эти языки не допускают стечений согласных в начале слов. Морские пришельцы — скандинавы — в свою очередь заимствовали название Вина у местной Заволочской Чуди.

Во всей этой заманчивой версии есть все же одно «но». Допустим, что древнее население края усвоило новое название реки, которое припели славяне. А как в таком случае получилось, что скандинавы уже в IX веке знали о реке Вина, ведь регулярные контакты восточных славян с финно-уграми в бассейне Северной Двины начались позднее?

Потому и надо считаться еще с одной версией: названия обеих Двин — Северной и Западной — дошли до нас от глубокой дославянской древности, уцелели от какого-то неизвестного индоевропейского языка. Тогда вроде бы все встает на свои места, да и смысл названия может быть тем же самым: ведь и в других индоевропейских языках есть основа *двин*, например, в литовском, где *двинай* — «близнецы», «двойня». А между прочим, и у Западной Двины два значительных истока.

ЕМЦА. В небольшом заболоченном озерке Шиликуново начинается Емца, после Ваги самый значитель-

ный левый приток Северной Двины. Только несколько километров отделяет это озерко от Онеги, но течет Емца в другую сторону — на восток. Топоним Шиликуново — своего рода предупреждение: шиликунами русские в старину называли особый вид нечистой силы — маленьких чертей в остроконечных шапках. Будто бы выходят они из воды перед Новым годом и всячески вредят добрым людям. Надо крепко подумать перед тем, как идти к озеру с таким названием. Ничего, видно, в этих болотах хорошего не было, только одни шиликуны.

Зато Емца река веселая и рыбная, правда, вода в ней темновата — и бежит из болот, да и кругом болота. И в истории названия Емца тоже много темного.

Если разделить название на две части Ем-ца, считая *ца* русским суффиксом, то сразу вспоминаются древние чудские названия Еменьга и Емозеро. Так и получилось в прошлом веке с известным финно-угроведом А. И. Шёгренем, который собрал все топонимы с основой *ем* и объявил, что они прямо указывают на финское племя Емь. Когда-то это племя якобы жило в бассейне Северной Двины, а затем не задалась у него жизнь в этих краях, и оно отправилось в нынешнюю Финляндию, где и объединилось с другим финским же племенем — Сумью. Но с течением времени было установлено, что никакой финской Еми в этих местах не было и что местная финно-угорская чужд сродни вепсам, саамам или волжским народам — мордве и марийцам. А вот докопаться до значения этой самой чудской основы *ем* ученым пока не удалось.

Другой путь намечил известный советский ученый — историк и филолог — А. И. Попов. Он решил, что гидроним Емца вообще не связан с такими наименованиями, как Еменьга, Емозеро. В этом названии скрывается древнерусское слово *емец* — «сборщик дани». Были в свое время такие емцы для русских феодалов людьми очень нужными, и хотя в наше время это слово напроць забыто, оно живет в фамилиях Емец и Емцев.

Освоение новых земель часто начиналось с создания населенных пунктов, в которых жили сборщики податей или взималась подать, — емецких городков. И действительно, в старорусских памятниках упоминается такой городок в устье Емцы, позднее Емецкая Слобода, а сейчас большое село Емецк, одно время бывшее даже районным центром Архангельской области. По населен-

ному пункту, стало быть, названа и река.

Одна незадача: Емецкий городок упоминается в документах XV века и, по мнению археолога О. В. Овсянникова, возник во второй половине этого века, а река Емца в памятнике XII столетия — уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича. Конечно, можно попытаться вывести название реки Емца прямо из нарицательного емец, или еще того проще — из другого древнерусского слова *емца* — «дополнительная плата», «подать». Но и это вызывает контраргумент: легко показать, что *ца* — русский суффикс, присоединенный к древней финно-угорской основе *ем*. В самом деле есть реки Сула и Сульца и летописные названия народов Пермь и Лузская Пермца. С другой стороны, поселение в устье Емцы явно существовало в том же XII веке. На это недвусмысленно указывает уставная грамота Святослава Ольговича. В общем, запутанная возникает картина, и здесь есть еще над чем подумать и лингвисту, и историку.

КЕВРОЛА. Привольно раскинулись среди пинежских пашен и лугов кеврольские деревни, или по-местному околки. Обычные северные деревни, не лучше и не хуже других. По административно-территориальному делению — Кеврольский сельсовет Пинежского района Архангельской области.

А когда-то здесь стоял город. Были и воеводский двор и таможенная изба. Все как положено. Еще в начале XVIII века в Кевроле было 28 церквей. Теперь же только археолог может найти следы городских строений...

Начало Кевролы — в глубокой древности. Стоял некогда на берегу Пинеги чудской городок. Жили здесь то ли карелы, то ли саамы-лопари, а может быть, и иная какая чужд, потому что средневековое Заволочье населяли самые разные чудские племена. Был вокруг города и вал и тын деревянный, а внутри стоял идол-хранитель. И называли этот городок Кегрела или Кегрола.

В XII веке, а может быть, и раньше, городком завладела новгородцы. Во всяком случае упомянута Кегрела в уставе князя Святослава Ольговича среди владений новгородских. А писан был этот устав в 1137 году. И замелькало с тех пор чудское название на столбцах княжеских грамот.

Но вскоре круто повернулась судьба городка. В XIV веке завладели им московские великие князья, и стал городок Кегрольский важ-

ным военным, политическим и экономическим форпостом Московской Руси в Заволочье. Настолько важным, что новгородцы в 1471 году даже спалили его.

До возвышения Архангельска главным городом в Подвинье были Холмогоры, а вторым по значению стал Кевроль, с начала XVI века центр Кеврольского воеводства, а затем Кеврольского уезда Архангелогородской губернии. Почему вдруг Кевроль? А дело в том, что слово город мужского рода. И по согласованию из Кеврола получился Кевроль-город, подобно тому, как из Карга поле — Каргополь.

А почему вместо *г* стали писать *в*? Очевидно, что в речи местного финно-угорского населения с течением времени *г* перешло в *в*. Чудь и русские долго жили в соседях. Кое-где в Подвинье чудь обрусела не раньше XVII века. Вот и проникло «новое» чудское произношение в русскую речь, а потом и в русские грамоты.

Можно даже определить, когда все это случилось. В грамоте 1505 года еще упоминается Кегрола, но уже в конце XVI века — кеврольцы (из кеврольцы), а в XVII веке — только город Кевроль.

Однако подъем Кевроля продолжался недолго. Он постепенно утратил функции города-крепости, главный путь в Сибирь прошел севернее — через Пинежский волок на Мезень, а тут еще Пинега изменила русло и отошла в сторону от Кевроля...

В 1784 году Кевроль перестал быть уездным городом и постепенно захирел. Сохранилось только имя, которое удержалось в названиях волости и села — Кеврола.

Академик А. И. Шёгрен более ста лет тому назад установил, что название Кеврола (из более древнего Кегрела, Кегрола) образовано от карельского слова *кэгри* — «бог — покровитель скотоводства». Так как суффикс *ла* в прибалтийско-финских языках обозначает место, первоначальное Кегрела можно перевести «У идола-хранителя скотоводства». Так что сейчас это название — последний памятник и чудскому городку и русскому городу.

КИРИЛЛОВ. В 1397 году монахи московского Симонова монастыря Кирилл покинул столичные места и удалился в Белозерье. Место для поселения он выбрал близ Шексны между трех небольших озер — Сиверским, Долгим и Лунским. Рукой подать отсюда до Белого Озера и до Кубенского, недалече была и Вологда. И место бойкое, и самой

природой защищенное отменно, и рыбная ловля самая что ни на есть превосходная.

По легенде, начинал старец скромно — жил в пещере, но скоро посыпались на него княжеские благодеяния: рыбак рыбака видел издалека. И вот уже пишется грамота: «Се яз князь Андрей Дмитриевич пожаловал есми своего старца Кирилла...». А пожалования разные, но главное — пошлин не платить.

Умер Кирилл в 1427 году, когда в монастыре было уже полсотни монахов. И стал Кирилло-Белозерский монастырь крупнейшим церковным феодалом на Русском Севере. Возникла, как водится, и подмонастырская слобода, где жили служивые люди, ремесленники и торговый люд. В 70-х годах XVIII века эта слобода была преобразована в уездный город Кириллов, ныне районный центр Вологодской области.

Давно уже нет монахов в Кириллове, но по-прежнему возвышаются на берегу Сиверского озера белые стены красавца-монастыря. Сейчас здесь историко-художественный музей-заповедник.

СУХОНА. Кому не известна эта большая северная река, пересекающая всю восточную часть Вологодской области? Да и название ее как будто бы не таит в себе ничего особенного: Сухона — уж наверное от слова *сухой*. Но когда присмотришься, начинаются неожиданности.

Прежде всего были споры о том, что считать Сухоней. С исток-ком все в порядке — начинается эта река в большом озере Кубенском. А вот куда она впадает?

На карте видно, что две наиболее значительные реки Вологодчины — Сухона и Юг, — сливаясь, дают начало Северной Двине, сперва Малой, а потом — за Котласом, после слияния с Вычегдой, Большой. Так что ни капитаны речных судов, ни туристы не заблудятся — на карте все точно обозначено. Да и в старину отсчет двинскому течению начинали с устья Юга.

И все-таки нет-нет, да и встретится в какой-нибудь старой книге такое, например, рассуждение: «Хотя и доселе считают, что Двина составляется из двух рек — Сухоны и Юга, но так как Юг по значению своему уступает место Вычегде, то он может быть принимаем за приток Сухоны, и в таком случае можно полагать, что Северная Двина составляется из слияния двух главных ветвей — Сухоны и Вычегды».

Не будем, однако, покусаться на то, что уже прочно утвердилось. Гидрографы хлеб тоже не зря едят

и дело свое знают. Вернемся лучше к названию.

Сухона — река большая, да мелкая. Есть на ней и перекаты, и пороги. Малая Северная Двина тоже неглубока. Вот что писал в начале XX века путешествовавший по Вологодской губернии Ю. М. Зубов: «Нижняя часть Сухоны, названная «верхнею Двиною», так мелководна, что для глубоко сидящих судов может служить только весною». Поэтому и стала, наверное, река Сухоней, то есть «Сухой рекой». Но у дотошных лингвистов возникает сразу целая куча вопросов. Почему в русской топонимии на каждом шагу встречаются названия Сухая река, Сухой ручей, Сухое озеро, а Сухона только одна? И что это вообще за окончание *она* в русском географическом названии? И откуда такое ударение — ведь в местном произношении Сухона, а не Сухона?

Немецкий славист Макс Фасмер подумал было, что название Сухона возникло из более древнего Суходна — «Река с сухим дном», но тут же засомневался в правильности этого предположения, вспомнив к тому же, что в одном древнерусском памятнике XIV века есть слово *сухона* — «сухость». Значит, было такое слово со старинным суффиксом *на* в русском языке. А вот употреблялось ли оно в топонимии?

Самый верный способ узнать это — справиться в картотеке Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета, где больше миллиона топонимических карточек. Вот и ящик с индексом СУ. Ну, и что он нам подскажет? Оказывается, кроме всем известной вологодской Сухоны есть еще речка Сухона, ручей Сухонец и луг Сухоны в Архангельской области, очень далеко от Вологодчины. Значит, и в топонимии употреблялось это древнерусское слово, которое обозначало сухие водоемы и урочища. А в местной диалектной речи оно не сохранилось. Так часто бывает. И топонимы осиротели. Ничто их более не связывало друг с другом. Каждый существовал сам по себе в своем большом или малом топонимическом мире.

Сейчас трудно сказать, какое ударение было сперва в древнерусском гидрониме Сухона. Но с течением времени в изолированном слове-сироте закрепилось ударение на первом слоге, повлияли местные финно-угорские названия, у которых всегда начальное ударение — Вологда, Ихалица, Уфюга и другие. И оказался гидроним Сухона в одной компании с такими загадочными словами, как Кубена или Сям-

жена. Нутром чувствуешь, что русское название, а доказать трудно.

ТИМАНСКИЙ КРЯЖ. От берегов Чешской губы Баренцева моря до верховий Вычегды протянулись между бассейнами Мезени и Печоры горные хребты Тиманского Кряжа, или просто Тимана. Без малого 900 километров длиной Тиман, но невысок — самая значительная вершина всего 471 метр. Старые это горы, разрушенные. На севере они покрыты горными тундрами и болотами, южнее — таежными лесами. Лишь кое-где возвышаются скалистые вершины.

Край оленеводов и охотников после революции обжили геологи. Здесь нашли месторождения нефти и газа, но и сейчас Притиманье — глухая сторона, где мало населенных пунктов и много туристов.

Иногда Тиманский Кряж называют Тиманским хребтом, арктическое побережье между мысами Святой Нос и Русский Заворот — Тиманским берегом, Малоземельскую тундру — Тиманской тундрой. Различают и части Тиманского Кряжа: хребты Тиманский Камень, Чайцынский Камень, Косминский Камень, Хайминский Камень.

Местные жители — ненцы — называют Тиманский Камень Арка Па — «Большой Камень», очевидно, потому, что он самый значительный из хребтов Тиманского Кряжа. А вот откуда взялось русское название? Точнее — определение Тиманский, поскольку «каменьями» русские издавна именуют горные хребты со скальными вершинами, и никакой тайны здесь нет.

От довольно популярного в свое время русского личного имени Тимофей было много производных: Тима, Тимоха, Тимоня, Тимоша, а также Тиманя, Тимаха, Тимаша. Кроме того, некогда были имена, которые сейчас уже вообще не встретить — Тимолай и Тимон. И от них могли возникнуть такие же производные.

Жил, видно, или промышлял в старину некий Тиманя — Тимофей на Тиманском Камне или Тиманском берегу и сохранилось в памяти народной его имя.

А подтверждает это предположение имя повгородского крестьянина Тимана, упоминаемое в памятнике 1545 года, русская фамилия Тиманов и название вологодской деревни Тиманова Гора. Одно только неясно, кто был этот самый Тиманя.

ТРАЕКТОРИЯ

Повесть

Александр ЛЕОНИДОВ

Рисунки Николая Павлова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

На строительстве девятиэтажного дома погиб — упал в лестничный проем — программист Вычислительного центра Хохлов Алексей Иванович. На стройку он был послан временно, подсобным рабочим.

Молодому следователю прокуратуры Приваловой Ларисе Михайловне поручено разобраться в обстоятельствах гибели Хохлова. Предварительное заключение: несчастный случай. Алексей Иванович был близорук, медосмотр на стройке не прошел, мог оступиться в незащищенный досками провал.

В ходе следствия Привалова находит на стройке безответственность, пренебрежение техникой безопасности, пьянство плиточников Жижина и Бабарыкина во время работы, кражу стройматериалов, приписки и взятки со стороны прораба Дербеко. Узнает, что Хохлов, человек честный и принципиальный, не раз возмущался этими безобразиями, писал письмо по этому поводу начальнику строительного управления Мизерову. Однако тот, озабоченный своей карьерой, сунул письмо Хохлова в долгий стол, а на следствии попытался свою вину за допущение Хохлова к работе без медосмотра переложить на главного инженера Омелина.

Чем больше вникала в жизнь строителей следователь Привалова, тем отчетливее становилась мысль: Хохлов мог и не оступиться, его могли толкнуть в проем, то есть — убить умышленно.

На четвертом этаже строящегося дома, где произошла тра-

гедия, Привалова обнаружила закатившуюся в щель между плитами пуговицу от верхней одежды. Такое впечатление, что пуговица была вырвана. Находку видели понятые и прораб Дербеко. После этого к вдове Хохлова пришел какой-то мужчина и попросил вернуть спецодежду погибшего: мол, числится она за строителями и ее нужно сдать. Вдова одежду отдала. Но строители утверждают, что никого с таким поручением не посылали. Значит, кому-то все-таки понадобилось уничтожить вещественное доказательство, тем более, что технический инспектор, первым проводивший осмотр, впоследствии показал, что у телогрейки, в которую был одет погибший, не хватало верхней пуговицы.

Беседуя со вдовой Хохлова, Лариса Михайловна установила, что в прошлом году ее муж отдыхал на Алтае, в глухой деревушке Шадринке. В отделе кадров строительного управления, расследуя приписки, следователь обратила внимание на личное дело плотника Данилова со стройки девятиэтажки — он был родом из Шадринки. Совпадение? Возможно. Между тем плотник Данилов был, судя по всему, первым, кто подбегал к упавшему Хохлову, и многое в протокол попало с его слов. Кроме того, Приваловой случайно стало известно, что в Шадринке живет родной брат Данилова — Михаил Дементьевич, и именно у него останавливался прошлым летом Хохлов...

Какая-то неясность в поведении плотника Данилова заставила следователя насторожиться.

20.

Решительно хлопаю дверцей «Нивы», поднимаясь на крыльцо прокуратуры и стараюсь незаметно проскользнуть мимо открытого кабинета Селиванова. Но мне это не удается.

Селиванов, угрюмо скрестив руки на груди, словно ревнивый отец, поджидающий легкомысленную дочь с затянувшегося свидания, стоит в дверном проеме.

Наивно взмахиваю ресницами.

— Ты еще не ушел, Евгений Борисович?

— Удружила, — мрачно роняет он.

Делаю непонимающее лицо. Но это не вводит в заблуждение моего коллегу.

— Нет, конечно... У тебя сердце девичье, слабое. У Селиванова оно железное, все выдержит. И рыдания бедной женщины, на глазах у которой мужа увозят в тюрьму, и ее бесконечные расспросы. Селиванову же делать нечего. Сиди караул твоего Дербеку да с женой его отваживайся. У Селиванова сроки расследования не горят, у него все отлично, ему и обвинительное печатать не надо...

Хочется сказать что-то приятное.

— Евгений Борисович, тебя до дому подбоксить?

— Я ночевать не поеду, буду здесь сидеть, навостривать упущенное с Дербеками время, — отвечает Селиванов с достоинством индейского вождя, привязанного к столбу пыток.

— Ну, раз так... — приподнимаю я плечо.

Догадываясь, что дальнейшее упорство может привести к долгой поездке в стильном троллейбусе, Евгений Борисович снисходит:

— Уговорила... Когда надумаешь, загляни.

Киваю и спешу в кабинет прокурора.

Лицо Павла Петровича, освещенное тусклым светом высоко подвешенной люстры, кажется еще более уставшим и старым.

— Лариса Михайловна, опять ты забываешь чувство меры, — с безнадежностью в голосе укоряет он, глядя при этом куда-то выше меня.

Лихорадочно соображаю, с кем это я могла утратить бдительность? На память ничего не приходит, и, опустившись на стул, перехожу в атаку:

— Я?!!

Но шеф, пропустив мимо ушей мое восклицание, негромко говорит:

— Что у тебя с Мизеровым произошло?

— Накляузничал?

— Звонило районное начальство. Говорило, что следователя заменить надо, а то направили молодую особу, она и дров наломать может — со

своим-то девичьим максимализмом. К тому же дерзит ответственному товарищу.

Язвительно хмыкаю:

— Нашел-таки ходатаев... Оперативный субъект этот Мизеров. Почуял, что почва под ногами заколыхалась, сразу звоночек организовал.

— Лариса, давай без сейсмических штучек, — просит Павел Петрович. — Объясни, что в этом стройуправлении происходит, а то Мизеров так все представил, будто из-за тебя план ввода объектов народного хозяйства срывается.

Подробно обрисовываю шефу ситуацию, в которой оказался начальник управления, как он пытался прикрыться Омелиным, а Дербеко склонить к оговору главного инженера.

— Значит, я поступил правильно, — как бы про себя произносит шеф.

— Не поняла, — говорю я и улавливаю, что сказала это совсем как мой Толик, оказавшись оп на моем месте.

— Одним словом, попросил больше не звонить, — словно досадуя на непонятливость своей подчиненной, отрезает Павел Петрович.

Зная отношение шефа ко всякого рода добротам, представляю лицо «районного начальства», выслушавшего эту скромную просьбу прокурора, и довольна.

Кашлянул, шеф хмурится.

— Радоваться пока нечему...

Тогда я сообщаю Павлу Петровичу о своем намерении посетить глухую алтайскую деревушку Шадринку. Он удивлен. Можно подумать, будто я не шесть лет назад, а только вчера переступила порог нашей прокуратуры, и он совсем-совсем не знает меня. Наконец шеф интересуется:

— И давно ты это решила?

Искренне признаюсь, что минут двадцать назад. И хотя весьма смутно представляю себе цель поездки, обрушиваю на шефа доводы. Он сочувственно и понимающе кивает, однако принять решение не торопится. Рассудив, что внятно объяснить вряд ли удастся, меняю тактику.

— Ну, дайте командировку, — почти ною я.

Прокурор морщится.

— Дня на три, — как бы уличая его в скупости, требую я.

Павел Петрович вздыхает.

— Ладно... Скажи Татьяне, пусть выпишет командировочное удостоверение... На неделю хватит?

Он так долго сопротивлялся, что меня прямо-таки подмывает поторговаться, но осекаюсь и проникновенно произношу:

— Спасибо.

Танечка Сероокая, узнав, куда я еду, ужасается:

— Одна?! На край света! Кошмар!!

Соглашаюсь, что случай действительно кошмарный, но деваться некуда — работа такая.

Неодобрительно косясь в сторону прокурорской двери, Танечка спрашивает:

— Шеф посылает?

— Угу, — обреченно киваю я.

21.

Селиванов бодро прощается, неуклюже соскальзывает с сиденья «Нивы». Отъезжая, бросаю взгляд в зеркало заднего вида, на фигуру в стареньком пальтишке. На душе становится мутно. Бедный Селиванов! Чужое одиночество начинаешь ощущать, когда самой приходится возвращаться в пустую квартиру. Но мама, папа, мой любимый непременно и скоро вернутся, а вот вернется ли жена Селиванова?.. Не каждая женщина способна смириться и найти в себе силы вновь взвалить на плечи и безропотно тащить крест жены следователя. Толику, если он все-таки решит на мне жениться, придется несравненно труднее. Мужчины такие слабые.

На проспекте Дзержинского, ярко освещенном лунным светом уличных фонарей, замечаю женщину с завернутым в одеяло ребенком — она пытается остановить идущие мимо такси. Сверток с младенцем такой огромный, а женщина такая миниатюрная, что я притормаживаю. Батюшки! Да это же Валентина!

Валентина просовывает голову в кабину...

— Лариса?!

В голосе моей коллеги по работе столько удивления, будто перед ней по меньшей мере актриса Ирина Алферова, которая совершенно случайно приехала в родной город и решила ни с того ни с сего подвезти продрогшую на остановке следователя прокуратуры, находящуюся в отпуске по уходу за ребенком.

Аккуратно придерживая свое сокровище, зовущееся Катькой, Валентина устраивается на сиденьи.

— Ну, как вы там? Как Павел Петрович, Селиванов, Танечка?

— Лучше всех, — сообщаю я. — Только вот на время твоего отпуска нам никого не дали... Ты-то как? Устаешь?

— Не то слово, — вздыхает она, поправляя что-то кружевное внутри одеяла. — Вот из поликлиники возвращаемся... Везде одни... Папа у нас все работает, преступников ловит, в засадах сидит. А мы с Катей дома сидим, — Валентина поворачивается ко мне. — Кирилл из отдела не вылазит... А с Катькой столько хлопот...

— Конечно, — киваю я, хотя не очень понимаю, какие хлопоты может доставить такая малютка.

— Чужие — они быстро растут, а вот своя! — словно подслушав мои мысли, восклицает Валентина. — Я, Лара, до тридцати лет дожила и не представляла, что это такое — свой ребенок. Привезла из роддома, а подступиться боюсь. Тебе-то легче будет, у тебя мама под рукой... Я первое время и пеленать опасалась. Да ты и сама видела.

Это правда, видела. Когда мы всей прокуратурой, толкая перед собой импортную джинсовую, с огромным трудом добытую коляску, пришли поздравлять Валентину...

— А у тебя с Толиком как? — спрашивает она.

— Отлично.

Валентина смотрит недоверчиво.

— Да? И чего вы с ним дожидаетесь? Ну, его-то понять можно — мужчина, а ты о чем думаешь? С меня пример не бери. Не дело это — в тридцать лет первый раз замуж выходить.

— Конечно, не дело, — невесело улыбаюсь я.

— Мы все привыкли: работа, работа, будто кроме нее на свете ничего нет... Вот родишь, тогда поймешь, что кроме нее тоже есть кое-что.

Валентина любовно склоняется над своим свертком.

Мне возразить нечего. Молчу.

22.

Что может быть проще: садись за руль «Нивы» и через четыре часа ты в Барнауле. А дальше? Дальше — дорога на Шадринку. Она-то меня и пугает. Стоит только представить узкую заснеженную колею, пургу, одинокую красную точку «Нивы» среди белых полей, как тут же пропадает желание выводить машину из гаража. В Шадринке я не была, но что такое дорога в глухую алтайскую деревню — догадаться не сложно, даже при моем знании географии тех мест.

Размышляя таким образом, торопливо проглатываю осточертевшую за время маминого отсутствия яичницу и начинаю собирать нехитрые пожитки. К моему огорчению их оказывается слишком много, и я всерьез задумываюсь о чемодане, но сообразив, что оба уехали с родителями греться под лучами кавказского солнца, заставляю себя отложить некоторые вещи, успев с горечью отметить, что именно они могут оказаться самыми незаменимыми.

При расследовании преступлений мне почти не приходится бывать за пределами Новосибирска. А когда появляется необходимость, прибегаю к помощи иногородних коллег. Я тоже иногда

исполняю поручения следователей Омска, Кемерово, Красноярска, Свердловска, реже — Москвы, Кирова, Сухуми, Кишинева. Закон предоставил нам такое право: перепоручать допросы работникам других прокуратур, по месту жительства свидетелей. И сейчас можно было воспользоваться этим правом, но три дня пробег почты туда, два дня на исполнение и три — обратно... Позволить себе это я не могу. Да и ведет меня в Шадринку прежде всего интуиция...

До Барнаула — поездом, а там успеваю на последний автобус. В райцентр попадаю уже к тому часу, когда наглухо закрыты двери всех магазинов, столовых, предприятий бытового обслуживания, когда жители, вернувшись с работы, сидят перед телевизорами и смотрят какой-нибудь цветной художественный фильм, снятый в Крыму или на Кавказе. Пассажиры бойко выпрыгивают из автобуса и, пока я раздумываю, в какую сторону идти, скрываются, словно тают, в глухой темноте. Оглядываясь и вовремя замечаю высокого мужчину, который, приподняв плечи и сделав широкие ладони лодочкой, прикуривает на ветру. Огонек от спички мечется из стороны в сторону, освещая нижнюю часть его лица.

— Вы не подскажете, как добраться до гостиницы? — кутаюсь в мягкий и пока еще теплый воротник шубы, спрашиваю я.

— Мне как раз в ту сторону, — не выпуская из зубов папирсы, отвечает мужчина. — Идемте, провожу.

Склонившись навстречу летящему снегу, бреду по узенькой тропке, вьющейся среди сугробов, за моим провожатым. Иногда теряю тропу и оступаюсь в рыхлый сыпучий снег. Стараясь не выпускать из вида сутулую спину, выбираюсь из сугроба и снова пагаю. С облегчением вздыхаю, когда, пройдя по шаткому деревянному мостику и поднявшись на пригорок, вижу сквозь пургу едва различимые огни большой витрины и несколько двухэтажек с освещенными окнами.

— Слева от универсама гостиница, справа — райисполком и милиция, — повернувшись ко мне, старается перекрыть завывания ветра мой спаситель.

— Спасибо! — кричу в ответ и бегу к заметному крыльцу.

В холле полумрак. Только над барьерчиком администратора горит настольная лампа, отбрасывая теплые, ярко-желтые лучи на полированные панели, ручки кресел, журнальный столик. Дежурная по гостинице круглолицая женщина лет сорока, пряча в пуховую шаль полную шею, смотрит в мою сторону. Вид у нее бдительный и до крайности безоружный. Она прищуривается, но, должно быть, кроме очертаний моей фигуры ни-

чего различить не может, я же вижу каждую черточку ее лица.

Выходя на свет, здороваюсь. Успокоившаяся дежурная мягко улыбается.

— Здравствуй, моя хорошая. Откуда в такой поздний час?

— Из Новосибирска, — отвечаю, протягивая ей документы.

— И надолго к нам? — спрашивает дежурная, неторопливо изучая командировочное и служебное удостоверение.

— Переночевать.

— А дальше?

— В Шадринку.

— И как добираться думаешь? — с участием интересуется она.

Пожимаю плечами. Дежурная вздыхает.

— Дорогу, поди, за ночь завалит совсем...

Кошусь на черное окно и тоже вздыхаю.

— Вполне возможно... Я в ваших краях впервые.

— Оно и видно, — качает головой дежурная, принимаясь разглядывать через барьер мои сапожки на плоской подошве.

Начинаю отогреваться и вместе с возвращением к жизни вновь обретаю эмоции. Потихоньку начинает раздражать сердобольное любопытство дежурной.

— Мне бы коечку, — говорю я.

— Можно и коечку, можно и номерок... Гостиница нынче пустая. Кто к нам в такую пургу попрется... Так коечку или номерок?

— Лучше одноместный номер, — отвечаю я, предвкушая горячий душ, прохладные простыни и теплое верблюжье одеяло.

— Можно и номерок, только там батарея перемерзла, придется спать под матрасом.

— Как под матрасом?

— Матрац снизу, матрац сверху, — как само собой разумеющееся объясняет она. — Для тепла.

— И везде так? — упавшим голосом интересуюсь я.

— Почему везде?.. Рядом двенадцатиместный... Она перехватывает мой взгляд и успокаивает. — Не волнуйтесь, он пустой, а батарея — сущий ад, и плата удобная — семьдесят копеек.

Соглашаюсь, не раздумывая:

— Тогда коечку!

Подхватываю дипломат, но она окликает меня:

— Поди, с последнего автобуса?

— Да.

— Голодная?

— Да не очень, — отвечаю скромно, а в глубине души робкая надежда на ма-аленький кусочек черствого хлеба...

— Устроись — приходи, — говорит хозяйка.

В номере расстелила аккуратно заправленную постель. Стараюсь делать все нарочито медленно, чтобы не прискакать раньше времени, но тем не менее выхожу в холл, когда электрический чайник еще только начинает выпускать первые клубы пара.

— Вот и молодец, — говорит дежурная. — Не люблю копуш. Заходи ко мне.

Прохожу за барьерчик и невольно впиваюсь глазами в нарезанное крупными ломтями, надтреснутое посередине бледно-розовое сало и горбатый пахучий хлеб, который, кажется, ткни пальцем — и захрустит. Рядом, багряно отсвечивая в лучах настольной лампы, стоит литровая банка с вареньем из смородины.

— Проголодалась, — довольно констатирует дежурная, заливая старую заварку кипятком. — Бери, не стесняйся, а я чаек погоняю, не хочется чего-то есть.

Для приличия приступаю не очень активно, но, подбадриваемая хозяйкой, увлекаюсь и оста-навливаюсь, лишь когда последний ломтик сала исчезает со стола.

— Сейчас еще подрежу.

— Ой, спасибо! Объялась! — без тени лукавства выдыхаю я, ощущая, как меня начинает клонить в сон.

Дежурная усмехается.

— Сомлела... Варенье бери...

И, когда я зачерпываю полную столовую ложку и выливаю в третий по счету стакан, спрашивает:

— Как же ты думаешь до Шадринки добираться?

— Как-нибудь.

— Ладно, поедешь с моим Петром, мужа так зовут. Он шофером на лесовозе работает, завтра как раз туда едет. Только встать рано придется, часов в шесть.

Сплю с таким блаженством, как не спала давно. Тепло, хоть одеяло скидывай, но я не скидываю, отогреваюсь впрок. Во сне чувствую, как меня легонько трясут за плечо.

— Вставай, а то Петр уедет, будешь потом попутную ловить, — слышу над ухом негромкий голос дежурной...

Пурга немного утихла, но мороз стал резче. Временами из-за туч выглядывает холодная, белая, как лист бумаги, луна. У ворот кирпичного особняка стоит лесовоз с мерно работающим двигателем.

Не успевает хозяйка распахнуть калитку, как окна в доме гаснут, и на крыльце появляется мужская фигура. Дежурная спешит к мужу.

— Петр, я вот тебе обещанную пассажирку привела, познакомься.

— Мы уже знакомы, — отвечает тот.

И я узнаю в нем мужчину, указавшего мне дорогу к гостинице.

Поддержнув юбку, взбираюсь на высокую подножку и ныряю в прогретую кабину. Петр машет жене рукой, переключает скорость, и лесовоз, рыкнув, срывается с места.

— Как вас зовут? — на выезде из райцентра интересуется Петр.

— Лариса.

— Можете вздремнуть, Лариса. Дорога длинная, около трех часов. Если все нормально будет, остановимся у старой заправки, перекусим.

Хочу последовать его совету, но это не так просто. Машину швыряет из стороны в сторону, подбрасывает на снежных ухабах. Сзади что-то угрожающе гремит...

Дорога до Шадрипки проходит без происшествий, и лесовоз, прогремев по единственной улице села, останавливается перед избой из толстых бревен. Парадное крыльцо с высокими ступенями и навесом, поддерживаемым резными столбиками, говорит о том, что это не просто изба, а административное здание.

— Если вам в контору, то вот она, — говорит Петр. — Мне дальше.

В конторе только пожилой мужчина. Он сидит за столом и с насупленным видом щелкает костяшками счетов.

— Извините, как мне найти Даниловых? — спрашиваю я.

Щетинистые брови мужчины удивленно вскидываются.

— А вы кто будете?

— Следователь...

У дома, к которому подводит меня человек из конторы, спохватываюсь:

— Ой, а Даниловы одни у вас в селе?

— Одни, — прокашлявшись, отвечает тот. — Еще старики были, да померли лет пять назад. Сперва Дементий Фролыч, а вскоре и супруга его Елизавета Трофимовна... А Михайлов брателник — Тимофей смотался куда-то. Чего-то они с Михаилом не поделили.

Мой спутник толкает тесовую добротную калитку, и мы оказываемся в широком дворе, крытом длинными жердями. Снега здесь почти нет, и белая «Нива» чувствует себя вполне уютно рядом с пугливо отпрянувшими от нас овцами.

— Хозяева! — громко окликает человек из конторы, а когда в дверной проем просовывается лохматая мужская голова, внушительным тоном сообщает: — Вот, Михаил, гостя к тебе... Из Новосибирска, — делает паузу и еще внушительнее добавляет: — Следователь...

Михаил, высокий мужчина лет сорока пяти, с

широкой грудью и длинным, чуть загнутым книзу носом, озадаченно чешет рыжую щетину на щеках и подбородке.

— Следователь?.. Из Новосибирска?.. Ко мне?.. — Он застегивает верхнюю пуговицу клетчатой байковой рубашки и, откинув назад волнистые волосы, смущенно кашляет в пудовый кулак. — Ну что ж, милости просим...

Снимаю шубу и сажусь на табурет, с которого Данилов тоже предусмотрительно смел ладонью крошки.

Несколько минут сидим молча. Потом спрашиваю:

— Михаил Дементьевич, у вас есть брат?

— Был да сплыл, — невесело усмехается хозяин.

— Вы с ним из-за чего-то поссорились?

— Было дело, — неохотно отвечает он.

— Если не секрет, из-за чего? — осторожно настаиваю я.

Данилов огорченно хлопает себя по острому колену.

— Какой там секрет! Вся деревня знает. Тимоха такой шум поднял, только держись, — он замолкает, видит, что я жду, и говорит: — Глупость, конечно, получилась. Но я не виноват, ей-богу!

— Все-таки что между вами произошло?

Данилов проводит рукой по щеке, морщится.

— Стыдно даже рассказывать... Короче, наследство не поделили. Смех да и только... Отец у нас пять лет как помер, и маману в тот же год, в декабре, схоронили. Хворала она долго. А Тимоха ее любимчик был, первенец он. Ну, и собрала нас как-то мамаша. Говорит: дом ихний с отцом, то есть этот вот, — Данилов обводит глазами кухню, — и деньги, что у нее на книжке скопились, завещает она одному Тимохе. А денег было порядком, тратить-то им с отцом некуда было. Мне тогда сразу обидно стало. Как же так, думаю, когда отец помер, мы с Тимохой от своего наследства в пользу мамаша отказались, а она все ему... Несправедливо это. Он холостяк, а у меня жена да трое парней. Отец никогда так не сделал бы. Но перечить мамаше я не стал, сильно плохая была... Вскоре и померла, — Данилов разминает корявыми пальцами дешевую сигарету, закуривает. — Похоронили, поминки справили, как полагается. Через несколько дней я к нотариусу в район подался. Не может же так быть по нашему советскому закону, что Тимохе все, а мне ниш с маслом. Ведь до последних мамашиних дней жили мы в одном доме, ухаживали за ней. Супруга моя и ее обстирывала, и Тимоху самого, кашеварила на всех... Рассказал все как есть про мамашино завещание, а нотариус с меня давай бумагу требовать. Нету, говорю, у меня никакой

бумаги. Так что, спрашивает, не ходила мать к нотариусу завещание оформлять? Нет, отвечаю, на словах сказала. Нотариус аж раскраснелась вся, как мне разъясняла, что да как. Написал я какое-то заявление и поехал с тем, что по нашему закону, как и полагал я, половина дома и вклада мне причитается, а другая — Тимохе... Приехал, давай все ему выкладывать. Так и так, говорю. Он как подпрыгнет, словно голой пяткой на уголья наступил: дескать, плевать хотел на твоих домочадцев, не позволю, кричит, мамино слово нарушать! Давай я его укорять, а он вообще зашелся. Кричит: может, я бы и сам отдал тебе половину, а коль так, ничего не получишь!.. И пошло, и покатило, словно и не братья... Так и воевали все полгода, пока я свидетельство на наследство не получил. Тимоха и с нотариусом успел переругаться, но все равно больше положенной половины ему не дали. Снял он свои денежки с книжки, напился, как поросенок, и пришел со мной силой мериться. Я хоть и пониже, но в плечах ширше... Короче, заломал его...

Бросаю взгляд на тяжелые кулаки собеседника и мысленно представляю, во что могла вылиться эта стычка.

— Михаил Дементьевич, у вас случайно не найдется фотография вашего брата?

Данилов морщит лоб.

— Нет. Откуда у нас в деревне фотографии. Когда еще мальцами были, родители возили в райцентр сфотографироваться, а постарше стали — ни к чему вроде, — грустно говорит Данилов, видит на моем лице разочарование и улыбается, показывая крепкие, желтые от табака зубы. — Да вы на меня гляньте — полный портрет, фото не надо. Только Тимоха постарше да понасушленнее, да и ростом чуток выше.

По растопыренным пальцам собеседника понимаю, что этот «чуток» измеряется сантиметрами десятью. Пользуюсь предложением и еще раз вглядываюсь в его лицо. Никакого, даже отдаленного, сходства между ним и «Дементьичем» со стройки. Спрашиваю:

— Что было после того, как вы схватились с братом?

Данилов поводит широкими плечами.

— Поднял я его, отряхнул, он только глазами сверкает да зубами скрипит. Тимоха вообще у нас психоватый был, особенно в детстве. Как змеей зашипел: «Знать тебя не желаю, подавись своим домом!» А на следующий день забрал из конторы трудовую книжку. Это уж мне люди потом рассказывали. Тимоха-то со мной даже не попрощался. Вещи скидал, деньги прихватил, а их ни много ни мало двенадцать тыщ ему досталось. Родители-то всю жизнь копили, по курортам не

ездили, гарнитуров разных не покупали, — Данилов замолкает, потом сокрушенно покачивает головой. — Попуткой Тимоха и уехал в Барнаул...

— Вы так и не знаете, где он?

Данилов качает головой.

— Откуда?.. Писать он не пишет, а известия самые разные слышал.

Мгновенно настораживаюсь.

— Какие же?

— К примеру, Кургуз Мария, сестра жены моего сродного брата, она в Барнауле проживает, на вокзале кассиром работает, говорила, когда прошлым летом сюда отдыхать с ребятишками приезжала, что Тимоха вроде до Омска билет брал. А прошлым летом жил тут у нас турист один из Новосибирска, ученым работает, на каких-то больших машинах чего-то считает, так он с месяц назад письмо непонятное прислал: вроде Тимоха с ним на стройке работает. Я думал, ученых только к нам в деревню на уборку посылают, а оказывается, они и дома строят.

— Письмо сохранилось? — нетерпеливо прерываю я.

— Было где-то... На машинке напечатано, читать любо-дорого. Сейчас поищу.

От волнения не знаю, куда деть руки, и не нахожу ничего лучшего, как засунуть их в карманы юбки. Данилов неторопливо открывает фанерный буфет, с озадаченной физиономией, отчего кажется, что его нос и вовсе опустился на нижнюю губу, перерывает все ящики, гремя посудой, осматривает полки, наконец радостно восклицает:

— Вот оно!

Вынимаю из конверта лист бумаги и сразу узнаю прыгающие буквы старенькой «Москвы» Хохлова. Пробегаю текст глазами. Еще раз перечитываю те строки, ради которых стоило ехать не только в Шадринку, но и в саму Тьмутаракань.

«...На стройке, где я сейчас работаю из-за квартиры, есть плотник. У него имя, отчество и фамилия Вашего брата. Мне это представляется чрезвычайно подозрительным. Насколько помнится, Вы говорили, что Ваш брат Тимофей Дементьевич очень похож на Вас, только выше ростом. Этот Данилов очень небольшого роста и совсем на Вас не похож. Как-то в разговоре я поинтересовался, не из Шадринки ли он? Данилов рассказал историю о Вашей ссоре с братом из-за наследства, но, когда я начал выяснять особенности местности, где Вы живете, он стал путаться и под благовидным предлогом прервал разговор. Хочу выяснить, что он за личность, переговорив с ним напрямик. Если не удастся, обращусь в милицию...»

— Больше писем не было?

Михаил Дементьевич разводит руками.

23.

Обратная дорога до Барнаула занимает гораздо меньше времени. Михаил Дементьевич подвезит меня на своей «Ниве» к райцентровскому автовокзалу за несколько минут до отхода рейсового автобуса, который на этот раз бежит быстрее. Пурга кончилась, и укатанное шоссе, отражая солнце, слепит глаза.

Мария Кургуз, сестра жены сродного брата Данилова, оказывается на своем рабочем месте — в кассе железнодорожного вокзала. Допросив ее, узнаю, что действительно пять лет назад, в июле, Тимофей Данилов покупал билет до Омска...

Поезд приходит в Омск без опоздания. Но не в семь утра, как я рассчитывала, а в шесть. Во всем виноват один субъект, чью фамилию я где-то встречала, но никак не могу припомнить. Он придумал часовые пояса и столько налепил их в Сибири, что теперь в Омске одно время, в Новосибирске и Барнауле — другое, в Иркутске и Улан-Удэ — третье. Вот и мучаюсь. Никогда не думала, что какой-то час может доставить столько долгих и пустых минут. Брожу по вокзалу как неприкаянная. В конце концов решаю хоть как-то убить время и иду к ресторану, но он закрыт, причем на такой большой навесной замок, что кажется,

его никогда не откроют. Бреду дальше. Встаю в очередь к буфетной стойке.

Перекусив, возвращаюсь к своему занятию — беспечному времяпрепровождению. Но тут замечаю кабину междугороднего телефона-автомата. Прикрываю за собой дверь и, опустив в щель пятнадцатикопеечную монетку, набираю номер. Услышав отзыв абонента, нажимаю кнопку.

— Павел Петрович, вы не спите?! — кричу я.

— Это ты, Привалова?.. Не сплю, — сонным голосом отвечает шеф. — Ты откуда: из Барнаула или из дома?

— Из Омска.

Секунд пять-шесть Павел Петрович молчит, пережевывая информацию, потом спокойным голосом, будто ему по меньшей мере час назад сообщили, где я нахожусь и чем намерена заниматься, спрашивает:

— И надолго ты?

— Дня за два управлюсь, — оптимистично заверяю я, хотя сама толком не знаю, что выйдет из моей поездки.

— Лариса... Ты все на себя не бери, свяжись с уголовным розыском... Мне так спокойнее будет.

Похоже, моя чрезмерная расторопность начинает его тревожить.

— Обязательно свяжусь.

Выполняя свое обещание, заглядываю в комнату милиции. Напротив входа, за деревянным барьером, откинувшись на стуле, сидит молодой сержант с перекрещенными на груди руками. В его позе столько камня, что у меня создается впечатление, будто он так и просидел всю ночь.

— Здравствуйте,— говорю я.

Сержант вздрагивает, и утренние грезы, застилавшие его глаза туманной дымкой, мгновенно улетучиваются.

— Что случилось, гражданка? — официальным баском интересуется он.

— Ничего,— правдиво отвечаю я.

— Тогда в чем дело?

Мило улыбаюсь.

— Вот мне... Хотела узнать, где находится городское управление внутренних дел.

Сержант недоверчиво оглядывает меня и довольно прямолинейно спрашивает:

— А вы кто?

— Следователь прокуратуры из Новосибирска.

— Вам срочно нужно туда?

— К началу рабочего дня.

— Тогда обождите немного,— деловитым тоном говорит сержант.— Скоро машина должна быть, я вас отправлю.

24.

Начальник отдела уголовного розыска Омского городского управления внутренних дел, поджарый, невысокий подполковник в очках с дымчатыми стеклами, выслушав мой рассказ, задумчиво пощипывает нижнюю губу:

— Нда-а... Человека я вам, конечно, дам...

Он произносит это таким обреченным тоном, словно заранее прощается со своим сотрудником, которого уж и не чаает увидеть на очередной оперативке.

Сижу, скромно сложив руки на коленях, и тихо проникаюсь благодарностью. Все так же задумчиво подполковник опускает палец на клавишу селектора, видимо, еще не до конца решив, кем же ему пожертвовать.

— Слушаю вас,— раздается из динамика спокойный неторопливый голос.

Кашлянув, подполковник интересуется:

— Павел, если не ошибаюсь, у тебя сейчас не очень много работы...

Из динамика слышится философское:

— Все в мире относительно...

— Вот-вот, зайти-ка ко мне,— косясь на меня, отвечает подполковник.

Кого он выбрал, для меня отнюдь не безразлично. Ведь с этим человеком нам, похоже, при-

дется провести вместе не один час. Поэтому с интересом ожидаю появления будущего помощника. И вот он входит.

Ничего особенного. В меру худощав, в меру широк в плечах, чуть выше меня ростом, русоволос и совсем молод — года двадцать четыре.

Увидев меня, он едва заметно кивает и подходит к столу начальника. Тот встает и представляет меня, потом своего сотрудника.

— Павел Владимирович Черный, старший лейтенант, оперуполномоченный нашего отдела.

Старший лейтенант одергивает плотный пуловер и сдержанно улыбается, чуть приподнимая уголки тонких губ. Подполковник, в двух словах объяснив нашу общую задачу, напутствует:

— Одним словом, Павел, с этой минуты ты переходишь в распоряжение Ларисы Михайловны...

Кабинет Паши Черного практически ничем не отличается от других подобных кабинетов: два стола, два травянисто-зеленых сейфа, четыре стула, два перекидных календаря и один графин. Все, как везде, только графин поражает первоначальной прозрачностью, а больше всего — безупречно чистым стеклянным блюдом, на котором стоит. В том, что Черный — великий аккуратист, окончательно убеждаюсь, когда он опускается именно за тот стол, на котором нет ни единой пылинки.

— Лариса Михайловна, мне кажется, нужно начать с нераскрытых преступлений,— ровным голосом сообщает он.

— Мне тоже так кажется, Павел Владимирович,— соглашаюсь я.

Черный внимательно смотрит, очевидно, пытаюсь определить, нет ли подвоха в том, что я называю его по имени и отчеству. Скорее всего, коллеги не балуют его подобным обращением.

— Лариса Михайловна, мне будет удобнее, если вы станете называть меня по имени,— говорит Черный, подтверждая правильность догадки.

Соглашаюсь и прошу его обращаться ко мне тоже по имени. Павел кивает, но вскоре забывается.

— Лариса Михайловна,— говорит он.— Вы посидите, я схожу в информационный центр. Учетные карточки на нераскрытые дела выставляются по фамилиям потерпевших...

— Если потерпевший был способен ее назвать.

— Или при нем найдены документы,— соглашается Черный.

— В нашем случае это исключается. Впрочем, Павел, вы правы. Посмотреть надо.

Пока Паша Черный ходит, разглядываю в маленькое зеркальце свое лицо и никак не могу по-

нять, почему он так упорно величает меня Ларисой Михайловной. Успокаиваю себя тем, что я все-таки для него следователь прокуратуры, да еще из другого города.

Павел возвращается. Смотрю на его скучное лицо и начинаю подумывать, что попросила у шефа слишком маленький срок на командировку в Омск. Легкими шагами Павел проходит к столу и, достав из заднего кармана новеньких, еще похрустывающих джинсов записную книжку в потрепанном переплете «под крокодила», таким же скучным голосом сообщает:

— Вам, Лариса Михайловна, везет...

Недоверчиво смотрю в его серые с рыжими крапинками глаза.

— Нашел я вашего Данилова Тимофея Дементьевича.... В нераскрытых... К счастью, он жив. Проживает, правда, далековато отсюда, но в черте города.

— Жив?

— Да,— кивает Павел,— и значится в прописке.

— Тогда вообще отказываюсь что-либо понимать,— растерянно произношу я и, забыв, что давно уже начала борьбу с вредной привычкой, дезу в сумочку.— У вас сигаретки не найдется?

Он выдвигает ящик стола, роясь в нем, поясняет:

— Я не курю, но где-то была пачка «Астры», для нашего контингента держу...

То, что курит контингент оперуполномоченного, я никогда не курила. И даже теперь, когда очень хочется, досадливо морщусь.

— Знаете что, Павел,— поехали к Данилову.

— А пыли не боитесь?

— Пыли?

— Я к тому, что, может, лучше для начала посмотреть дело...

Предложение вполне резонное.

— Может, и лучше.

В архиве Паша Черный снимает с полок стопки дел и передает мне, а я ищу то, по которому в качестве потерпевшего значится Данилов Т. Д. Мне хочется чихнуть, стараюсь сдержаться, но бумажная пыль, скопившаяся на документах и папках, так настырно лезет в нос, что я все-таки чихаю.

На удивление смуглый для архивного работника старшина предпенсионного возраста, раскладывая папки в дальнем углу, ухмыляется:

— Не первый год я тут. Определил: как чихать начнешь, сразу нужное попадаетеся.

— Ой, правда! — невольно вырывается у меня, так как именно в этот момент в моих руках оказываются картонные корочки, которые мы ищем.

Материалы нераскрытого уголовного дела о причинении тяжких телесных повреждений гражданину Данилову Тимофею Дементьевичу богатой пипци для размышлений не дают.

Потерпевший был обнаружен с проломленным черепом на следующий день после приезда в Омск. Ранним утром он был найден на проезжей части улицы Съездовской дворником Овчинниковой, которая сразу же вызвала «Скорую помощь». Сознание к Данилову вернулось не скоро, но и прийдя в себя, он ничего вразумительного не сообщил. Помнил только, как распивал спиртные напитки с неизвестными мужчинами в ресторане железнодорожного вокзала и что с собой у него было двенадцать тысяч рублей, полученных в наследство от матери. Денег при потерпевшем не оказалось.

25.

Свободных машин в управлении нет, будем добираться попутным транспортом.

— Посмотрим, чьи автобусы холоднее — омские или новосибирские?! — бодрюсь я.

Паша Черный элегантно помогает мне попасть в рукава шубы, пропускает вперед, захлопывает дверь кабинета, и мы дружно сбегает по ступенькам. Не доходя до автобусной остановки, Паша поднимает руку. Устраиваемся на заднем сиденье такси. Павел называет адрес.

Вскоре из старинного и современного многоэтажного Омска такси въезжает в одноэтажный, с однотипными кирпичными домами, плоский, как блин, район города. Проскочив километра два по прямым улицам, машина замирает у дома номер восемнадцать.

— Ждите, мы скоро,— говорит Павел шоферу, и мы вылазим из «Волги» под пристальными взглядами прильнувших к окнам домохозяек.

Павел громко стучит.

— Кого надо?! — приоткрывая дверь, спрашивает морщинистая старуха в стеганой безрукавке.

— Данилова.

— Тимоху?.. А ты кто будешь?

— Из уголовного розыска.

Старуха выходит на крыльцо, всплескивает руками:

— Натворил, что ль, Тимоха чего?

— Поговорить надо,— уклоняется от ответа Черный.

Старуха склоняет голову набок, пытливно всматривается в лицо оперативника.

— Нет, уж ты, милоч, скажи, если что не так. Мне ж его тады выписывать надо. А то вон у Кузьмичны из семнадцатого дома тоже квар-

тирант жил. Посадили его, а она теперь мыкается, не знает, как выписать.

— Пусть к участковому обратится. Данилов-то где?

— На работе Тимоха, где ему быть... В Доме печати, плотничает.

— Ну, скоро поедем? — занудным голосом тянет таксист, подходя к нам.

— Уже едем.

26.

Пока Павел рассчитывается с водителем, задрав голову разглядываю здание с высоким крыльцом. Черный подходит, и я осведомляюсь:

— У вас работникам уголовного розыска зарплату повысили?

Неожиданно для меня в оперативнике просыпается отчаянный ловелас:

— Не хотелось, чтобы такая обаятельная следователь прокуратуры, гостя, замерзла. Век бы себе не простил...

Мы решаем, что плотник скорее всего должен трудиться не в бесчисленных редакциях, а в типографии. В одном из длинных коридоров я замيراю. Навстречу, держа в руке деревянный ящик с торчащими из него ножовкой, выдергой и еще какими-то инструментами, неторопливо движется Михаил Данилов, с которым только вчера я беседовала в Шадринке. Но Данилов не глядит в мою сторону. Лишь поровнявшись с нами, он бросает недовольный взгляд из-под густых бровей: дескать, чего это ты уставилась? Потом сердито проводит ладонью по рыжей щетине и отворачивается.

— Данилов? — склоняется ко мне Папа Черный.

Я киваю.

— Тимофей Дементьевич! — окликает мужчину Павел.

Тот оборачивается.

— Здравствуйте, — говорит оперативник.

Представив вначале меня, потом себя, интересуется, где можно спокойно побеседовать.

— Опять за мое дело взялись, — вздыхает Данилов, не понимая, как я жаждала этой встречи и сколько возлагаю на нее надежд.

По крутым ступеням спускаемся в душный подвал, проходим полутемным лабиринтом с низким потолком к голубой двери. Погремев связкой ключей, Данилов распахивает ее, щелкает выключателем. В просторном помещении ярко вспыхивает большая лампа, висящая на длинном проводе.

Совсем как его младший брат, смахивая ла-

донью с двух табуреток, Данилов предлагает нам сесть, а сам прислоняется к верстаку.

При ярком свете вижу, что между братьями не такое уж полное сходство. Лицо Тимофея Дементьевича гораздо сильнее изборозжено морщинами и голова почти сплошь покрыта блестками седых волос.

Нас с Павлом интересуют подробности, даже самые незначительные. Поэтому обстоятельно расспрашиваем потерпевшего обо всем, надеясь уловить хоть что-то, могущее привести к цели.

— Итак, вы приехали в Омск... — подсказывает Папа Черный.

Тимофей Дементьевич устало соглашается:

— Приехал... Дело шло к вечеру. Родных или там знакомых у меня тут нету. Не бегать же ночью по городу. Решил зайти сперва в ресторан, ужинать-то все равно надо. Поужинаю, думаю, на вокзале переночую, а с утра пойду искать жилье да работу. Думал домишко прикупить, небольшой какой-нибудь, на худой конец можно было и полдома...

Лицо Данилова мрачнеет.

— Зашел в ресторан. Столиков свободных навалою. Сел подальше от дверей. Сажу, жду официантку, а тут эти двое подходят. Спрашивают, можно ли за мой столик. Садитесь, говорю.

— Они появились в ресторане после вас или уже сидели там? — уточняет Павел.

— По-сле, — тянет Данилов. — Я от нечего делать на вход глазел, они как раз и вошли. Глянули по сторонами и ко мне.

— Вы же сказали, много свободных столиков было? — роняю я.

Данилов из-под бровей смотрит на меня.

— Верно, сказал... Но ведь не все места хорошие. То у дверей, все ходят-толкаются; то возле кухни, официантки над твоей головой подносы с борщами таскают; то рядом с какой-нибудь дамочкой, тоже не всякий мужик сесть захочет... Короче, сели да сели... Кто ж знал, что у них такое на уме...

— Вы считаете, что это они вас? — спрашивает Павел.

— Ничего я не считаю! Тот раз меня допрашивали-расспрашивали и все о них, теперь то же самое! Вот и подумайте, кто считает — я или милиция?

Успокаиваю его:

— Тимофей Дементьевич, если не трудно, постарайтесь все-таки припомнить, как выглядели эти мужчины, во что были одеты, как называли друг друга. Нам это очень важно. Вы же понимаете, что я не из праздного любопытства ездила в Шадринку, беседовала с вашим братом, а теперь вот сюда, в Омск, приехала.

— Вы были у Михаила? — вскидывает голову Данилов, потом, словно боясь показать свою слабость, отводит глаза и тихо спрашивает: — Как он там?

— Все в порядке... Старший школу заканчивает. На здоровье никто не жалуется... Михаил очень хотел вас увидеть, да не знает, как и где искать...

Про то, что Михаил Дементьевич очень хотел увидеть брата, я слегка привираю. Он мне этого не говорил. Но ложь моя во спасение: никогда не поверю, что из-за какого-то паршивого наследства на всю жизнь могут рассориться родные братья.

Данилов громко вздыхает и, будто подтверждая правильность моей мысли, едва слышно произносит:

— Да... Надо будет летом смотаться в Шадринку...

— Так как выглядели те мужчины? — со спокойным настырством возвращает разговор в прежнее русло Павел.

— Выглядели? — Данилов задумчиво скребет подбородок. — Честно говоря, не приглядывался, не думал, что так выйдет... Ну, один помоложе, здоровый такой парень, лет тридцати, в штормовке, мордатый такой... Второй, — Данилов осматривает оперуполномоченного, — пониже вас будет...

— Павел, у вас какой рост? — негромко спрашиваю я, чтобы точнее отразить в протоколе показания Данилова.

— Сто семьдесят два, — так же негромко отвечает он.

Надо же! Мне казалось, Папа Черный сантиметров на пять ниже меня, а выходит, это я ниже его на два. И почему мне всегда кажется, что многие мужчины должны немного подрасти?..

— Второй, значит, невысокий, кряжистый такой, — продолжает Данилов. — В чем одет был, я уж не припомню. Вроде постарше меня... А вроде и нет. Может, просто жизнь его больше побила. Всякое бывает. Одному, смотришь, тридцать, а выглядит на все сорок, а другой наоборот... Присели они. Сидим, ждем. Этот, что постарше, видать, не вытерпел, на кухню подался. Не успел вернуться, официанточка подлетает, — Данилов морщит лоб и, очевидно, памятуя о нашей просьбе не упускать даже малозначительных деталей, поясняет: — Чего они брали себе, забыл. А я рассольник заказал, котлету и двести граммов. Им тоже бутылку белой принесли. Сидим, молчим. Я под рассольник графинчик осушил, котлету жую. Ну, само собой разговор за жизнь зашел. С тем, что постарше, говорили, молодой-то молчал. Потом еще водки взяли. Я предложил повторить или они, сейчас уже и не припомню.

Но вот то, что я еще одно «второе» заказал, это точно... Короче, сидели до закрытия, пока выгнать не стали... Да-а... Набузгался тогда изрядно... Не это бы дело и денежки были бы целы, и голова. А тут — море по колено, гулять так гулять...

Данилов горестно покачивает головой. Но, похоже, Папа Черный не из тех, кто любит терять время на паузы. Он спокойно и настойчиво спрашивает:

— Вы о себе что-нибудь рассказывали?

— А что пьяный дурак рассказать может?.. Плакался... О ссоре с Мишкой из-за наследства. Теперь, говорю, совсем без родственников остался: пропади, искать никто не будет. А тот, что постарше, все жалел меня... Еще я спрашивал у них, где дом купить можно, почему они в Омске. А он говорит: дома разные бывают, денег-то хватит?.. Ну, я и давай хвастать, по карману себя хлопать. До таких лет дожил, а ума...

— Итак, вы вышли из ресторана... — напоминает Павел.

— Вышли... Ну, и всем, как водится, добавить захотелось. Откуда-то две бутылки водки появились. На улице же пить не станешь, да и стакана нет. Поехали куда-то на трамвае, к какому-то ихнему знакомому. В какой-то частный дом приехали, стали там пить. Хозяина уж и не помню, сумрачно было, по-моему, даже ставни закрыты были, — Данилов виновато смотрит на Павла. — Я уже объяснял: плохо помню. Первое время, когда в больнице очнулся, вообще ничего сообразить не мог, память вышибло.

Отрываюсь от протокола, подбадриваю плотника:

— Но теперь-то память восстанавливается.

Данилов задумчиво соглашается.

— Это точно... В аккурат после ноябрьских пошел я на Казачий рынок за семечками. Я всегда их там беру. Своего-то огорода теперь нет, а вечером сядем с бабкой Марусей, хозяйкой моей, телевизор смотрим да лучшим потихоньку. Так вот, семечки взял, вышел, прогуливаюсь. День как раз хороший был. Иду, глазею по сторонам, и словно в моей голове что-то проснулось. Вспоминать стал, будто здесь мы тогда с теми мужиками шли. Магазины деревянные, зеленой краской крашенные, трамвайные пути. Только в мозгах налаживаться стало, дед какой-то все попортил. Вывернул из-за угла, устоялся на меня, губы трясутся, шапка на одно ухо съехала. Чего, говорю, глазеешь? А он перекрестился да как шархнется в сторону. Ну, думаю, дед Кондрат совсем из ума выжил.

— Дед Кондрат?! — замираю я.

Данилов взмахивает рукой:

— Ну! Как увидел его обрзину, сразу при-

вызалось — дед Кондрат. А откуда — ума не приложу. Недели две мучался, так ничего и не придумал.

— Зеленый магазинчик на улице Маршала Жукова? — уточняет Павел.

— Кажется, так она называется. Я же говорю, трамвай по ней ходит, Казачий рынок рядом. Если надо, могу показать.

— Тимофей Дементьевич, давайте попробуем еще раз вспомнить, что произошло в доме и как вы оказались на проезжей части улицы Съездовской, — прошу я.

Данилов виновато разводит руками.

— Да разве же я не пробовал? Даже на улице эту ходил. Бесполезно.

27.

«Казачий рынок». Выпрыгиваем из трамвая на утоптаный снег, усыпанный шелухой от семечек и кедровых орехов.

Одноэтажный, с большими витринными стеклами, обшитый выкрашенными в зеленый цвет досками магазинчик, какие сохранились только в старых кварталах да на окраинах, находится и в самом деле недалеко от рынка.

Гренадерской наружности продавщица в грязновато-белом халате бойко отпускает хлеб, сахар, папиросы, пряники, успевая переговорить со стоящими в очереди женщинами о последних новостях, перебраться шуткой с основательными на вид мужчинами, прикрикнуть на вываленных в снег, краснощеких, хлюпающих носами мальчишек, зычно встретить каждого нового покупателя сообщением о том, что через десять минут магазин закрывается на обед и в очередь лучше не становиться, так как торговать в личное время она не собирается.

Мы с Павлом в очередь не становимся, а скромно отходим к окну. Удобно устроившись на широком деревянном подоконнике, разглядываю витрины, стараюсь определить, что там есть такого, чего нет в Новосибирске. Наша Черный, засунув руки в карманы крытого полушубка, стоит рядом.

Когда последний человек из очереди получает свою буханку хлеба, продавщица, до этого изредка поглядывавшая на нас, настойчиво упирается в меня взглядом.

— А вас, голубки, не касается?! Обед у меня. С двух часов.

Неужели со стороны мы производим именно такое впечатление? Занятно.

Павел показывает удостоверение. Продавщица не удивлена, однако снижает, переводит вопросительный взгляд на меня.

— Я с молодым человеком, — поясню ей.

Тогда она идет к двери и запирает ее на длинный стальной крюк.

— Бэхээ? — спрашивает у Павла.

Он отрицательно качает головой.

— Нас один старик интересуется, где-то неподалеку должен жить, — говорит Павел. — Вы давно здесь работаете?

— Почитай, лет двадцать!

— Старика зовут дедом Кондратом. Не знаете такого случайно? — спрашиваю я.

Продавщица даже обижается.

— Меня все знают, и я — всех. Лобач его фамилия.

— Где он живет?

— Тут, на Лагерной. Тьфу! Все по старинке называю. На Жукова то есть. Седьмой дом, кажется, только на другой стороне, если не снесли еще. Да вы сразу найдете: ворота покосились, ставни вечно закрытые... Только я этого алканавта уже третью неделю не вижу. Дала рупь взаимы, теперь год ждать буду.

— Пьет? — уточняю я.

— Конченный, — огорченно говорит продавщица. — Запойный. Вечно денег не бывает, а все пьяный.

Павел недоумевает:

— Как же так?

— Один он живет, вот и обретаются у него всякие шарамыги. Ничего с ним участковый поделывать не может. Кондрат пенсию имеет, за тунеядство не посадишь. Плохого, вроде, тоже никому не делает. Не ворует, самогонку не гонит, краденого не скупает — поди возьми его... Сейчас-то ему похужело, бормотуху — и ту с утра не купишь, хоть сдохни с похмелья...

— Спасибо, — останавливает ее Павел.

Идя вдоль трамвайных путей, я, как в детстве, творю заклинание: «Только б не снесли, только б не снесли, только б не снесли». Стараюсь не глядеть на дома, а когда поднимаю голову, замيراю: длинный забор из почерневших досок плавно переходит в бревенчатую стену дома. Стена есть, а крыши нет. И других стен нет. Один фасад. Ставни на трех окнах закрыты наглухо, а четвертые — распахнуты. Покачиваются со зловещим скрипом.

— Да не этот, — усмехаясь, вырывает меня из оцепенения Павел. — Я считаю... Вон дом деда Кондрата, — через несколько шагов говорит он.

Облегченно вздыхаю, разглядывая небольшой дом, словно сбитый набок ударом гигантской кувалды. Дом с закрытыми ставнями и парадным крылечком, над которым скрученные в спираль трехгранные стальные прутья поддерживают ду-

гообразный навес, когда-то с любовью и мастерством украшенный ажурной резьбой по дереву. Сейчас, изъеденная кариесом времени, она производит жалкое впечатление, как рот дряхлого старика, пренебрегшего услугами протезиста.

Калитка открыта настежь. Снег во дворе, кажется, ни разу не убрали за зиму. Только узенькая тропка ведет к низким сеням, на крыльце тот же первозданный слой снега, лишь у косяка вытоптан небольшой пятачок. Вслед за Павлом, стараясь не набрать в сапоги, пробираюсь к этому пятачку. Павел толкает незапертую дверь, и мы в потемках проходим еще одну, обитую продраным дерматином. Дом выстужен. Пахнет гнилью, рухлядью, стариковским хмельным одиночеством и мочой. От кислого букета прикрываю нос варежкой. Когда глаза привыкают к полумраку, вижу лежащего на металлической кровати у печки старика с торчащими во все стороны седыми сосульками давно не мытых волос. Сквозь щели в ставнях пробивается бледный зимний свет.

Павел подходит к старику, резко встряхивает за плечо. Глаза не открываются, но медленно сдвигается нижняя челюсть, открывая беззубый рот, дохнувший перегаром. Потрескавшиеся синеватые губы бормочут что-то невнятное.

Черный еще раз встряхивает старика, сдерживая отвращение, переворачивает лицом вниз.

— Хоть рвотой не захлебнется... Лариса Михайловна, вы бы вышли,— просит Павел.

Выскакиваю на улицу и полной грудью вдыхаю морозный, сладкий до невозможности воздух. Воздух Швейцарских Альп, в которых я никогда не была. Ослепительно белым кажется городской снег.

Вскоре выходит Павел, гремит ставнями, советует еще немного подождать.

Ноги уже начали подстывать, когда Паша Черный наконец выглянул из дома и пригласил:

— Милости просим.

Дед Кондрат, похожий на спившегося гнома, испуганно моргая короткими редкими ресницами и неестественно выпрямив спину, словно исправный ученик младших классов, сложив руки, сидит за столом. В печи потрескивают дрова. Рядом на железном листе, кое-где оторвавшемся от пола, большая куча мусора и жиденький, древний, как и сам дед, стертый веник. На кровати, хоть и дырявенькое, но уже другое одеяло. На старике чистые серые брюки. Дышится легче.

Дед смотрит на меня так, словно перед ним не следователь, а поменьшей мере Дева Мария. Павел предупредителен: когда я подхожу ближе, услужливо подставляет кособокий венский стул. Бросаю на Пашу Черного недоумевающий взгляд. Он едва заметно подмигивает.

— Позвольте начать допрос? — тоном, каким, должно быть, обращались подчиненные к высшим сановникам Российской империи, интересуется он.

Понимаю, что Павел бог знает что наговорил деду Кондрату о моей скромной персоне, но чтобы не разрушать замыслы оперативного уполномоченного уголовного розыска, безропотно играю предназначенную роль.

— Начинайте, — с напускной солидностью киваю я, вынимая из сумочки бланк протокола допроса.

Павел останавливается напротив старика и, пристально глядя, спрашивает:

— Дед, как у тебя с памятью?

Старик осторожно отвечает:

— Бог не отнял... А чё?

— Ты бога оставь. Лучше припомни, что произошло в твоём доме несколько лет назад, в июле.

Дед Кондрат растерянно хлопает ресницами. На глаза набегают слезы, лицо кривится, и он неожиданно тонко скулит:

— Ни при чем я... Ни при чем...

— Прекратите, Лобач, — тихо останавливает Павел.

— Ага, понял, — мгновенно перестраивается тот.

— Вот и хорошо.

Похоже, забыв о моем существовании, дед заискивающе глядит ему в глаза.

— С чего начать?

— Как оказался в вашем доме незнакомый мужчина?

— Какой мужчина?

— Слушай, старик... — устало роняет Паша Черный.

— Давненько было, вот и переспрашиваю, — угодливо объясняет дед Кондрат. — Старый же я... Чё ты?

— Не прибедняйтесь, Лобач. Рассказывайте, как было...

Старик втягивает голову в плечи.

— Было?.. Лето тады было, кажись, дождик шел, дело к вечеру подвигалось... Уже стал подумывать, как бы на боковую завалиться, да слышу — дверь скрипит. Она у меня все время открыта, кого бояться-то? Входят. Распьяны-пьяненьки, — дед корчит такую физиономию, словно при одном упоминании о пьяницах его всегда корбит.

— Сколько человек? — потирает Черный.

Дед быстро отвечает:

— Врать не буду, трое. Одного знать не знаю, а вот другие двое, нечего греха таить, захаживали раньше. Шибко хорошо я одного знал... Ну, не так чтобы шибко, однако знал маненько. Реп-

кин, кажись, его фамилия. Иваном кличут. Если скрулез не изменяет, он тады испидитором работал.

— Экспедитором, — уточняет Павел.

— Во-во, — чуть ли не обрадованно кивает дед Кондрат, — в кафе какой-то.

— Откуда ты его знаешь?

— Да какой там знаешь?.. Зайдет с бутылкой, выпить ему негде. Сам выпьет, мне граммულку нальет... Вот и весь знаешь.

— Судим?

Дед Кондрат склоняет голову:

— Было дело... По Указу от сорок седьмого... Я тады в колхозе конюхом работал, ну и позарился на мешок овса...

— Да не ты, — досадливо роняет Паша Черный. — Репкин судим?

— А-а-а... — тянет дед и споро отвечает: — От чё не знаю, то не скажу, — морщит лоб и, понизив голос, доверительно сообщает: — Но, чую я, не без того. Иной раз в разговоре такое словцо выскочит, каким только там и научишься.

— Как выглядит Репкин? — вмешиваюсь я.

Дед осторожно косится в мою сторону.

— Молодой, пятидесяти не будет, а может, шестидесяти... С меня ростом, только покражистей.

— А второй? — подхватывает Черный.

— Илюха-то? Мордоворот. Шоферюга он.

— Как вы сказали, его зовут? — переспрашиваю я.

Дед озадаченно выпячивает губу:

— Илюха да Илюха...

— А третий? — задает вопрос Павел.

Старик снова втягивает голову в плечи и часто-часто моргает, пожевывая губу беззубыми деснами.

— Что замолчал? — не повышая голоса, спрашивает Павел.

— Говорить страшно... Видал я его, кажись, нынче зимой... Тут, недалеко, — старик тычет большим пальцем в сторону трамвайных путей, виднеющихся в мутном окне. — Только уразуметь никак не могу... Если его Репкин того... Или спутал я спьяну?

— Ты не перескакивай, рассказывай по порядку: как они пришли, чем занимались.

— Пришли они, значаца, я им стаканы представил. Редиска, лучок у меня были, хлеба немного в шкапчике. Давай они выпивать. Илюха-то почти не пил, вздыхал все. Все больше деревенский этот наваливался. Мужик он здоровый, чё ему эта литра? А Репкин ему все подливал. Потом гляжу, мужик скопытился, прямо за столом и задремал. Тут Репкин Илюху в бок и толкает: дескать, пора тебе домой. Поднялся Илюха, ша-

тается. Репкин его под руку сгреб и повел. А мне сказал: вернется скоро, вроде, ночевать будет. Вышли они, я на койку прилег и отрубился. То же ведь с ними малость тяпнул. Много ли мне, старому, надо? Сплю. Вдруг среди ночи чегой-то жутко так стало на душе, аж проснулся... А Репкин ентот, — дед Кондрат ежится, — с топориком над мужиком тем стоит... Топорик ладный такой у меня был, туристский, мне его один паря подарил... Так и пропал топорик... Кады Репкин обухом мужика по темечку ткнул, я чуть с кровати не свалился. Глаза закрыл, а сам маракую: ежели он и меня потом?! Страшно так стало. Пошевелиться боюсь, но глаз один, не удержался, приоткрыл. А Репкин ко мне. Тут я совсем чуть из ума не вышел. Старый, а все едино, вот такую лютую смерть принимать боязно... Снова глаза зажмурил, дышать перестал, как та лиса. Уж и с жизнью попрощался. А Репкин подошел, стоит надо мной, сопит. Проверяет, стало быть, сплю ли, не видал ли чего. А я еще эдак развалился и захрапел, — дед Кондрат прикрывает глаза и перекашивает рот, наглядно демонстрируя, как это он сделал. — Откуда только хитрость взялась... Правильно говорят, жить захочешь — всех обскочишь... Постоял он, значаца, надо мной, слышу — отходит. Снова я глаз приоткрыл. Репкин мужика того, как куль с крупной, ухватил, взвалил на плечи и — ходу. Как только в двери пролезли?.. Утром очухался, надо же, думаю, какая страхота во сне привидеться может. Глянул в угол, где топорик стоял, а его нету... И Репкина нету, и мужика того след простыл... Хотел было куда следоват сообщить, но храбрости не набрался. Как подумал, скажут мне: «Топор чей, а?! Твой? Ну и ответ держи». Или спросят, почто Репкина за руку не схватил? Или, думаю, дружки Репкины нагрянут да, как петуху, голову и отрубят.

— За недонесение о совершенном преступлении тоже ответственность предусмотрена, — сухо информирует оперативный уполномоченный.

Дед Кондрат трусливо моргает.

— Слыхал... Но не думаю, чтоб шибко посадили... Старость зачтут. Зато живой буду.

— Вы-то живой... — сдерживая брезгливость, говорю я.

— Ага, — благодушно кивает Лобач, но, осмыслив мой тон, становится похожим на поджавшую хвост собаку.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Загадка СОЛЬНОГО ДУЭТА

Представьте себе ночное пастбище в горах Тувы... Неспешно трюхает под пастухом выносливая лоша- денка. Сполохи костра освещают войлочные бока юрты. Овцы прилегли в высокой траве. Их редкое блеянье да плеск горного ручья нарушают дыхание ночи...

Вдруг в покой и тишину врываются странные звуки. Сначала хриплые, гортанные, густые, они сменяются высоким тоном, подобным голосу флейты. Да нет, не сменяются — звучат одновременно: хриплые басы и чистая флейта! Всадник и лошадь встре- пенились, услышав звук. Пастух поднял голову, подтянул повод, перевел коня на рысь и... ответил дальнему на- певу. В такт бегу коня он тоже поет, если можно на- звать пением странный и удивительный напев, в ко- тором звучит дуэт высокого и низкого голоса, сол- ный «дуэт». Стук копыт, ветер в траве, густое хрипенье и свист — все сливается в прихотливой мелодии «звен- гилээр».

Старые списки русских летописей свидетельству- ют, что набеги кочевников на русские поселения сеяли страх «звериными голосами и неведомыми кликами»...

Приходилось вам слышать выступление лауреата всемирного конкурса ЮНЕСКО, заслуженного артиста Тувинской АССР Аюоол Кара-сала? Каждый раз удив- ляешься: как же это делается? Как удается одному человеку при помощи голосового аппарата одновре- менно исполнять две музыкальные партии?

Феномен этот уже с середины прошлого века ин- тересовал многих ученых: этнографов, фольклористов, педагогов пения. Всего у пяти народов — тувинцев, хакасов, монголов, алтайцев и отдаленных от них баш- кир — пока замечено и описано это умение. И более всего развито и любимо древнее искусство в Туве.

Итак, тайна... Но вот рядом — другая, искушавшая уже более ста лет анатомов, физиологов, с тех пор как в 1846 году французский ученый Мануэль Гарсиа за- глянул с помощью изобретенного им ларингоскопа в «работающее» горло человека и обнаружил над голо- совыми связками еще две связки. Они бездействуют при речи и пении, их называли «ложными». Ошибка при- роды? Игра эволюции?.. Распутать эту загадку взялись доцент Новосибирской консерватории Б. П. Чернов и новосибирский врач-фонист, он одновременно и пе- вец, В. Т. Маслов.

Им пришла в голову талантливая идея: создать си- стему зеркал, которые позволяют снять «поющее гор- ло» при свете дня. Получена фотография, получен фильм. Тувинцы поют одновременно и теми, и други- ми связками! Двумя голосовыми щелями!..

Что родило такую манеру пения? Не прямое ли общение древних тувинцев с природой? Хрип — голос быка-сарлыка, свист — пение сурков... Как бы то ни было: от деда к отцу, от отца к сыну, внуку с колы- бели передавалось древнее искусство. Двухголосым пением владеют немногие, стареют и уходят из жизни лучшие мастера. Эстафетная палочка может быть уте- ряна...

Л. ГУРЕВИЧ

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА

Валерий МИРОНОВ
Рисунок Ольги Горячевой

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ПОГОДЫ

Разные у нас издаются календари — настольные, настенные, отрывные, перекидные, женские, школьные, спортивные, сельскохозяйственные, вечные даже... Но есть еще один календарь, он, может, самый интересный и самый полезный в обиходе, однако он не издается, потому что он устный, он хранится в памяти народа и передается из поколения в поколение.

Народный календарь погоды, календарь сельскохозяйственных работ, собрание примет на все случаи жизни создавались веками и веками, они и теперь, думаю, создаются, то есть пополняются. Это бесценная копилка народной мудрости и опыта, это то, что завещает нам наш народ.

Суеверные приметы, — конечно, галиматья. Если вспомнить давние годы, то и тогда мужик, хлебороб в них не верил. А вот в приметы, которые помогали ему в жизни, он не просто верил — он пользовался ими повседневно.

Конечно, предсказать погоду на длительный срок вперед, скажем, сегодня на предстоящую весну 1987 года, не помогут никакие народные приметы, хоть изучи и взвесь их все. Тут нам не очень-то помогает пока и сама Наука, всесильная, казалось бы, проникшая в космос, оснащенная такой техникой...

А вот узнать о погодных изменениях на близкое время — на вечер ли, на завтра или на послезавтра даже — мы можем, пользуясь народным календарем. Смотрите, как безошибочно подсказывают нам, что грядут метель ли, дождь ли, гроза ли или трескучие морозы, растения, животные, птицы, насекомые. А как много нам может подсказать небо, если уметь «читать» его!..

Короче говоря, все-все, что творится в природе, примечал народ, запоминал, «записывал» в устную книгу, которая называется Народным календарем. Знать ее, то есть помнить, надо и нам, она поможет нам в жизни, в хозяйственной деятельности.

Ко всему сказанному уместным будет напомнить три поговорки: «Как примета скажет, так и жито в закрое ляжет», «Кто не верит примете, тому нет житья на свете», «Без примет ходу нет».

Т. С. МАЛЬЦЕВ,
полезод колхоза «Заветы Ленина» Шадринского района
Курганской области, дважды Герой Социалистического Труда

ЯНВАРЬ

Прообразом почти всех солнечных календарей современной Европы можно считать древнеегипетский, созданный примерно в IV тысячелетии до нашей эры. Началом года этого календаря считался день, когда самая яркая звезда неба — Сириус впервые после двухмесячного периода невидимости появлялась на горизонте перед восходом Солнца.

Первый месяц древнеегипетского календарного года носил название «тот» и посвящался одноименному мифическому богу Луны, владыке истины. Календарь коптов, коренного населения Египта, до сих пор сохранил это имя месяца.

В 46 году до нашей эры древнеримский император Юлий Цезарь по совету египетского астронома Созигена перенес начало Нового года с марта на 1 января. И стал январь новогодьем славян.

Январь назван в честь мифического двуликого бога времени и света, всех начал и истоков, входов и выходов, покровителя путешественников и моряков — Януса. Среди божеств древних римлян самым, пожалуй, всеведущим и популярным был именно Янус. Он сопутствует и счастью, и бедам, и справедливости. Имя его происходит от латинского слова «януа», что означает «дверь».

Януса изображают с двумя лицами. Одно обращено в будущее, другое — в прошлое.

С именем Януса связаны и переносные толкования, такие, как лицемерие и двуличие.

Многие народы мира называют первый месяц года созвучно этому имени: латыши — «январис», молдаване — «януарис», эстонцы — «януарикуу», болгары, голландцы и шведы — «януари», венгры, немцы, датчане, евреи, норвежцы — «януар», румыны — «ианнари», англичане — «дженьюари», арабы — «янаир», греки — «иануариос», индонезийцы — «джануари», итальянцы — «женнайс», испанцы — «эnero», португальцы — «жанейро», на эсперанто — «януаро»...

В Индии его называют «януаром» и «джанвари» (на урду), во Франции — «жанвье». Однако в период Великой французской революции он был переименован в «нивоз» — месяц снега.

По-китайски январь — «первая луна», по-фински — «таммикуу» (ду-

бовый месяц), а по-японски — «мцуки» (месяц дружбы).

У древних славян названия месяцев были тесно связаны с явлениями природы или человеческой деятельностью, которые были характерны для этого отрезка времени. Январь нарекли сечнем, просинцем, студенем, трескуном...

Наши предки встречали Новый год в марте, потом — в сентябре. И лишь с 1700 года начали отмечать его в январе. В Японии справляют Новый год в первый день января только с 1872 года. В этой стране, так же как в Китае, Корее и странах Индокитая, в быту пользуются лунно-солнечным календарем, начало года в котором приходится на разные даты — от 20 января до 21 февраля.

Зодиакальный знак января — Козерог.

К концу января день в средней полосе страны прибавляется на полтора часа. Ночь отступает перед светом. Его нарастание чувствуют спящие под снегом бутоны ранневесенних цветов. Не потому ли на новогодних праздниках Деда Мороза сопровождает юная дочь весны — Снегурочка?

Согласно так называемым «счастливым» календарям камней и цветов, январю соответствуют гранат и гвоздика, приносящие счастье родившимся в этом месяце. «Сердце обвеселит, кручину и неподобные мысли отгоняет, разум и честь умножает», — так говорили в старину на Руси о гранате.

Как богу времени Янусу посвящались «календы» (календа — первый день месяца), особенно торжественно праздновались в Древнем Риме новогодние календы.

А на Руси верили: «Коли первый день в году веселый да счастливый, то и весь год будет такой».

Начинались зимние свадебные недели — «С милым мужем и зимой не стужа».

«С Новым годом! С новым счастьем!» — такие привычные слова. Но когда они были произнесены впервые? Это могло быть в 153 году до нашей эры. Именно тогда древние римляне ввели обычай дарить под Новый год подарки с пожеланиями удачи и счастья, веселиться всю ночь.

Сейчас большинство народов мира встречает Новый год в ночь

на первое января. В нашей стране подобный обычай возник сравнительно недавно — с 1700 года, но прижился довольно быстро. Так произошло потому, что задолго до этого в эту пору народ отмечал другой праздник — святки. Многие его обряды хорошо вписались в ритуал встречи Нового года: шутки ряженых, веселые карнавалы, катания на санках, полночные гадания и хороводы вокруг наряженных елок...

В прошлом веке в странах Западной Европы новогодний Санта-Клаус был не очень-то добрым, старался запугать детей. Теперь же к немецким и английским, норвежским и американским детям является другой Санта-Клаус — забавный старичок спортивного вида с белой бородкой.

В Монголии обличье Деда Мороза олицетворяет чабан прошлых веков. Он одет в лисью шапку, на боку висят табакерка, огниво и кремь.

Добрый дедушка Турахон, прячущий свои подарки под подушки, в тибетейки, — любимый сказочный персонаж детей Востока.

В Среднюю Азию Дед Мороз прибывает из вечных снегов Тянь-Шаня. В города и селения снежный дедушка Корбобо въезжает верхом на ослике в полосатом халате и красочной тибетейке. Его встречает Коркыз, снежная девочка, черные ксички которой сверкают серебряными блестками-снежинками.

Народы Восточной Сибири представляли себе Деда Мороза в виде рогатого чудовища с огромным носом. У якутов в момент наступления Нового года с этим чудовищем вступает в единоборство царь пернатых — орел, господин всех крылатых. Он специально прилетает прогнать старый и начинать Новый год.

А в Италии малышам рассказывают сказки о старой волшебнице Бефана, которая проникает в дом через печную трубу и кладет подарки детям в их башмачки. Во французских сказках таких персонажей двое: один — добрый и ласковый Пэр Нозль приходит к послушным детям, другой, злой и сердитый Фуэтар, — к озорникам.

Сегодня новогодняя елка не вызывает ни у кого религиозных ассоциаций. Известно, что первый советский Новый 1918 год В. И. Ленин и Н. К. Крупская встречали с рабочими Выборгской стороны у елки с Дедом Морозом и Снегурочкой.

В Новый год все мы говорим друг другу: «С Новым годом! С новым счастьем!».

ПРИМЕТЫ, ПОГОВОРКИ, ПРИСЛОВЬЯ

Январь-батюшка год начинает, зиму величает.

Месяц январь — зимы государь.

Январь — году начало, зиме середка.

Январь — месяц ярких звезд, белых троп, синих льдов.

Январь тулуп до пят надевает, хитрые узоры на окнах расписывает.

Если январь в прошлом году был теплым, то январь этого года будет холоднее.

Холодные январь подряд почти не повторяются.

Если январь холодный, июль будет сухой и жаркий, не жди грибов до осени.

Бойся январской весны.

Ноябрь гонит, декабрь морозит, а январь гвоздит.

Хилая зима живуча.

Зима без снега да лето без дождей не бывают.

Зима — хранилища полей.

Зимой солнце светит, да не греет.

Жнут страдному порою, а жуют зимую.

Не страшен зимой мороз, когда тепло укрыт нос.

Пришла зима — не отвертись.

Холодная зима — жаркое лето.

Зимой льдом не дорожат.

Зимний денек — в воробьиный скок.

Зимой морозы, а летом — грозы.

Зимой без шубы не стыдно, а холодно, а в шубе без хлеба и тепло, да голодно.

Осенний мороз не выдавит слез, а зимние морозы — из глаз слезы.

Эхо далеко уходит — крепчают морозы.

Жесткие морозы и глубокие снега — к урожайному году.

Самовар гудит сильно — к морозу.

Зимний ветер морозу помощник — пуще холодит.

Буря днем — мороз ночью.

Если в мороз вспотели оконницы и рамы — жди потепления.

Скоро рассвет занимается — непременно будет снег.

Снег пуховый вьется легонько.

Лег снег на морозную голую землю — хлеб будет расти хорошо, а на сурью — плохо.

Снег вьется до крыши — рожь будет выше.

Круги и кольца вокруг солнца — к морозам.

Солнце выходит столбом — к бурю.

Чистый закат солнца в морозную погоду говорит о том, что морозы будут и дальше.

Если через высокослоистые облака, состоящие из серовато-синеватой однородной пленки, слабо, как через матовое стекло, просвечивают солнце и луна, то зимой выпадет обложной снег, а летом — слабый дождь.

Солнце в кругу, так к снегу, а в рукавицах солнце, так ко стуже.

Красное солнце заходит в тучу — день будет ясный, морозный.

У солнца уши выросли (два отраженных солнца) — к холодам.

К морозу рога молодой луны крутые.

Луна синей — зерна сильней.

За три дня до полнолуния — перемена погоды.

Кольца вокруг луны — к сильному морозу.

Луна светит ночью ярко или небо без луны усыпано яркими звездами — завтра будет ясный морозный день.

Облака полосами (волнистые) — к теплу.

Мало звезд на небе — к ненастью.

Сильное мерцание звезд преимущественно синими оттенками — к снегу (дождю).

Облака идут низко — будет студено.

Ненастная погода окончится, если температура воздуха резко понижается.

Если перистые облака движутся от одной из точек западной половины неба с такой быстротой, что их движение легко обнаруживается даже на глаз, то это указывает на приближение бури или наступление долгого ненастья через день или два.

Если ветер усиливается и вращается по часовой стрелке (сначала юго-восточный, потом южный, а затем юго-западный), то будет пасмурная погода с осадками, а через сутки — северо-западный ветер и улучшение погоды.

Дрова горят с треском — к морозу.

Без ветра бор не гудит.

Лес трещит — мороз будет стоять долго.

Деревья в инее — небо будет синее.

Вороны и галки вьются в воздухе — перед снегом, садятся на снег — к оттепели, садятся на верхушки деревьев — к морозу, а если на нижние ветки — к ветру.

Рябчик устраивается на ночлег в снегу на поляне — ночь предстоит тихая и морозная.

Кошка стену дерет — к непогоде, клубком лежит — на мороз.

Морозы злее, а налим — живее.

Кто рубит леса, тот сушит лес-

та, гонит от полей тучи — готовит себе горя кучи.

Уголь на загнетке сам разгорается — к морозу.

Новый год — к весне поворот.

На Новый год корова на солнце бок греет.

Если на Новый год небо звездное — к урожаю.

В Новый год сильный мороз и малый снежок — к урожаю хлебов, а если тепло и нет снега — к неурожаю.

Год на год не приходится.

Зимнее солнце, что вдовье сердце.

4 января — узорешительницы, покровительницы беременных.

6 января — наступают морозы.

Сильные холода сулят надежный урожай.

Коли тропинки черны — урожаем на гречу.

Снег на земле, что навоз для урожая.

Если звезды редки, то и ягод мало будет.

Звездист небосвод — ждет ягодный год и на скот велик приплод.

7 января — светлая ночь — ноские куры, темная — молочные коровы, метельная — пчелы хорошо роиться будут, небо звездисто — урожаем на горох и чернику.

Опока — урожаем на хлеб.

Туманно и пасмурно — снег поидет, день теплый — хлеб будет темный, густой.

Если пригревина будет — к зеленому году.

Если оттепель — весна будет ранняя и теплая.

Суеробы высоко набило — к хорошему году.

7—14 января — святки в январе, свадьбы на селе.

8 января — бабий праздник, праздник каш.

13 января — день прибывает на куриный шаг.

Овсень, усень, таусень — вечер гаданий.

Если в ночь ветер дует с юга — год будет жарким и благополучным, с запада — к изобилию молока и рыбы, с востока — жди урожая фруктов.

Ясная звездная ночь под Новый год — люди здоровы будут.

Садоводы в полночь стряхивают снег с яблонь — для урожая.

14 января — свинатник.

Зиме середка.

Если будет туман — к урожаю.

Овсень, таусень. Новый год по старому стилю. Гаданья о замужестве.

15 января — куриный праздник. Чистят курятники, ладят насесты, окуривают стены.

16 января — хлев метелками обмахивали.

18 января — голодный вечер.

Полный месяц — к большому разливу.

Яркие звезды породят белых ярок (овец).

Собирали снег для беления холстов, для бани.

Баня все исправит, снеговая вода красоты прибавит.

19 января — в ночь небо открывается (проясняется).

День теплый — хлеб темный (густой), метель — 19 января будет последняя метель, на воде туман — хлеба много, снег хлопьями — к урожаю, ясный день — к неурожаю.

В окна иньевый овес — знобит мороз.

Коли метель, то мести ей и через три месяца.

Если прорубь (иордань) полна воды и туман в этот день — разлив будет большой.

Коли собаки много лают — будет много зверя и дичи.

Смотрели за рекой: если вода в межень выпадет, так это к доброму году — и летом в межень выпадет. А не выпадет в межень, то и летом не выпадет — все сено потопит, как летом большая вода выпадет.

Холоденек батюшка Юрий (Юрьев день — 9 декабря), а ныне мороз его переходил.

Треци, мороз, не треци — минули водокреци, дуй, выюга, не дуй — к великодню пошло.

20 января — день бражника.

Зори темноснежные розовы надеждами.

21 января — накрути буран.

Метель зиме за обычной.

Подует от Киева (с юга) — посулит грозное лето, высветлит летом молния мрачный ельник.

22 января — ясная погода сулит хороший урожай.

23 января — летоуказатель.

Ежели иней на стогах и скирдах — к мокрому (сырому) и холодному лету.

День долгим иньем расен — летний срок будет ненастен, молодая рожь начнет цвести под самый дождь.

Не тот снег, что метет, а что сверху идет.

Тяжелые снега — забыта, зарыта река.

В чужие края зиму не пошлешь.

24 января — если тепло, знать, на раннюю весну пошло.

Теплые дни января недобром отзываются.

Если морозно, яровой посеешь поздно.

25 января. Проглянет солныш-

ко — к раннему прилету птиц, снег — лето дождливое.

Солнца много — птичий лет начнется рано.

Если снегопад — летом дождик част.

28 января — коли ветер, будет год сырой.

29 января — полукорма, льносейки.

Чем морознее, тем яснее.

Зима лодыря морозит.

30 января — перезимник, хитер со всех сторон.

Перезимник обнадежит, обтеплит, а потом обманет — все морозом стянёт.

Не верь теплой погоде зимой.

Снеговик зацелует добела.

Белая метель себе косы рвет.

31 января — самые сильные морозы живут.

Мороз-ломонос — береги свой нос.

Сережки у луны — к пурге и морозу.

Вода в реках убывает — жди сухое и жаркое лето.

Январь — весне дедушка.

Больше стало синего неба, солнечного просияния, наступает проявление — синенут небеса.

Январь мосты строит (мостит), а февраль рушит.

Январю-батюшке — морозы, февралю — метелицы.

Январь трещит — лед на реке впросинь красит.

Январский холод наполняет закрома.

В январе висит много частых и длинных сосулук — урожай будет хороший.

В январе и горшок на печи замерзает.

Ледень-январь — сыпь белу хмарь.

Коли в январе март, бойся в марте января.

Сух январь — крестьянин богат.

Серый январь — хлебом беда.

Если весь январь холодный — на хлебе червей не будет.

Если в январе частые снегопады и метели, то в июле частые дожди.

Лето — для старания, а зима — для гуляния.

Русская зима — с характером.

К хорошему году льда на ручьях намерзнет — не проедешь.

Снег земледельцам серебра краше.

Снежные хлопья стали крупными, значит, жди оттепель.

Много инея зимой — много росы летом.

Если солнце заходит в красную переливающуюся зарю, завтра будет ветер и мороз.

Если после захода солнца при совершенно ясном небе на западе

долго видно почти белое, серебристое сияние без всяких резких границ, то это указывает на продолжительную ясную погоду.

Вечером заря закатывается румяна — к ветру.

Месяц на копытцах — к холоду, на спинке — к теплу, дождику или снегу.

Появилось большое белое облако — к выюге.

Хорошая погода сохранится, если замечено появление высоких (перистых) нежных и прозрачных облаков, почти неподвижных и беспорядочно разбросанных.

Звезды играют: зимой — к выюге, летом — к дождю.

Если утром ясно, но к 10 часам появляются легкие кучевые облака, усиливающиеся к двум-трем часам дня и вновь исчезающие к вечеру, то это признак хорошей погоды.

Ель не сосна — шумит неспроста.

Дерево, срубленное в сильные морозы, скоро расщепляется.

Дерева окутал пушистый иней — завтра будет ясная морозная погода.

Сосенки, березки нагнет тюка (наледь), тюкушки намерзнут толстые — к хорошему году.

К зеленому году лес чистый стоит.

Лес шумит, дубрава почернела, запели рано в стужу петухи, дым коромыслом, стекла запотели и расширились повсюду воробьи — мороз спадает, оттепели жди.

Воробьи дружно собирают пух и перья около курятников, утепляют свои укрытия — через несколько дней наступят сильные морозы.

Галки и вороны кричат беспрерывно — будет снегопад, а возможно и метель.

Если вороны садятся на снег или на деревья головой в разные стороны — будет безветренный день. Если же садятся в одну сторону головой на сук потолка и поближе к стволу дерева — будет ветер. И будет дуть с той стороны, в какую вороны повернули головы.

Дятел рано торчит (стучит), в январе еще — к ранней весне.

Филин бухает, значит, погода переменится.

Зайцы держатся около жилья — к морозам.

Сильная тяга в печи — на мороз, слабая — на сырую погоду, красный огонь — к морозу, белый — к оттепели.

ВЗРЫВЫ НА БЕЛЫХ СКАЛАХ

Соболь настигал кабаргу... Ему не мешал рыхлый снег, и расстояние между ними все сокращалось. Обреченная жертва выбивалась из последних сил. Как вдруг копытца загнанного животного задокали по камню... У кабарги прибавилось сил: с камня на камень, все выше и выше уходила она от хищного преследователя. А достигнув вершины, встала на камень, как сказочное Серебряное копытце...

Не могла знать уставшая кабарга, что здесь ей грозила другая смертельная опасность. Под тысячетонную скалу люди заложили взрывчатку, и все было готово к взрыву. Но он не прозвучал в тот момент... У взрывников не хватило духу убить грациозное животное.

Это случилось в каменном карьере «Гомон», где добывают известковый камень. Он нужен для целлюлозно-бумажной промышленности, для печей цементного завода, строительства.

Карьер — большое современное предприятие, оснащенное мощными самосвалами, экскаваторами, оборудованием для взрывных работ. Сотни тысяч тонн поставляет карьер ежегодно. Вот почему гремят и гремят взрывы на сахалинских скалах.

«Гомону» всего около тридцати лет, и впереди у него большое будущее. Геологи подсчитали, что запасов известняка хватит на столетия.

И. КАРЛОВ

ШКОЛА ДЛЯ ТЕАТРА

«Императорские театральные училища в Петрограде и Москве имеют два отделения — балетное и драматическое... Плата за пансион 300 рублей в год и 30 рублей на первоначальное обзаведение, и сверх того 150 рублей в обеспечение годового взноса. При приеме требуется умение читать и писать по-русски, знание необходимых молитв и счисление...»

Эта справка взята из дореволюционного «Всеобщего календаря» за 1915 год. Как видно, дороговато обходилось артистическое образование в императорских театральных училищах.

Спустя всего несколько лет произойдет в стране бурный творческий взрыв: без счета появившиеся студии, маленькие студийки, школы, кружки возвестят о пробудившихся народных талантах. Каждый театр заведет свою собственную студию, а пример тому подаст Московский Художественный театр: появятся школы Вахтангова, Симонова, Завадского, Хмелева, Комиссаржевского... Неслыханные аббревиатуры зазвучат одна за другой: ГВЫТМ (государственные высшие театральные мастерские), ГВЫРМ (режиссерское отделение), ГЭКТЕМАС (государственные театральные экспериментальные мастерские им. В. Мейерхольда). Был даже ХЛАМ — художественно-литературная, артистическо-музыкальная студия...

Пройдет пора Магнитки и Днепроострой, и молодая советская страна поставит на рельсы и свой «культурный паровоз»: откроет во всех республиках театральные училища, консерватории, широко распахнет двери в искусство самодеятельным коллективам.

...Свердловский государственный театральный институт — одно из последних культурных «приобретений» народа. Семнадцатый по счету вуз в Свердловске открылся в 1986 году, получив бывшее здание театра юного зрителя.

Профессия артиста, его путь к сцене и экрану тоже начинаются с занятий, лекций, зачетов, курсовых работ. Обычная студенческая жизнь... И все-таки, профиль есть профиль! В стенах этого вуза, везде и всюду, царит вдохновение — главное, без чего немислима жизнь и судьба артиста. Даже, если он еще только учится...

Открытие нового театрального института — еще один заметный шаг в культурной жизни страны. Это седьмой по счету вуз такого профиля в Российской Федерации. А театральные, музыкальные, хореографические училищ и не сосчитать... Без всякой платы «за пансион», в отличие от императорских училищ, эти учебные заведения растят даровитых певцов, артистов, музыкантов, режиссеров.

Фото Игоря Горячева

Главный редактор С. Ф. МЕШАВКИН

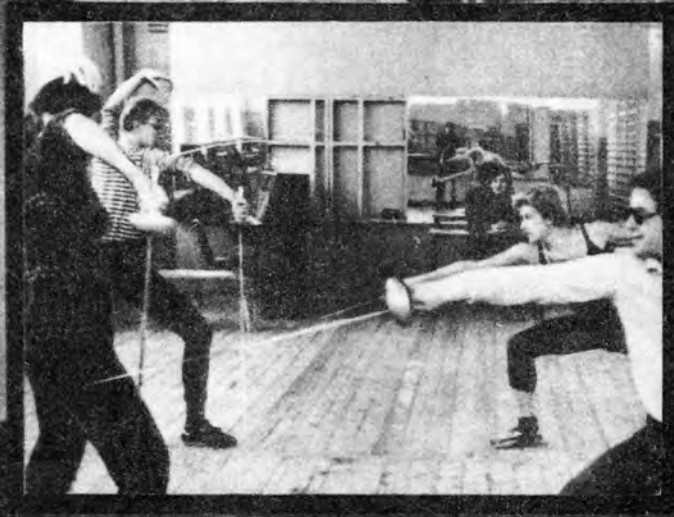
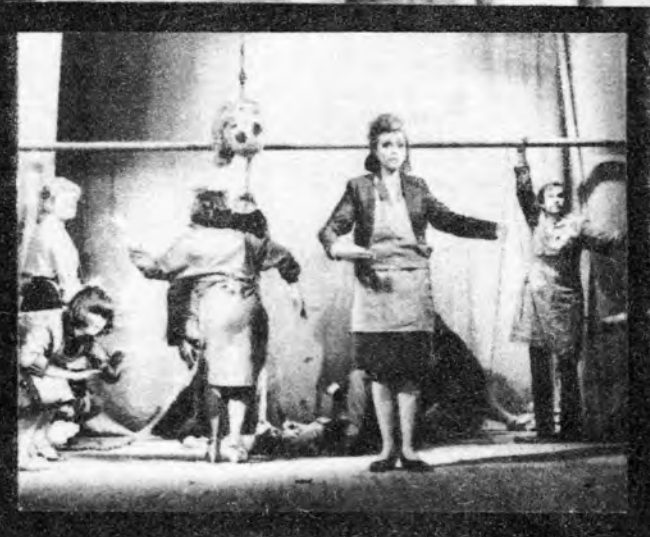
Редколлегия: Е. Г. АНАНЬЕВ, В. П. АСТАФЬЕВ, М. ГАЛИ, В. П. КРАПИВИН, Ю. М. КУРОЧКИН, Д. Я. ЛИВШИЦ (зам. главного редактора), Н. Г. НИКОНОВ, А. П. ПОЛЯКОВ (зав. отделом краеведения), О. А. ПОСКРЕБЫШЕВ, Л. Г. РУМЯНЦЕВ (зав. отделом прозы и поэзии), А. К. СЕМЕРУН, К. В. СКВОРЦОВ, В. А. СТАРИКОВ (отв. секретарь), А. Н. СТРУГАЦКИЙ

Редакция: В. И. Бугров (отдел фантастики), Л. С. Будрина (технический редактор), В. В. Бурангулова (корректор), Л. Г. Гончарова (секретарь-машинистка), А. Д. Кононова (отдел писем), Ю. В. Липатников (отдел науки и техники), Е. И. Пинаев (художественный редактор), Н. А. Широкова (отдел следопытской жизни)

Адрес редакции: 620219, Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 22-в.
Телефоны отделов: 51-55-56 (писем, публицистики), 51-22-40 (секретариат), 51-09-71 (прозы и поэзии), 51-53-20 (науки и техники, следопытской жизни), 51-09-69 (краеведения)

Сдано в набор 30.09.86. Подписано к печати 11.11.86. НС 11172. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 11,2. Тираж 403 000 экз. (1-й завод: 1—250 000). Заказ 464. Цена 40 коп.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

И ОТКРЫЛОСЬ ВЗГЛЯДУ...

В 1947 году из Управления по делам искусств при Совете Министров РСФСР Нижнетагильскому государственному музею изобразительных искусств было передано несколько художественных произведений, среди которых находились картины А. М. Корина.

Около трех десятилетий отдал Корин служению искусству, более двадцати лет был преподавателем в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Им воспитан большой отряд художников, прошедших через «головной класс». «Мы любили его, — рассказывал М. С. Сарьян, — это был хороший художник и обаятельный человек».

А. М. Корин относится к тем художникам, кто оставил большое наследие в области жанровой живописи. В этих работах он продолжал следовать той линии, которую начал в портретном искусстве — верность натуре. В жанровых картинах художника нет ничего придуманного или специально поставленного для сюжета. Все его работы написаны непосредственно с натуры, сюжеты взяты из жизни, персонажи в картинах — хорошо знакомы художнику.

Среди произведений А. М. Корина, хранящихся в нашем музее, есть картина «Базар»: горизонтальный холст небольшого размера с изображением сцены базара в летний день на городской площади. Долгое время картина хранилась в запаснике без кромки и подрамника, в том виде, как она и поступила в музей. На холсте появилась деформация в виде вертикальных волн, картину нужно было реставрировать: устранить деформацию, укрепить красочный слой и подвести кромки.

Самое трудное при реставрации — подведение тонких шифоновых кромки встык. Операция эта уникальна, ее выполняют опытные мастера Всероссийского художественно-научного реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря. Поэтому я повезла картину Корина в Москву «на лечение».

Как всегда, собрался реставрационный совет из специалистов высшей квалификации, который коллегиально определил последовательность операций, технологию работ. Все шло обычным порядком, но вдруг неожиданность...

Автор писал «Базар», используя обратную сторону своего старого холста с композицией на совсем иную тему. Считалось, что эта бытовая сценка с детьми в домашнем интерьере — всего лишь подготовительный этюд к другой картине. Но когда сняли поверхностное загрязнение, удалили инвентарные номера, начертанные прямо поверх живописного слоя тушью, а позднее и масляной краской, открылась вдруг подлинная живопись художника с изысканными градациями цвета и тона. Живопись тонкая, живая, красивая. И тогда стало ясно, что это не этюд, а вполне самостоятельное произведение, представляющее несомненно художественную ценность.

Для отреставрированной картины была сделана специальная оригинальная двусторонняя рама, и теперь она приобрела экспозиционный вид и заняла свое достойное место в галерее.

Вот так и случилось, что в реставрационный центр я привезла из Нижнего Тагила одно произведение видного русского живописца, а возвращалась в музей с двумя. Так пополнилась коллекция русского искусства в музее нашего города еще одной картиной.

Анна Наседкина,
реставратор Нижнетагильского музея
изобразительных искусств.

Картина А. Корина, обнаруженная на обратной стороне «Базара»

БАЗАР. А. Корин